

21. Выполняемая работа с начала трудовой деятельности (включая военную службу)

Дата (м-к год)	Дата вступления	Дата ухода	Должность с указанием учреждения, организации, предприятия, а также наркомата (ведомства), в систему которого они входят	Место рождения (город, район, область, край, республика)
1919	1920	1921	до 1919. на т.д. дороге. Работник в Крестовском артели Красноармейская и др. артели.	г. Артемьев
1933	1933		Товаровед Московский	г. Москва
1939	1939		Машинист	г. Москва
1939	1944		Управляющий зав. Тр. ст. (Кремлевский завод)	г. Москва
1939	1939		Кл. ст. в Тр. ст. Колонии	Моск. область
1939	1939		Шофер в Колонии	г. Москва
1939	1941		Кл. ст. в Колонии	г. Москва
1939	1941		Шофер в Колонии	г. Москва
1941	1941		Зав. Уп. Стрел. Тр. ст. в Колонии	Рашев. р-н
1941	1943		Кл. ст. в Колонии	г. Москва
1941	1943		Кл. ст. в Колонии	г. Москва

Личный листок по учету кадров

1. Фамилия Березинский
 2. Пол М. 3. Год рождения 1900 4. Место рождения: авт. Велювский р-н. с. Березинское
 5. Национальность Русский 6. Соц. происхождение: крестьяне
 7. Основная профессия (занятие) в настоящее время: крестьян
 8. Соц. положение: Безработный 9. Партийность: Член ВКП(б)
 10. Стаж работы: 11 лет

Почетное звание чекиста
 требует
 деятельности
 решительности
 и храбрости.

ОТ КОЛЛЕГИИ ОГПУ
 ТОВАРИЦУ
ПЕРСНЯКИНУ
Павлу
Степановичу
 за ударную работу
 и преданность делу
 революции

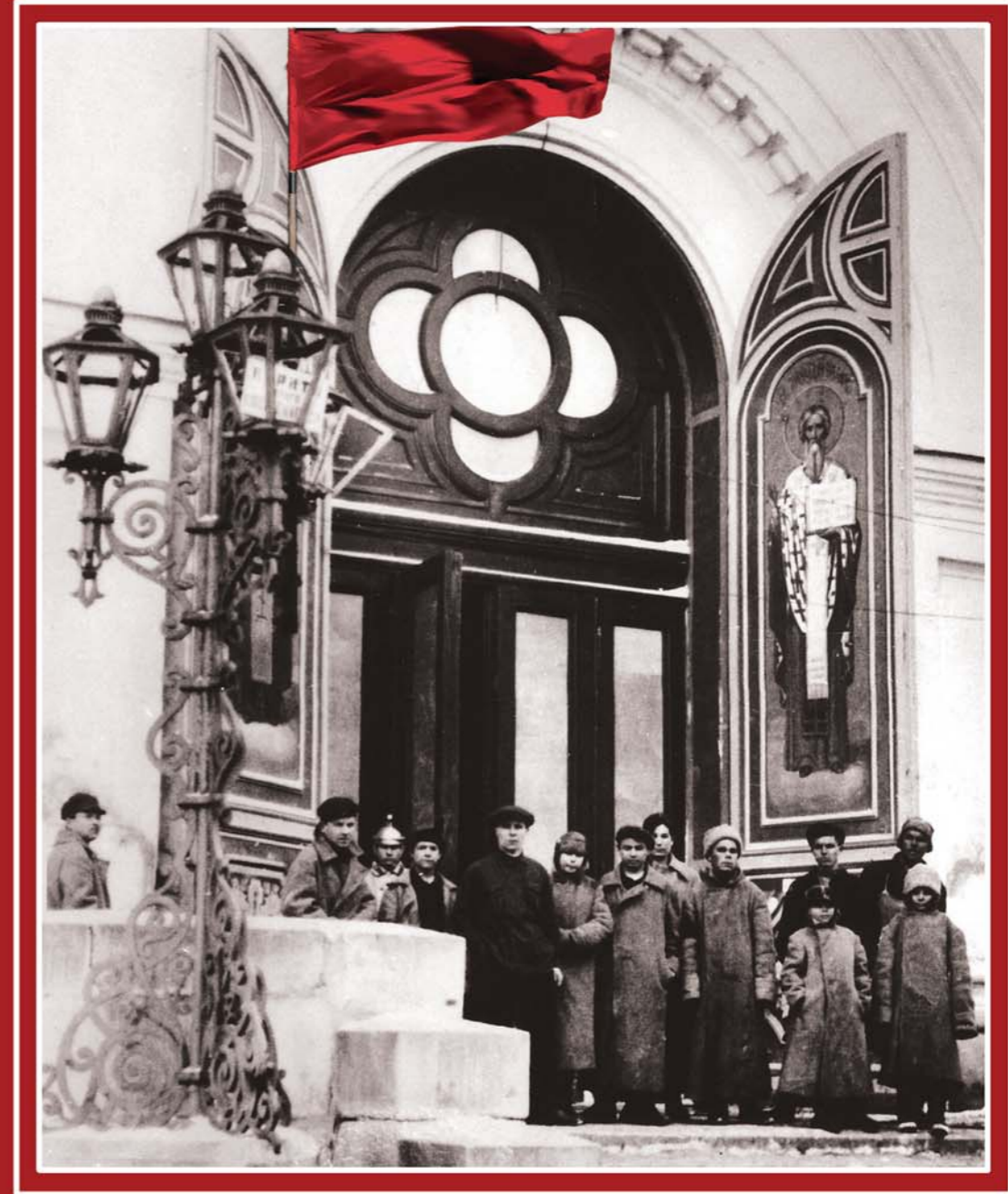
Председатель ОГПУ
 8. 10. 1934 г.

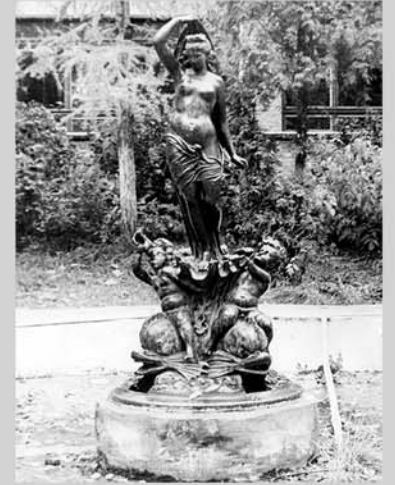
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВСЕСОЮЗНАЯ
Коммунистическая Партия
 (Большевиков)
 Ухтомский районный
 Комитет
 Московской Области

Коммуна в Николо-Угреше

Коммуна
 в Николо-Угреше
 г. Дзержинский Московской области

*К 85-летию со дня основания
трудовой коммуны № 2 ОГПУ–НКВД
имени Ф.Э. Дзержинского*

КОММУНА В НИКОЛО–УГРЕШЕ

г. Дзержинский Московской области

*Документы, статьи,
очерки, воспоминания*

г. Дзержинский
Московской области
2012

УДК 902
ББК 63.2
К-63

Коммуна в Николо–Угреше. г. Дзержинский Московской области.
Документы, статьи, очерки, воспоминания. — Дзержинский Московской области: ДМУП «Информационный центр»; МАУК «Культурно-эстетический центр», 2012. — 256 с., ил.

В книге собраны документы, статьи, очерки, воспоминания и стихи разных авторов, посвященные трудовой коммуне № 2 при ОГПУ–НКВД, действовавшей на территории подмосковного Николо–Угрешского монастыря в 1927–1938 годах.

Уникальность этой коммуны состоит в том, что в ней давали «путевку в жизнь» не только подросткам, лишенным родительского попечения, но и взрослым людям асоциального поведения. Выпускники коммуны стали достойными членами общества: рабочими, инженерами, учеными, врачами, артистами, художниками, спортсменами.

Воспитанники трудовой коммуны № 2 впоследствии составили значительную часть населения поселка имени Дзержинского. Предприятия, построенные в коммуне, стали основой для создания НПО (ныне ФЦДТ) «Союз», выпускающего твердые топлива и другие изделия для военной и космической промышленности.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Попечители проекта:

Ерастов Г.И. (ООО «Торговый Дом Нефтьмагистраль»)

Жук В.П. (ООО «Торговый двор»)

Краснянский А.С. (ООО «Дорзеленстрой»)

Трутнев С.А. (ОАО «ИТЕКС»)

Бизяев Ю.С. (МАУК «Культурно-эстетический центр»)

Колесников В.А. (БОФ «Истоки спорта»)

ISBN 978-5-900999-81-4

© МАУК «Культурно-эстетический центр», 2012

© ДМУП «Информационный центр», верстка, 2012

© Авторы, отдельные материалы, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во все времена серьезные социальные бедствия — войны, революции, экономические кризисы, эпидемии, голод вследствие неурожая или политических действий правительства — более всего ударяли по самым незащитным слоям населения, прежде всего по юному поколению, и порождали волны детской беспризорности и безнадзорности. Беспризорники утрачивали связь со своими семьями по причине гибели родителей, родственников либо их асоциального поведения, теряли дом и ютились в не приспособленных для нормального жилья местах, бродяжничали, вынуждены были добывать себе пропитание попрошайничеством или мелким воровством. Многие попадали под влияние криминального мира, становились профессиональными ворами, попадали и тюрьмы. Похожая судьба ждала и безнадзорных подростков, которые хоть и жили с родственниками, но были практически лишены опеки с их стороны, поскольку и сами эти родственники вели асоциальный образ жизни, а порой не имели средств к существованию.

В первые годы XX века Россия пережила войну с Японией, две волны голода в Поволжье в 1906 и 1911 годах. Однако тогда детская беспризорность еще не стала глобальным бедствием, поскольку были приняты меры (как правительством, так и частными благотворителями) по доставке продовольствия в пострадавшие от засухи районы, по устройству осиротевших детей в приюты.

Обострилась эта проблема в 1-ю мировую войну, а в Гражданскую войну и в 1920-е годы приняла невиданные доселе в новой истории России масштабы. Две войны, революция 1917 года, репрессивная политика нового Советского государства в отношении целых сословий (дворянства, казачества, крестьянства), сильный голод в Поволжье 1921–1922 годах, усугубленный продразверсткой в предыдущие годы, лишившей крестьян минимальных «страховых» запасов... Вот неполный перечень социальных катаклизмов, потрясших страну и породивших огромную «армию» детей, лишившихся родительской опеки. Их насчитывалось около 7 миллионов по всей стране. Примерно каждый 4–5-й ребенок был сиротой, беспризорным или безнадзорным. Около 800 тысяч детей приютили детские дома и колонии, но во многих из них ребятам жилось несладко: там часто не хватало самого необходимого. По разным оценкам, собственно уличных беспризорников тогда насчитывалось от 300 тысяч до 1 миллиона. Это была действительно огромная «армия», перманентно «атакующая» рынки, карманы и жилье граждан, чтобы как-нибудь выжить. Н.К. Крупская прямо называла «издержками революции» эту «армию» обездоленных подростков. Явление было очень заметным, вопиющим, грозящим в будущем перерасти в проблему взрослой преступности.

Борьба с беспризорностью велась уже в годы Гражданской войны и сразу после ее окончания, но особенно активно — с 1924–1925 годов, когда подключилась широкая советская общественность, в том числе по инициативе Ф.Э. Дзержинского — ЧК(ОГПУ). Ярким и удачным примером этой борьбы стала организация детской колонии Минфина–Минпроса в 1918 году, Красного детского городка в 1924–1925 годах и, наконец, в августе 1927 года трудовой коммуны № 2 ОГПУ на территории бывшего Николо–Угрешского монастыря, располагавшегося в ближнем Подмосковье в 6 км от станции Люберцы.

Воспитанники сюда попадали из самых разных слоев населения и сословий: из дворян, рабочих, крестьян, казаков. Большинство имело, конечно, крестьянское происхождение, ведь это было самое многочисленное сословие дорево-

люционной России. Одни ребята оставались неграмотными, другие имели начальное образование, но встречались и выпускники средних школ и гимназий. Набирали будущих воспитанников из детских домов, из уличных притонов в ходе массовых мероприятий борьбы с беспризорностью, других — постарше — брали из тюрем и лагерей, третьи приходили в коммуну сами или их приводили родственники, чтобы они могли получить здесь образование и необходимую профессию.

Используя коммунарскую методику А.С. Макаренко, работавшие в коммуне педагоги по призванию Ф.Г. Мелихов, П.С. Перепелкин, Е.П. Смелянский и другие, вышедшие из рядов ОГПУ, смогли создать в Николо–Угреше сплоченный коллектив коммунаров и вольнонаемных работников, построить заводы и фабрики, учебные заведения, клуб, стадион, дома — словом, целый поселок на базе бывших монастырских зданий и новых корпусов. Они вольно или невольно действовали по русской поговорке: «Не строй семь церквей, а пристрой семь детей».

Последних монахов выселили из бывшей обители в 1925 году. Архитектурный ансамбль Николо–Угрешского монастыря, конечно, использовался не по назначению и утратил во многом свою былую красоту. Такая участь была неизбежна в годы богоборчества. Слава Богу, эти стены не стали казематами секретной политической тюрьмы, как расположенная неподалеку Свято–Екатерининская пустынь, не были разобраны по кирпичику на неподобающие нужды, а приютили и обогрели обделенных заботой родственников детей и молодежь.

Бывшие беспризорники, «безнадзорники», молодые правонарушители до 25 лет и просто воспитанники были вырваны кто из тяжелой среды обитания, кто из криминального мира, получили нужное им образование (вплоть до среднего специального и высшего), необходимые профессиональные навыки, влились в рабочие коллективы и в новую жизнь, стали достойными людьми. Подавляющее большинство из них больше никогда и не помышляли о правонарушениях.

А стены зданий Николо–Угрешского монастыря все–таки устояли и после возвращения обители Русской Православной Церкви были восстановлены в 1991–2011 годах при участии жителей теперь уже города (с 1981 года) Дзержинского, в числе которых были и воспитанники коммуны.

Это издание рассказывает о коммунарах, их воспитателях и наставниках, их судьбах, достижениях, проблемах, радостях и трудностях жизни в Николо–Угреше, как сначала по традиции называли место расположения коммуны. О ее исторической роли говорит тот факт, что поселение называли коммуной вплоть до начала 1950–х годов, хотя официально рабочий поселок носил имя Ф.Э. Дзержинского с 1938 года, а сама трудовая коммуна — с 1936 года.

В книге собраны статьи, очерки, стихи и воспоминания разных авторов, написанные в разное время, но вместе дающие целостную и яркую картину жизни трудовой коммуны №2 ОГПУ–НКВД в контексте истории страны в 1920–1930–е годы.

Этот уникальный опыт не теряет своей актуальности и в наши дни, когда необходимо, перефразируя русскую пословицу, и церкви строить, и обездоленных детей, каковых в России немало, пристроить и дать им «путевку в жизнь».

**БОРЬБА С БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В СССР
И КОММУНА В НИКОЛО–УГРЕШЕ**

Алексей Рожков
кандидат педагогических наук
«Родина». № 9, 1997, с. 70–76

БЕСПРИЗОРНИКИ

*«Советские дети? Да, конечно, знаю: это — besprizorniki...»
Такой ответ мне приходилось слышать
здесь за границей не раз, когда речь заходила
о детях в советской России».*
Е. Замятин¹

Откуда брались в советской России беспризорники? К общепринятым причинам (войны, эпидемии, массовый голод), несомненно, прибавились новые. Теперь детьми улицы становились не только круглые сироты. В годы «военного коммунизма» многие женщины, прежде занимавшиеся исключительно воспитанием детей, были мобилизованы на принудительные работы, предоставив сыновей и дочерей улице. Детям приходилось торговать пирожками и домашними вещами, так как взрослым это делать запрещалось².

«Огромные размеры детской беспризорности, не только явной и открытой, но и замаскированной, являются прямым результатом великого социального кризиса, в течение которого старая семья продолжает распадаться гораздо скорее, чем новые учреждения оказываются способны заменить ее», — отмечал Л. Троцкий. Новая советская идеология также прорезала между в

Продавцы папирос. 1921 г.

отношениях отцов и детей. «Мачеха... силой заставляет меня молиться Богу и ходить в церковь. Ввиду этого мне пришлось покинуть родительский дом и школу», — писал в редакцию журнала «Пионер» юный беспризорник.

В 20-е годы получила распространение «классовая» причина беспризорности. Поставленная партией задача увеличения удельного веса рабоче-крестьянской «прослойки» в школе решалась по-революционному просто: детей «нетрудовых элементов», «лишенцев», «бывших людей» оттуда просто исключали.

«Чистки» распространялись и на детей середняков, кустарей, ремесленников. Исключение из школы ставило их в положение почти полной беспризорности³. И тем не менее примерно 70 процентов уличных беспризорников в стране победившего пролетариата составляли дети рабочих, около 20 процентов — выходцы из интеллигентских семей, 10 — приходилось на остальные социальные группы⁴.

Пасынки Отечества

В 20-е годы беспризорников можно было найти в любой точке СССР. Лидирующее положение занимала, естественно, Москва. Если в 1917 году беспризорники составляли 1–2 процента всех московских детей, то уже к середине 20-х годов эта цифра, по разным подсчетам, возросла в городах России до 25–40 процентов⁵, особенно выделялись в этом плане Казань, Саратов и Покровск (Энгельс) — местности Поволжья, охваченные неурожаем, Воронеж, Нижний Новгород, Орел, Вологда, Краснодар...

«Беспризорники — элемент неустойчивый и текучий», — отмечали органы социальной защиты. И действительно, дети, словно стайки перелетных птиц, стремились на юг, к теплу и хлебу. Полуголые, грязные и мерзнувшие даже в жару, они ходили группами в курортных городках, прося милостыню и воруя. Самым известным на курортах Черноморья был «Васька в шинели». Осенью он забирался в теплые края, где можно было воровать фрукты и перебиваться подачками щедрых моряков, а весной уезжал обратно в Пензу, в родной детдом⁶.

Сравнительно легко нарисовать портрет беспризорника: чумазый, в лохмотьях, босоногий, с воровато-жалостливыми глазенками, неустанно повторяющий что-то вроде: «Дядя, дай 10 копеек» или «Гражданин-товарищ-барин». Гораздо сложнее понять его внутренний мир. Социологи сказали бы: самый распространенный для беспризорности возраст это 10–14 лет, затем она шла на убыль. Впрочем, определить возраст «гавроша» довольно трудно. Обследование одной из трудовых коммун в Москве показало, что мальчики «с 6–7-летнего возраста курят по 25–30 папирос в день, пьют эпизодически по 1–2 бутылки самогонки, кокаин нюхают все поголовно большими дозами»⁷.

Неудивительно, что внешний вид беспризорников был далек от детского: «Они поражают своей худобой, истощенностью, бледностью, землистым цветом и каким-то старческим выражением лица; у некоторых уже нет зубов, торчат какие-то черные корешки, глаза провалились, с огромными синяками... Они сами говорили о себе: «Это я потому такой, что кокаин

нюхаю»⁸. Нередко 15–16-летнему подростку на вид можно было дать не более 10–11 лет.

Обитали беспризорники где попало: в ямах, развалинах, подземельях, старых вагонах. «Я хорошо помню этих совершенно невыносимых оборванцев, — отмечает А. Обросов, — всех в грязи и во вшах, кочующих возле асфальтных котлов, греющихся у костров... заселяющих чердаки и подвалы...»⁹

Свои убежища беспризорники называли «дачами». Об одной из таких «дач» сообщалось в рапорте сотрудника детской инспекции: «При обходе ночью улицы Петровки послышалось движение в мусорном ящике. Подойдя ближе к ящику, я... заметила маленькое отверстие для воздуха. Долго дети не подавали звука; наконец, послышались раздраженные голоса: «Что вы ходите, ведь ничего не сделаете! Вот лучше бы накормили, дали работу...» Постепенно дети выползли... Их было в ящике всего 6 человек в возрасте от 12 до 17 лет. Постоянных же обитателей этого «жилища» — 10 человек»¹⁰.

На «даче». 1922 г.

Нужда заставляла детей искать убежище в любом удобном месте. В теплом Краснодаре «босовики» располагались вблизи Александро-Невского и Екатерининского кафедральных соборов, слившись с колонией взрослых бомжей. «Они ведут себя слишком свободно, — жаловались церковные служители, — спят, едят, раздеваются и ищут паразитов, играют в азартные игры, осыпают прохожих руганью»¹¹. Некоторые беспризорники грелись в паровозных топках, жили под батареями парового отопления на вокзалах и даже на крыше одного из московских кремлевских зданий¹².

По образу жизни, внутреннему статусу беспризорников можно классифицировать на три категории. Первая группа — нищие, или «кусочки».

По сравнению с дореволюционными данными нищенство в Петрограде в 1920–1922 годах возросло в 5–7 раз¹³. «Кусочки» выпрашивали деньги или съестное. «С улицы прибежали в лохмотьях синие от холода, еще более голодные... дети, — описывала свои послереволюционные дни в Питере баронесса М.Д. Врангель. — Они облипали наш стол и, глядя помертвевшими, белыми глазами жадно вам в рот, шептали: «Тетенька, тетенька, оставьте ложечку», и только вы отодвигали тарелку, они, как шакалы, набрасывались на нее, вырывая друг у друга, и вылизывали ее дочиста»¹⁴. Другая разновидность нищих — «певцы». Современник 20-х годов вспоминает: «Вот в проходе появился мальчуган... Лицо и руки черны от грязи. Блестят только белки глубоко ввалившихся глаз. Дремоту вагона будит звук деревянных ложек, под аккомпанемент которых мальчуган своим застуженным голосом поет:

*В том саду при долине,
Где поет соловей.
А я мальчик на чужбине,
Позабыт от людей.
Позабыт, позаброшен
С молодых, юных лет.
Я остался сиротою,
Счастья, доли мне нет...»¹⁵*

Как правило, с 14–16 лет ребята переходили в среднюю категорию — образовывали воровские шайки. Каждый беспризорник-вор владел той или иной «профессией». Те, кто специализировался на кражах квартир или магазинов со взломом, назывались «скокарями». Они зарабатывали от 2 до 10 рублей в день и тут же тратили их на женщин, вино, азартные игры, дорогие вещи. Воры попроще именовались «ширмачами» и «чемоданщиками». «Ширмачи» изучали карманы советских граждан, что приносило им от 1 до 3 рублей в день. Доход «чемоданщика» полностью зависел от содержимого чемоданов.

Основная же масса беспризорников относилась к «сывкам» — мелким ворам, предпочитавшим скорее выпросить, чем украсть. Воровской промысел требовал четкой организации, распределения обязанностей. Шайки насчитывали от 2–3 до 10 и более подростков. Крали в основном с лотков, огородов, реже из карманов. Типичная картина их работы нарисована комсомольским работником 20-х годов А. Караваевым. «Утром, продрогнув, голодные бродят по базару в поисках пищи. То спляшут, то песенку споют:

*И люди мрут все с голодухи,
Точно мухи.
И вместо хлеба шамают
Макухи.*

Слушая эти горькие слова правды, сердобольные люди протягивали что-нибудь. К ротозеям залезали в карман, у зазевавшегося торговца крали какую-нибудь снедь. Так добывали они дневное пропитание»¹⁶. Иногда они, «сбравшись в шайки по 20–30 человек, вдруг, внезапно, врываются в торговые ряды, хватая все без разбору, сбивая с ног каждого, кто вставал на их пути, и так же внезапно исчезали».

Портреты беспризорников. 1921 г.

Вся добыча делилась строго поровну между участниками кражи. К элите беспризорных преступников относились «жулики», или, как их еще называли, «стопари», поскольку они занимались «гоп-стопом» — налетами и вооруженными грабежами. К своей работе они привлекали детей-беспризорников, поскольку те могли залезть в форточку, слуховое окно на чердаке, пробраться в квартиру по водосточной трубе. Беспризорники, не жившие постоянно с «жуликами», оказывали им разовые услуги: торговцы разносили кокаин, сбывали краденое; певцы и фокусники собирали толпу для ограбления; попрошайки вели слежку за «объектом». Взрослые бандиты «заботились» о младших собратьях, подкармливая их, делясь краденым, снабжая спиртным и кокаином, тем самым готовя себе смену. Существовал неписанный закон: никогда не оставлять при себе добытых денег, поскольку их могли изъять при обыске или же отнять «свои» в ночлежке.

«Фабрика ангелов» и дома разврата

4 февраля 1919 года В.И. Ленин подписал Декрет об учреждении «Совета защиты детей» под руководством А. В. Луначарского¹⁷. В мае 1919-го появился Декрет СНК о бесплатном питании детей, отменялись телесные наказания, суды и тюремное заключение для малолетних. В творческом запале вождь пролетариата пишет записку А.Д. Цюрупе, в которой спрашивает: «...может быть, еще что-либо взять и сделать для детей?» Правда, очень быстро выяснилось, что прокормить детей государство не в состоянии. Впрочем, оно не разрешило это делать и другим. Ф.Э. Дзержинский заявил: «Кормить наших детей не за граница будет». В начале 1921 года была запрещена последняя независимая организация — «Лига спасения детей», поскольку в ней «нет ни одного признающего честно советскую власть». Вскоре та же участь постигла американскую организацию помощи голодающим (АРА).

Датский писатель-коммунист М. Андерсен-Нексе, посетивший Россию в первые годы советской власти, с революционным пафосом описывал решение детского вопроса в молодой республике, утверждая, что «лишь в новой России все взрослые — родители всех детей». Особо восторженно он писал о советских детдомах: «Общая черта всех — спартанское оборудование, почти нищенская обстановка и вместе с тем округленные, довольные детские лица!.. В детских приютах существуют свои собственные порядки, выработанные самими детьми... Все правила детского дома устанавливаются самими детьми и при содействии пользующихся их доверием руководителей.

Дети в русских приютах поразили меня своей свежестью, которой они овевают все окружающее... Несмотря на нужду и лишения, русским детям хорошо; они представляют высшую ценность...»¹⁸

Нам неизвестно, в каких детдомах однофамилец известного сказочника видел эти райские картинки. Возможно, ему устроили образцово-показательный блеф для «слова правды» о советской России, не исключена и писательская гиперболизация. Резким диссонансом этим высказываниям звучат строки доклада, подготовленного отделом охраны детства Наркомпроса в декабре 1920 года для VIII Всероссийского съезда Советов. Но Луначар-

ский, по распоряжению которого он готовился, назвал доклад «крайне бестактным» и приказал изъять из обращения, что и было сделано. Сохранился доклад чудом.

Некоторые его фрагменты воспроизведены в книге С.С. Маслова «Россия после четырех лет революции»: «...в Саратовской, Тамбовской губерниях, на Дону и Кубани дети спят на голом полу или охапках соломы... которые... все кишат паразитами, заживо съедающими детей... Посуды нет. Дети едят из каких-то грязных баночек от консервов или от мази, часто подобранных ими с улицы. Ложек нет, и дети едят суп... прямо руками, делая из них лодочки... Ужина у детей нет... В Пензе... мальчик 6 лет сошел с ума от того, что его заела вошь. Сначала он ловил, кусал и ел ее, но потом в его больном воображении вошь достигла таких размеров, что он не мог с ней бороться и целые дни кричал и бился в судорогах... В Саратовской губернии ответственные работники говорили, что лучше вывести детей из детдомов за город и там расстрелять, чем так их мучить... Старшие дети занимаются развратом, играют в карты, курят, пьют «Николаевскую». Девочки 16–17 лет торгуют собой... Детские дома являются не очагом коммунизма, а возбудителями контрреволюционных настроений, вооружающих население...»¹⁹

В мае 1921 года доклад был доведен до членов коммунистической фракции ВЦИК. Любопытна реакция на этот доклад «железного Феликса», приказавшего срочно ознакомить с ним уполномоченных ВЧК: «Как я сильно пережил все это, прочитав... доклад о положении детей!» «Рыцарь революции» лично возглавил созданную при ВЦИК комиссию по улучшению жизни детей. В состав нового органа входило немало сотрудников аппарата ВЧК, поскольку «его разветвления есть повсюду. С ним считаются. Его побаиваются...» Недаром эту комиссию именовали в обиходе не иначе как ДЧК — детской чрезвычайной.

Отчеты комиссии Дзержинского мало отличались от «бестактного доклада». В 1922 году «свыше миллиона детей находятся в тяжелых условиях (сырые места, провалившиеся крыши, потолки, разбитые окна, здания без уборных, воды, света...). Сотни тысяч детей питались полуголодным пайком, нерегулярно, без одежды и обуви... не выдерживали ни дети, ни воспитатели: первые убежали, вторые уходили... Некуда девать детей — нет мест в детских учреждениях. Даже если бы и были места — их там нечем занять».

Ужасающую картину содержания детей в крымских приемниках во время голода 1922 года нарисовал врач В. Невзоров: «В одной большой комнате... копошилось около 200 детей... Детская психика была настолько подавлена, что трупы служили изголовьем для тех, которых завтра ожидала та же участь, на трупы дети клали хлеб, трупы служили вместо стола...»²⁰ Вскоре о том, что назвал «бестактным» Луначарский, стали говорить советские газеты. Газета «Коммуна» вещала о том, что «в тульском детдоме 80 ребят едят из шести мисок», а «Уральский рабочий» сообщал: «...дети питаются сухим хлебом, который заедают снегом, так как нет воды...» О детдоме имени Воровского, разместившемся в прекрасном барском доме, писала в 1926 году «Комсомольская правда»: «Всю зиму дети оста-

вались разутыми. Антисанитария распускается пышным цветом... Естественные потребности дети отправляют тут же в комнатах. Вшивость детей ужасная. Неопишная грязь, зловоние, спертый зараженный воздух... И снаружи густой слой всяких нечистот и кухонных отбросов».

В детдомах были широко распространены «порка, карцер, сажание детей под пол и другие экзекуции, вплоть до систематического истязания детей». В ростовском «Молоте» сообщалось, что в Каменском детском городке «детей раздевают донага и ставят в холодное помещение, мальчиков и девочек вместе, чтобы стыдно было». Многие воспитанники считали свой детдом «могилой», «тюрьмой». Даже песенки складывали вроде такой:

*У баронского пруда
Стоит красная тюрьма.
Кому некуда деваться,
Тот идет туда спасаться.*

Жалуясь на свою детдомовскую жизнь, ребята говорили: «Завели бы уж лучше куда-нибудь да расстреляли из пушек, чем так даром с нами морочиться»²¹.

Нередко возмущенные детдомовцы восставали против тюремного режима, жестокости педагогов и, «подогревшись» кокаином и алкоголем, поднимали настоящие бунты. В 1929 году в самарской ночлежке беспризорники забаррикадировались в одной из комнат и бросали кирпичи в прибывших милиционеров. Детское восстание против жестокого обращения вспыхнуло

Вновь на улице. 1929 г.

в бузулукской детколонии и было «временно заглушено милицией». Подобные вспышки протеста происходили и во многих других местах²².

Самой распространенной формой протеста стали побеги-уходы из детских учреждений. Из труддомов, колоний убежало 40–45 процентов от числа воспитанников, в то время как из учреждений с облегченным режимом содержания — всего лишь 1–2 процента. Родители не хотели отдавать детей в приюты. Свое решение они объясняли тем, что *«пребывание в советских приютах равносильно смерти»*.

Питомцы детдомов представляли особо благодарный «материал» для насаждения коммунистических идей и обрядов «нового быта». Лишенные семьи, сгруппированные в отряды, помещенные в рамки режима, они были настоящей «*tabula rasa*» (чистая доска — лат.) для идеологических экспериментов, особенно если учесть, что ВЧК-ГПУ взяло детдома и колонии под свое покровительство. *«Мы выбрасываем лозунг организации всех детей детдомов в отряды юных пионеров, — отмечалось в докладе ЦК РКСМ на Всероссийском съезде по социально-правовой охране детства. — Мы переварим эту детскую массу, она войдет в русло детского пролетарского движения»*.

Первоначальная схема борьбы с уличной шантрапой — «беспризорник с улицы — детский приемник — детдом» — привела к переполнению детских домов. Со временем их начали «разгружать», а беспризорников отправлять в ночлежки и дневные мастерские. Но прежде всего старались вернуть ребят нашедшимся родителям. Проблема заключалась в том, что многие дети не знали своих адресов, фамилий или же не хотели возвращаться домой. Из 52 тысяч детей, содержащихся в детдомах Кубани, только 50 назвали свои адреса. Пробовали раздавать детей кустарям и крестьянам. Но и эта мера не дала положительных результатов: как только государство переставало платить за детей деньги либо наступал голод, «опекуны» тотчас выбрасывали их на улицу.

Ситуация несколько изменилась в годы нэпа. Теперь с увеселительных заведений, магазинов, лавок взималась доля в детский фонд; детские комиссии могли арендовать торговые заведения, выручка которых также шла детям. Отдельным детдомам разрешалось вступать в кооперативы, создавать подсобные хозяйства. Не осталась в стороне и армия: к каждому десяти красноармейцам прикрепляли одного голодающего ребенка, создавались полковые приюты для детей²³. Иногда происходило нечто из ряда вон выходящее: например, торговцы Краснодара добровольно обложили себя единовременным 40-процентным налогом в пользу беспризорников²⁴. Однако чаще всего создание различных «добровольных» обществ на деле оказывалось попыткой государства переложить бремя расходов с госбюджета на частных лиц и общественные организации. Так, значительная часть собранного миллиона рублей в московском отделении общества «Друг детей» на деле являлась обязательными взносами членов партии, комсомола, советских служащих.

Вместе с тем отношение к беспризорным в обществе было неоднозначным: *«Появление в вагоне маленького оборванца и слова его нехитрой песни вызывают разные чувства: одни судорожно роются в карманах и сумках, молча*

суют ему в ладонь медяки и куски хлеба, другие — торопливо прячут узлы, корзины, чемоданы, третьи — хриплыми, злыми голосами кричат: «Пошел прочь! Знаем мы вас. Чем песни петь и шататься по вагонам, лучше бы работать шли, шпана...» Кто-то из любопытства спрашивает у пацана: откуда родом, как звать, есть ли родители...»²⁵ Одна донская казачка жаловалась в письме на беспризорных: «Квартиру нельзя оставить на замке — дети воспитательного приюта такие воры, что... замки ломают и тащат все, что понравится. Цветы «новой жизни» мы уже видим».

Любопытно, что и молодежь тоже относилась к беспризорникам как к людям второго сорта. Комсомольско-пионерская «забота» была не зовом сердца, а не более чем очередным заданием организации. Некоторые же дети предлагали искоренить беспризорность самым радикальным способом — «уничтожить беспризорников, а то вечером ходить нельзя».

«Ни одного беспризорника на улице»

В марте 1926 года правительство РСФСР приняло Положение о борьбе с беспризорностью, а в сентябре утвердило трехлетний план борьбы²⁶. 5 апреля 1928 года ЦК ВКП(б) издает указание о ликвидации «в основном» детской беспризорности за один-два года. Причем к весне 1929 года намечалось полностью искоренить уличную беспризорность, представлявшую собой «резкий контраст с повышающимся экономическим благосостоянием страны и растущим ее культурным уровнем»²⁷. Фантастичность замысла будет понятна, если учесть, что еще в 1927 году уличная беспризорность определялась ВЦИКом примерно в 75 тысяч человек. К тому же Северному Кавказу — основному «накопителю» беспризорных детей — сроки сжимались до трех месяцев — к июню 1928 года.

В больнице. 1928 г.

Срочно «разгружались» детдома и приемники. Детей спешно раздавали в крестьянские семьи, кустарям, в колхозы и совхозы. У крестьян и кустарей появился стимул брать детей из детдомов: на каждого взятого ребенка предоставлялся дополнительный земельный надел, который на три года освобождался от уплаты единого налога. Кроме того, крестьяне имели право бесплатно обучать питомца в школе и получали за него единовременное пособие.

Для изоляции больных беспризорных, подобранных с улиц, спешно создавались дома для «венериков» в Пятигорске, трахомных — в Ставрополе, туберкулезных — в Анапе, психоневрологических больных — в Кубанском округе. В циркуляре Наркомпроса от 19 марта 1928 года задача по ликвидации уличной беспризорности приравнивалась к «боевому заданию». Характер намеченной акции явно походил на крупномасштабную военно-чекистскую операцию: были расписаны подготовка и сосредоточение основных сил и средств, определялось направление главного «удара», обеспечивалась строжайшая секретность подготовки, одновременность совместных действий...

По всей стране в ночь на 13 апреля 1928 года началась массовая акция по «изъятию» беспризорников с улицы. Первоначально срок ее намечался на 10 апреля. Но после статьи в газете «Молот» и комсомольского циркуляра, посланного открытым текстом, произошла утечка информации, и беспризорники покинули места обитания. К подбору беспризорников с улицы и доставке их в приемники-распределители привлекались только сотрудники ОГПУ, милиции и угрозыска, в редких случаях — работники детской инспекции и комсомольские активисты.

Участники операции в целях конспирации были одеты в гражданское платье, а вся информация передавалась только в зашифрованном виде. «Изъятие» беспризорников вначале проводилось только в крупных городах и на узловых железнодорожных станциях, продвигаясь затем в глубь страны. Для этих целей заранее были созданы специальные железнодорожные детские приемники. Задержанию подлежали беспризорные обоего пола до 16 лет, а в возрасте от 16 лет до 21 года — только юноши. Всех остальных предписывалось отпускать.

Все задержанные в ходе операции сопровождалась в детприемники с надежным караулом. Чтобы не допустить миграции беспризорников из региона в регион, на узловых железнодорожных станциях были выставлены заградительные отряды. «Ни одного беспризорника на улице» — таким был лейтмотив операции.

Беспризорная публика оказывала отчаянное сопротивление: отказывались строиться, били стекла, ломали решетки в приемниках, назывались чужими именами. С задержанными обращались как с заключенными, о чем свидетельствует выдержка из приказа по одному из краснодарских приемников-распределителей в дни «изъятия»: *«...отправка... переростков-беспризорников... будет произведена утром 3 мая. Люди, подлежащие отправке, должны быть подняты в 4 часа утра. В 4 час. 30 мин. придет конвой для сопровождения их до вокзала. Передачу произвести по спискам путем переклички. По числу отправляемых должно быть... роздано довольствие... из*

расчета следования до Ростова 1 сутки по норме: хлеба — по 3 ф., колбасы — 1 ф., сахару — 3 пиленых куска... 2 ведра и 10 кружечек для воды. Сдача людей конвою должна быть проведена без промедления... Опоздание недопустимо... Люди в вагоны должны быть погружены не позднее 6.30 час. утра, а отправка поезда — ровно в 7 час. 30 мин.»²⁸.

Удивительно, но даже в то время находились прокурорские работники среднего и нижнего звена, которые пытались опротестовать нарушение «соцзаконности», поскольку они не находили в Уголовном кодексе статей, по которым можно было бы задержать беспризорника, не совершившего преступления. В ответ эти юристы получили циркуляр Северо-Кавказского крайисполкома, требующий с 13 апреля 1928 года рассматривать бродяжничество и беспризорность «как преступность, подлежащую немедленному искоренению»²⁹.

Так в конце 20-х годов борьба с беспризорностью как социальным явлением окончательно переросла в войну непосредственно с беспризорниками. Между тем Н.К. Крупская еще в 1923 году писала: «Некоторые думают, что борьба с беспризорностью заключается лишь в том, чтобы изловить беспризорных ребят как-нибудь и затем разместить их по детдомам... Дело обстоит не так. От занесения в списки беспризорных... ребята умеют увернуться, а детские дома, из которых они бегут обычно, не перемалывают их психологию...»³⁰ На неправомочность «изъятия» беспризорников с улицы обращали внимание и некоторые ученые-правоведы. Так, В.Р. Якубсон еще в 1926 году задавал вопрос: «...вправе ли... детская социальная инспекция, органы милиции... задержать беспризорного ребенка и против его

Перед посадкой в вагоны. 1928 г.

воли водворить его в то или иное учреждение?»³¹ Это был риторический вопрос. Вместе с тем в 1925 году попытка «изъять» беспризорных из столичных трущоб и притонов натолкнулась на отсутствие закона и была отложена до принятия временного (на 6 месяцев) закона специально для Москвы. Через три года эта временная и местная норма стала повсеместной и постоянно действующей...

1930-й и другие

«...Как-то же расчистили (и не всех воспитанием, а кого — и свинцом) те тучи беспризорной молодежи, какая в 20-е годы осаждала городские асфальтные котлы, а с 1930 года вся исчезла вдруг», — писал автор «Архипелага». Однако даже такой всемогущей силе, как коммунистическая партия, окончательная ликвидация беспризорности оказалась не по зубам. Исчезнув с центральных улиц крупных городов, беспризорщина переместилась в глубь страны. Только в 1932 году сотрудники угрозыска выявили более 18 тысяч беспризорников.

Кольцо вокруг бездомных детей сжималось все плотнее. В конце 1932 года вводится паспортная система, направленная против «антиобщественных элементов». В начале 30-х беспризорников стали вывозить на ударные «комсомольские» стройки и в лагеря. Уже в 1927 году молодежь в возрасте от 16 до 24 лет составляла 48 процентов всех заключенных советских лагерей. В дальнейшем эта цифра продолжала расти, поскольку с 1935 года «гуманный» Уголовный кодекс позволял осудить «на всю катушку» детей с 12-летнего возраста. И очень многих из них судили даже за побег из школ ФЗО, не говоря уже о бродяжничестве и печально известных «пяти колосках». Но бродяжничество как явление повседневной советской жизни продолжало жить и, как ни странно, даже развиваться. Массовый голод 1932–1933 годов, «раскулачивание» деревни выбросили на улицу новые партии беспризорных. Ряды бездомных детей пополнились в годы «большого террора», передав печальную эстафету войне, а затем послевоенным репрессиям.

В 60–70-е годы беспризорницу стыдливо упрятали под терминами «детская безнадзорность» и «преступность несовершеннолетних». С середины 80-х начался новый виток беспризорности, вызванный межнациональными конфликтами, распадом СССР, социально-экономическим кризисом. По данным «Аргументов и фактов», сегодня в сиротских учреждениях воспитывается более 700 тысяч детей, и почти все они имеют родителей. После выхода из детдома 30 процентов этих ребят становятся бомжами, 20 — преступниками, 10 — заканчивают жизнь самоубийством. А кто считал уличных беспризорных, живущих в канализационных люках, на чердаках и в подвалах? Педагоги 20-х годов наивно полагали, что беспризорность — это порождение капитализма. Весь XX век в России, три четверти которого пришлось на годы «социализма», прошел под позорным знаменем беспризорщины. Сменились уже три государственных строя, а за грехи взрослых продолжают расплачиваться дети — пасынки в своем Отечестве...

Примечания

- ¹ Замятин Е. Советские дети// Литературная учеба. 1990. № 3. С. 74.
- ² Соколов Б. Спасите детей! О детях советской России. Прага, 1921. С. 46.
- ³ Крестная ноша: Трагедия казачества. Ч. 1. Как научить собаку есть горчицу. 1924–1934 (Сост. В. Сидоров). Ростов н/Д, 1994. С. 366.
- ⁴ Соколов Б. Указ. соч. С. 45.
- ⁵ Маслов С. С. Россия после четырех лет революции. В 2-х ч. Париж, 1922. Ч. 1. С. 149.
- ⁶ Зензинов В. Беспризорные. Париж, 1929. С. 168–173.
- ⁷ Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. М., 1925. С. 133.
- ⁸ Там же. С. 137.
- ⁹ Обросов А. В ложе Совнаркома: рассказ о времени, которое называли золотыми годами нэпа//Родина. 1991. № 9–10. С. 115.
- ¹⁰ Куфаев В. И. Юные правонарушители. М., 1924. С. 240, 241.
- ¹¹ Екатеринодар–Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к летописи. Краснодар, 1993. С. 499, 500.
- ¹² Лившиц Е. Указ. соч. С. 136.
- ¹³ Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. М., 1923.
- ¹⁴ Врангель М. Д. Моя жизнь в коммунистическом раю//Архив русской революции. В 22-х т. М., 1991. Т. 4. С. 200.
- ¹⁵ Караваев А. Т. Наследникам революции. Ашхабад, 1984. С. 172, 174.
- ¹⁶ Там же. С. 173.
- ¹⁷ Советский календарь. 1920. М., 1920. С. 143.
- ¹⁸ Андерсен–Нексе М.А. Навстречу молодому дню: Путешествие в советскую Россию. М., 1925. С. 88–90.
- ¹⁹ Маслов С. С. Россия после четырех лет революции. В 2-х ч. Париж, 1922. Ч. 1. С. 143–148.
- ²⁰ Маклецов А. В. Борьба с детской беспризорностью в СССР. Прага, 1927. С. 18.
- ²¹ Там же. С. 27.
- ²² Русская школа за рубежом. Прага, Б. г. Кн. 34. С. 498, 499.
- ²³ Центр документов новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 11. Оп. 1. Д. Ед. хр. 169. Л. 28 об.
- ²⁴ Государственный архив Краснодарского края. (ГАКК) Ф.Р–686. Оп. 1. Д. 1. Л. 439 об.
- ²⁵ Караваев А. Т. Указ. соч. С. 172.
- ²⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р.–393. Оп. 63. Д. 62. Л. 1.
- ²⁷ КПСС о комсомоле и молодежи. М., 1958. С. 177.
- ²⁸ ГАКК. Ф.Р–890. Оп. 1. Д. 120а. Л. 192.
- ²⁹ Там же. Оп. 2. Д. 116. Л. 32.
- ³⁰ Правда. 1923. 7 марта.
- ³¹ Якубсон В. Р. Лишение свободы в системе мер борьбы с детской преступностью//Проблемы преступности: Сб. М.; Л. Вып. 2. С. 278.

*Материалы из книги
«Рыцарь революции. Воспоминания современников
о Ф.Э. Дзержинском». М. 1967, с. 278–279*

В конце 1920 г. Дзержинский предложил А.В. Луначарскому и В.И. Ленину объединить усилия различных государственных учреждений и общественных организаций в борьбе с детской беспризорностью.

Вот что он говорил по этому поводу нарком просвещения: «Ведь когда смотришь на детей, так не можешь не думать — все для них! Плоды революции — не нам, а им! А между тем сколько их искалечено борьбой и нуждой! Тут надо прямо-таки броситься на помощь, как если бы мы видели утопающих детей. Одному Наркомпросу справиться не под силу.

Нужна широкая помощь всей советской общественности.

Нужно создать при ВЦИК широкую комиссию, куда бы вошли все ведомства и все организации, могущие быть полезными в этом деле...

Я хотел бы сам встать во главе этой комиссии; я хочу реально включить в работу аппарат ВЧК. К этому меня побуждают следующие соображения: я думаю, что наш аппарат — один из наиболее четко работающих. Его разветвления есть повсюду. С ним считаются, его побаиваются... Я и думаю: отчего не использовать наш боевой аппарат для борьбы с такой бедой, как беспризорность?»

И 27 января 1921 г. постановлением правительства при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете под председательством Ф.Э. Дзержинского была учреждена особая Комиссия по улучшению жизни детей (Деткомиссия при ВЦИК). В ее состав вошли представители ВЦСПС (центральных органов профсоюзов), наркоматов просвещения и рабоче-крестьянской инспекции, здравоохранения, ЦК комсомола, женотдела и отдела агитации и пропаганды ЦК РКП(б) и... Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией (ВЧК).

После образования Деткомиссии при ВЦИК Дзержинский распорядился мобилизовать на борьбу с беспризорностью весь личный состав ВЧК: руководители периферийных комиссий по борьбе с контрреволюцией получили указание о создании совместно с органами, отвечающими непосредственно за организацию помощи детям, и широкой общественностью ее <Деткомиссии> местных отделений.

Непосредственно под руководством Дзержинского разрабатывалась перспективная стратегия борьбы с беспризорностью, но параллельно с образованием местных комиссий принимались и неотложные меры по детскому приретию.

*Ф.Э. Дзержинский
1918 г.*

Архивные фонды Государственного архива Российской Федерации (в частности, фонд 5207 — материалы Деткомиссии при ВЦИК) хранят немало документов, рассказывающих о деятельности чекистов, направленной на оказание помощи детям. В центральном аппарате ВЧК многие задачи по деятельности Деткомиссии легли на плечи заместителей председателя — И.С. Уншлихта и И.К. Ксенофонтова.

Ликвидация беспризорности требовала проведения санитарной обработки обитателей подвалов и улиц, в необходимых случаях — их лечения, организации питания и учебы детей, предоставления жилья и работы подросткам. Для этого на предприятиях были введены специальные семипроцентные квоты для производственного обучения и трудоустройства подростков.

Уже в 1921 г. в голодавших губерниях Поволжья через Деткомиссию было направлено одежды и питания для 5 млн. детей, 150 тыс. из них было эвакуировано в более благополучные районы, более 200 тыс. было принято на содержание частями Красной Армии, подразделениями ВЧК, профсоюзами, крестьянскими организациями.

В том же году Деткомиссия при ВЦИК сотрудничала с фондом помощи норвежского полярника Фритьофа Нансена, а также с Американской организацией помощи (АРА), но вскрытое в конце 1921 г. активное использование АРА разведкой в подрывной деятельности привело к свертыванию ее деятельности в РСФСР.

Наряду с проведением Всероссийских недель беспризорного и большого ребенка требовалось и создание специальных детских учреждений:

- * приемников–распределителей (временного пребывания);
- * детских домов;
- * «коммун» и детских «городков».

Последние представляли собой объединение нескольких детских домов, школ, фабрично–заводских училищ (ФЗУ) с обслуживающей их инфраструктурой и подсобными учреждениями. Активное участие в работе с детьми и подростками «с улицы» принимали и комсомольцы.

Через 200 созданных в 1921 г. приемников–распределителей, рассчитанных на прием от 50 до 100 детей одновременно, в первый год целенаправленной государственной борьбы с беспризорностью прошло более 540 тыс. детей. Для сравнения отметим, что ныне, по данным МВД, только в России ежегодно из семей бегут, надо думать, не от хорошей жизни, до 500 тыс. детей, в то время как только в Москве в 1920–1921 гг. по семьям были расселены 24 тыс. бездомных детей.

В отличие от детских домов, рассчитанных на детей до 12–14 лет, организовывавших их воспитание и обучение, трудовые коммуны принимали подростков старших возрастов, где наряду с общеобразовательным велось и их трудовое обучение, широко применялись принципы трудового самообеспечения и самоуправления.

Многие чекисты сыграли заметную роль в организации учебной и воспитательной работы в детских коммунах и колониях, участвуя в процессе перевоспитания бывших беспризорников и правонарушителей.

Известно следующее высказывание Дзержинского: «Забота о детях есть лучшее средство истребления контрреволюции. Поставив на должную высо-

ту дело обеспечения и снабжения детей, Советская власть приобретает в каждой рабочей и крестьянской семье своих сторонников и защитников, а вместе с тем — широкую опору в борьбе с контрреволюцией».

Несмотря на очевидные трудности восстановительного периода, через 4 года в РСФСР имелось более 280 детских домов, 420 трудовых коммун и 880 «детских городков».

Если через созданные при участии комсомола 43 школы фабрично-заводского обучения за 1921 г. прошло только 2 тыс. учащихся, то в 1924 г. 927 таких школ окончило более 90 тыс. подростков.

Часть подростков направлялась также в музыкальные команды Красной Армии.

Конечно, можно говорить о «недемократичности» этой политики, не дававшей якобы подросткам «свободы выбора». Это является принципиально неверным утверждением, ибо то, что на языке социологов именуется «вертикальной социальной мобильностью населения», то есть возможностью реализации гражданами своих личных устремлений и планов, в 20-е, да и в последующие, годы была несравнимо выше, чем в последнее десятилетие.

Укажем лишь, что 8 бывших беспризорников стали впоследствии академиками АН СССР, и в числе их всемирно известный генетик Николай Петрович Дубинин.

Нельзя также упускать из виду и тот факт, что дети уходили нередко в прямом смысле «из-под открытого неба», приобретая взамен кров и уход, образование и возможность самореализации в дальнейшем.

Государство по мере возможности выделяло средства для развития сети детских воспитательных учреждений, идя навстречу обращениям и ходатайствам Дзержинского. Подчиненные ему ведомства — ВЧК (с 6 февраля 1922 г. — ГПУ) и Народный комиссариат внутренних дел активно участвовали в борьбе с беспризорностью, передавали в детские учреждения часть своих пайков и денежного довольствия, организовывали шефство над ними, налаживали спортивную и культурную жизнь.

Разумеется, столь масштабное асоциальное явление, как послевоенная беспризорность, тем более постоянно усугубляющееся неурегулированностью социально-экономических проблем мирного строительства, — напомним, что борьба с детской беспризорностью велась в самом начале НЭПа, — не могло быть искоренено быстро. Однако уже к 1928 г. численность беспризорных детей сократилась до 200 тыс.

**ГУЛАГ (Главное управление лагерей).
1918–1960 Глава II. Организация ГУЛАГа
[Документы №№ 53–88]**

***Справка об истории возникновения и
развития ИТЛ и ГУЛАГа ОГПУ–НКВД–МВД СССР***

К основному типу мест заключения относились исправительно–трудовые дома. Колонии в этот период времени, как по своему характеру, так и по условиям содержания заключенных в них и удельному весу в системе мест заключения, еще не представляли собою места общего заключения.

Если изоляторы являлись учреждениями, режим содержания в которых отклонялся в сторону усиления от общего режима, то в колониях такое отклонение от общего режима наблюдалось в сторону его смягчения. В колонии направлялись только трудящиеся, осужденные на срок до пяти лет, совершившие преступления в первый раз случайно или вследствие стечения тяжелых материальных условий. Внушающие опасения в побеге колонии, по мысли законодателя, должны были постепенно вытеснить все остальные типы мест заключения.

Приказом АОУ № 185 от 18 августа для малолетних правонарушителей (от 13 до 17 лет) была организована Детская трудовая коммуна при ОГПУ (на 50 человек). Заведующим коммуной был назначен Ф.Г. Мелихов. В Центральном аппарате ОГПУ коммуна была во всех отношениях подчинена помощнику начальника организационного отдела АОУ М.С. Погребинскому.

В марте 1924 года в Москве собралась Первая педагогическая конференция по борьбе с беспризорностью. Здесь впервые на научной основе вырабатывались принципы и методики воспитания беспризорников, бывших карманников, «фирмачей», «чемоданщиков», «скокарей» и других малолетних «профессионалов» криминального труда.

***Из материалов Первой Московской педагогической
конференции по борьбе с беспризорностью. Март 1924 г.***

В 1924 г. состоялись: Первая Московская конференция по борьбе с детской беспризорностью (март), IV съезд заведующих губотделами по борьбе с беспризорностью (ноябрь), Второй Всероссийский съезд по социально–правовой охране детей и подростков (ноябрь), совещание Наркоматов Автономных и Союзных республик и др. На них обсуждались социальные корни детской беспризорности, проблемы труда подростков, динамика численности детдомов, а также формы и принципы их функционирования, правовая защита детей и т.п.

Максим Горький
Из предисловия к книге
М.С. Погребинского «Трудовая коммуна ОГПУ»
Москва: Государственное издательство, 1928. С. 7–10

Советская власть не считает правонарушителя неизлечимо больным, рожденным для преступлений и не способным ни к чему более. Она хотела бы перевоспитать правонарушителя, вернуть его государству рабочих как честную и разумную трудовую единицу, как человека, который сознавал бы: государство — его и все, что он делает, он делает для себя.

Книжка тов. Погребинского рассказывает именно о том, как можно вылечить человека, который, по силе тех или иных условий, попал на путь преступлений. Как увидите, опыт трудкоммуну ОГПУ оказался вполне удачным, несмотря на его безумную — с точки зрения мещан — дерзость. В этом опыте ярко выражен подлинный гуманизм, какого не найдешь во всех книгах гуманистов. И особенно значителен этот опыт тем, что он неопровержимо доказывает воспитательное значение свободного труда.

Описанная в книжке трудкоммуна не является единичной, по типу ее тт. Ягода и Погребинский основали уже несколько таких же трудовых организаций, объединяющих свыше десяти тысяч «беспризорных» и юных преступников — тяжелое наследие одряхлевшего «старого мира», империали-

А.М. Горький и Г.Г. Ягода с воспитанниками трудкоммуну № 1. 1927 г.

стической и гражданской войн, а также голода.

Совершенно изумительное впечатление вызвали у меня бывшие герои уголовной хроники и тюремные жители, когда я увидел их за станками мастерских трудкоммуны. Глядя на них, не веришь, что все они сидели в тюрьмах и что среди них есть бывшие «налетчики», люди, едва избежавшие высшей меры наказания. Все здоровые, ловкие, хорошо построенные ребята; очень редко мелькают дегенеративные, тупые или болезненные лица. Может быть, именно ничтожный процент таких лиц и объясняет — частично — факт горячего увлечения членов трудкоммуны (привыкших к «легкой» жизни) нелегким трудом, который широко открывает перед ними путь к новой жизни. Приятно отметить в этих людях сознание ими своего достоинства и независимость их отношения к организаторам коммуны, Ягоде и Погребинскому, которые знают их поименно и знают биографию каждого. Ребята действительно чувствуют себя полными хозяевами трудкоммуны, с гордостью свободных работников они говорят о том, что живут «на свой счет» и что в новостроящемся корпусе будут вырабатывать 300.000 пар коньков. Кроме этой трудкоммуны, я видел другую, на 1300 человек, помещенную в Николо-Угрешском монастыре. Она организовалась только семь месяцев тому назад, но в ней уже начали работать обувная, слесарная и деревообделочная мастерские; работает «скульптурная», изготавливая различные бюсты, фигурки, пепельницы и т.д. Собор постройки XVI века закрыт и тщательно охраняется, а в новом соборе устроен клуб.

Г.Г. Ягода в гостях у большевских коммунаров
Художник А. Шепелюк

Среди этой тысячи — те самые ребята, которые осенью 27 года устроили буйство в Звенигороде, сфабриковали порох, сделали ружья из водосточных труб, стреляли, взрывали стены здания, где они жили. Печать эмигрантов отметила этот «бунт» с полным моральным удовлетворением как один из бесчисленных признаков «разрухи» в Союзе Советов. Но юные буяны теперь весело и неутомимо очищают владения монастыря от грязи, убирают мусор на стройке, разбивают в саду новые клумбы — вообще, устраивают «свое хозяйство». Здесь так же, как в Москве на пункте, куда милиция приводит «беспризорных» с улиц, не сразу веришь тому, что видишь, а видишь — здоровых детей. Должно быть, это — результат «естественного отбора наиболее выносливых», а слабые, отравленные кокаином и алкоголем, разрушенные преждевременной сексуальной жизнью — уже погибли.

Не менее, чем все другое, поражает обилие даровитых ребят в этой шумной массе много испытавших бродяг и бойких уличных воробышек. Возникает уверенность, что многие из них вырастут недюжинными людьми. Хо-

чется очертить фигуры и характер некоторых, но здесь не место этому. Да и опасаться: не повредить бы ребятам похвалою, они и без этого достаточно высоко ценят себя. Крайне поучительно знакомство с этой молодежью, которая — не будь революции — так бы и осталась жить на путях из тюрьмы в тюрьму. Но вот смелая и счастливая мысль двух коммунистов открыла перед ними дорогу к свободному труду, а через труд — к самопознанию и культуре.

Чем Ягода и Погребинский сумели возбудить трудовой энтузиазм в ребятах, анархизированных уличной жизнью?

Очерк Погребинского хорошо отвечает на этот вопрос: порыв к труду вызван у детей доверием к ним, убеждением в том, что, если человеку дать свободно работать, — он будет работать охотно и честно. Ребята трудкоммуны ОГПУ блестяще оправдали доверие, оказанное им.

Сделано и растет хорошее, глубоко поучительное дело.

Матвей Погребинский

Из книги «Трудовая коммуна ОГПУ»

Москва: Государственное издательство, 1928. С. 7–10

ПЕРВЫЕ КИРПИЧИ КОММУНЫ

Среди преступников есть определенное количество подростков и юношей, которых нужно во что бы то ни стало попытаться вырвать из тины преступной жизни. ОГПУ встало перед задачей — каким образом воздействовать на этот молодняк, чтобы его перевоспитать? Решили организовать группу ребят-правонарушителей, взятых прямо из тюрьмы в трудовую коммуны на добровольных началах, и окружить их атмосферой сознательного труда. Заранее никаких планов не строили, наоборот, опасались об этом громко говорить: так много было трудностей и так мало было уверенности в том, что коммуна оправдает свое название трудовой. Шутка сказать: брались за дело, не имевшее себе примера в прошлом, за дело, от которого зависел серьезнейший вопрос — будет ли найдено, наконец, то звено, держась за которое, мы сможем вытащить всю цепь молодой преступности и беспризорности и поставить их в такие условия, где бы они совершенно переродились. ОГПУ, берясь за эту ответственнейшую задачу, более года старалось ее выполнить без широкой огласки, осторожно и тщательно отделявая в ней каждую деталь. <...>

М.С. Погребинский

В трудкоммуну ОГПУ намечено было взять воспитанников прямо из тюрьмы, поэтому трудно было надеяться удержать их в трудкоммуне, если бы они всегда имели перед глазами искушения города. Поэтому и решено было выбрать место для коммуны вне городских пределов. Но в то же самое время нельзя выводить ее далеко от города и железной дороги.

Во-первых, будет неудобно доставлять в отдаленную местность продукты питания, всякого рода вещи, орудия — это удорожило бы содержание трудкоммуны. Во-вторых, что самое главное, немислимо создать в отдаленной от ж. д. местности большое производство — это удорожало бы фабрика-ты трудкоммунского производства. И, наконец, в-третьих, это плохо повлияло бы на психологию ребят. Им все время казалось бы, что они находятся в своеобразной «ссылке». Не нужно забывать, что все они привыкли жить в больших городах; их давила бы совершенная отчужденность от города. <...>

Исходя из этих соображений, ОГПУ подыскало такое место, которое находилось недалеко от Москвы и станции железной дороги, в усадьбе Крафта, около деревни Костино по Северной ж. д.

Устроив в бывшем барском доме общежитие для ребят и небольшие мастерские, организаторы коммуны направились в тюрьму для набора будущих членов коммуны. Это была весьма ответственная задача, т.к. от этого первого выбора зависела будущность трудкоммуны. Товарищи, поехавшие в тюрьму, сознавали, что им нужно с первого же раза создать у ребят серьезное отношение к этому делу, показать, что вся организация коммуны задумана серьезно «по-новому» и что в ней не будут производить «воспитательных» опытов. Нужно доказать ребятам, что главная задача коммуны — это дать трудовую квалификацию и этим привлечь их. Трудно растолковать это людям, которые в своей — хотя не многолетней, но весьма бурной — жизни успели почувствовать себя враждебными «обществу» и Советской власти, — людям, которые привыкли к легкой наживе и ненавидят всякий честный труд.

Они очень осторожно беседовали с организаторами коммуны, стараясь догадаться, нет ли здесь «чекистского подхода»? Не хотят ли их завезти на «не подходящую» для них работу? Так думали они, угрюмо выслушивая работников ОГПУ. Последние знали, что имеют дело с преступниками и наркоманами, но в то же время — с людьми, в которых жизнь выработала и сметку, и находчивость, и ловкость. Вероятно, их можно увлечь идеей свободной работы в коммуне, но на это требуется много труда и чрезвычайная осторожность. Мерами насилия, грубого взнуздывания ничего не сделаешь. Только в простой искренней беседе с каждым, отдельно, можно выяснить способность его попробовать зажить новой жизнью. Так и делали. На призыв откликнулось 15 чел. Недоверчиво шли они переодеваться в новое платье. Не верилось, что они отныне — свободные люди, и они опасливо оглядывались на часовых тюрьмы, загадывая: сколько же конвойных пошлют с ними?

Но тут начинается необыкновенное: им, арестантам, вручают деньги на железнодорожный билет до коммуны, и никаких конвойных не посылают с ними. Едет только заведующий коммуной. Действительно, как будто свободные люди? Но не убежать ли? Нет, надо подождать: что-то очень непонятно; кроме того, и лестно — доверяют!

Приехав на место, двух ребят отрядили с деньгами за ужином. Это уже совсем странно: отпускают одних с деньгами, а конвоя нет! Ребята закупили провизию, вернулись и аккуратно вручили сдачу. И уже совсем поразило их, когда заведующий, показав общежитие, объяснил: «Все, что вы, ребята,

видите — обмундирование, пища, инструменты — все это дается вам в долг ОГПУ, и за все это вы потом должны будете уплатить».

Похоже на сон. Бесправный арестант вдруг превращается в человека, которому предоставляют все нужное для честной трудовой жизни. Значит — видят в нем не только преступника.

Много мыслей волновало каждого из этих парней, когда они, лежа в новом месте, с окнами без решеток и коридорами без часовых, засыпали под шепот деревьев барского парка.

А утром следующего дня ребята пошли работать в маленькие мастерские.

Так был положен первый камень фундамента трудкоммуны.

Не особенно удачный материал для перевоспитания представляли эти первые коммунары. Уже одно то, что каждый из них отбывал наказание по суду в тюрьме, где должен был просидеть в лучшем случае 3 года, многое говорит. Не было ни одного парня, который бы задерживался угрозыском один или два раза; каждый называл цифру приводов 3–4 раза и больше. Все они давно уже оторвались от своих семей и многие годы ведут воровскую жизнь. Их биографии настолько схожи между собой, что, узнав одну, можно распространить ее на большинство. Но все-таки мы здесь даем несколько биографий, написанных самими воспитанниками коммуны.

Биографии

«Я ушел из дому 9-ти лет. Отец и мать живут в Москве. Но я не хотел жить у них и учиться. Я убежал на улицу. Воровал по карманам. Жил у больших жуликов, иногда в Ермаковке. Был в Ленинграде, Туле, Курске. Сейчас мне 13 лет. Имею три судимости и 15 приводов. Сидел в милиции и в Серпуховском исправдоме. А потом меня забрали в коммуну. В коммуне мне нравится. <...>

Первое, что их привлекло, — это советские праздники, возможность почувствовать себя сначала хотя бы только физически людьми, равноценными рабочей массе.

В 1925 году празднуется Первое Мая. Члены коммуны уже не хотят оставаться в стороне и решают организовать торжества в коммуне. Тов. Ч. (член коммуны) выражает желание сделать доклад на торжествах. Он понимает, что это трудно. «Ни разу не выступал, а вдруг провалюсь? Вот стыд-то будет коммуне!» Здесь следует отметить, что человек говорит не о своем личном «стыде», а о «стыде» коммуны — верный признак, что человеку уже доступно стало чувство коллективизма, сознание своей связи с товарищами, боязнь сконфузить их своим неумением выразить их настроение. До торжества 8 дней, чтобы подготовиться к своему дебюту по такому серьезному вопросу как Первое Мая. Однако Ч. не отступает: мало 8-и дней, так можно прибавить к ним несколько ночей. Он человек с волей, и доклад приготовлен. Когда все сошлись в большую комнату, перед всеми членами коммуны стоял один и тот же вопрос: как будет делать доклад наш Ч.? Когда вышел «свой парень» Ч., овации были бурны и продолжительны. А когда Ч. кратко, но просто и всем понятно кончил свой доклад, аплодисменты были еще шумливей и сердца членов коммуны почувствовали гордость за товарища.

Коммунары на уроке арифметики. Конец 1920-х гг.

Все помнили, что в каждом живет Ч., сумевший не пасть в грязь лицом перед московскими гостями.

Теперь уже многие знакомы с искусством оратора. Многие научились выступать и критиковать себя и других, и каждый торжественный праздник рабочего класса они справляют умело и торжественно.

Ясно, что, когда лед их к общим интересам жизни растаял, они и в будни интересуются политикой, партией и комсомолом, хотят получать газеты, журналы. Чаще собираются на беседы.

Выявляется группа в 19 человек совершенно безграмотных. Они начинают стыдиться своей умственной слепоты и настаивают на регулярных занятиях по ликвидации безграмотности. Администрации коммуны только того и надо. К ним присоединяется руководитель кружка, и первый кружок «ликбеза» начинает работать. Грамота ребятам дается трудно. Правда, они стоят очень высоко по находчивости, остроумию, изобретательности, т.е. по тем качествам, которые у них вырабатывались до коммуны. Но систематическая, кропотливая, сопряженная с большим вниманием работа над книжкой им давалась тяжело. И снова упорство берет верх — грамота преодолена. В настоящее время в трудкоммуне ОГПУ нет ни одного безграмотного члена.

Кроме ликбеза перед коммуной встал во весь рост вопрос о производственном обучении ребят. Когда они пришли в мастерскую, им был предложен ряд заданий по выработке некоторых предметов, но ребята совершенно не имели никакого представления о выбранном ремесле, они не умели отличить один металл от другого, не знали сортов дерева и т.п. Когда мастерские развернули свою работу, ребята были поставлены перед фактом их произ-

водственной безграмотности и тут—то они выдвинули требования необходимости преподавать теорию выбранного ими ремесла.

Сначала было введено сверх обычного рабочего дня в производстве 2 часа в неделю для теории в наиболее сложной слесарной мастерской. Затем это распространили и на все остальные цеха коммуны. При этих занятиях изредка, так сказать, незаметно для самих ребят, они получают некоторые основные знания по таким предметам, без которых не станешь квалифицированным рабочим: физике, математике, технологии. Конечно, до сих пор это преподавание не стало еще таким, каким было бы и желательно, и необходимо видеть его. Ребята еще боятся, чтобы их не «переучили». Некоторые еще думают, что квалификацию можно получить только через одну мастерскую. Но все же многие уже понимают, что без теоретических знаний хорошим мастером не будешь. Некоторые по собственному почину любят самостоятельно изучать специальные науки, выписывают научно—техническую литературу, журналы науки и техники, даже журнал по архитектуре. Выписывает каждый за свой счет, но пользуется книгами значительная масса членов коммуны, что тоже характерно.

Из среды ребят выделяется группа ребят, желающих получить полное образование; этих ребят уже не удовлетворяют те знания, которые получены ими, они рвутся в рабфаки или спецкурсы. В 1924/25 году ушло учиться двое, а в 1925/26 десять человек. Но все они остаются жить в трудкоммуне, подчиняясь ее порядкам на общих основаниях: днем работают, как и все, 8 часов в мастерской, а вечером едут в Москву учиться. Несмотря на столь трудные условия, они учатся успешно <...>

Коммуна играет для деревень роль культурного рычага. Когда праздновалась годовщина ее существования, председатель сельсовета говорил, что необходимо крестьянству приходить почаще в коммуны и учиться в ней культурности. И этот же предсельсовета призывал само население провести борьбу с теми уже немногими крестьянами, которые еще до сего времени относятся враждебно к коммуне. Как яркий факт, говорящий о том, что в настоящее время отношение между деревней и коммуной вполне налажилось в положительном духе, можно привести то, что один из членов коммуны избран сельским сходом в члены сельсовета, а некоторые крестьяне отдали своих дочерей в жены ребятам. Так члены коммуны завоевали себе полное доверие у крестьян.

Началось с драк и ссор, с больших замков и желаний протестовать в ЦИК, а кончилось выбором воспитанника коммуны в руководящий аппарат власти села. Это, на первый взгляд, как будто мелочь, однако она имеет громадное значение. Ведь без этого едва ли трудкоммуна могла нормально развиваться. Это для коммуны, а разве для деревни малая польза от пользования производством и культурной жизнью коммуны?

Крепкий деловой союз между коммуной и деревней еще более спаивается кооперативом, который так энергично разбил первые атаки кулаков, заставил уйти их из деревни, завоевал себе всеобщее уважение в крестьянской массе.

Заключение

Прошло четыре года. Много пережила коммуна. Тот, кто видел ее даже год назад, теперь не узнает ее — так далеко она шагнула вперед.

Строится новая фабрика по обработке металла, где будет занято до 400 человек. Строится новый каменный четырехэтажный дом, где разместится до 400 человек. Строится новый клуб.

Коммуна выделила уже не одного организатора, который работал и работает по созданию других коммун.

Выросли при непосредственном участии членов коммуны новые коммуны: 2-я коммуна в Николо-Угреше на 1300 человек, 4 коммуны Наркомтруда, вмещающие до 4000 человек. В их организации принимали участие ребята Болшева и Николо-Угреша.

Многие не верили в существование коммуны, но теперь даже зарубежные враги не могут не считаться с этим фактом. Масса иностранных делегаций разных стран, посетив коммуны, воочию убедились в том, что ОГПУ — то самое учреждение, о котором там говорят не иначе как об учреждении людоедов, — строит новую жизнь для тех, кто там, за рубежом, считается неправым и погибшим для общества.

А для нас ясно, что страна строящегося социализма и этих людей должна превратить и превращает в честных тружеников.

Матвей Погребинский
Из книги «Фабрика людей»
Библиотека «Огонька». № 454
Москва, 1929. С. 3–10, 26–35

В сентябрьское утро 24 года по камерам дома заключения было сообщено о том, чтобы все малолетние, не свыше восемнадцати лет, вышли в общий коридор. Забрали всех из рабочего коридора, из всех мастерских.

Всего набралось 21 человек. Выстроились по два, у всех недоумение, у каждого вопрос — зачем? Пришли двое вольных. Одному ребята сразу дали кличку Кубанка — черненький, маленький. Другой лысый — «вроде профессора». Встретили они ребят и начали переговоры. Сначала ничего не понимали ребята. Ванька-Корова, искоса поглядывая на вольных, сразу решил: «Жука пускают, нас не проведешь — стреляные птицы».

Мишка-Ходок шептался с товарищем слева: «Фраера¹ ищут, а может быть, и не так». Струсил малость: «Может быть, агенты. Две нераскрытых имею. Опознают — хуже будет, прибавку дадут, стрюжку² и так имею». Орангутан решил: «Газетчики пришли. Надо же кормиться, поговорят с нашим братом и — хлеб; статейку напишут, карточки приложат, нам ничего, а им прибыльно. Пуцай себе, не жалко».

Щупали друг друга глазами, приглядывались друг к другу. У всех безразличное настроение. Ладно, дескать, пуцай смотрят; может, и пострадавшие — «да воров им не опознать. Где уж тут!»

Вольные потихонечку, слово за слово, щупали, разглядывали, а ребята решили использовать приход: нет-нет — попросят папиросу, быстро разобрали коробочку.

Поговорили недолго. Так, вообще, сказал Лысый насчет какой-то коммуны, что не худо бы организовать да на свободе пожить. Да и мы — сами с усами: знаем, что на свободе не худо, да нас не купишь.

Разошлись по камерам ни с чем, а некоторых зло взяло: «Тревожат зря, чего от нас надо? Срок имеем, отсиживаем, а приставать зря не следует». Так они разговаривали с дежурным надзирателем, пробовали допытываться у него: зачем, дескать, приходили с воли? Тот отвечал незнанием.

Скоро о вызове ребята забыли, но через три дня их вызвали второй раз. Пришли опять те же. Интересно стало — тут что-то не зря! Прислушивались. Пришедшие говорили, что они из ОГПУ и что, ежели ребята согласятся, они хотят создать из них такую «коммуну», вроде артели; артель эта будет жить сама по себе, свободно, делами ее сами ребята управлять будут. Никакого начальства — все порядки свои, работай, живи — и все. А ежели что плохое случится — судить будут сами ребята. Невдомек им, как же это так: и срок имеется, и отсиживать надо, а вдруг «благодетели» — нате, выпускают, — работай и живи как хочешь?

Оно, быть может, и поверить можно, только не ГПУ. Как это так? Дальше затянулась беседа, некоторые заинтересовались. Ванька-Корова даже приставать к Лысому стал, что это за коммуна? Где такие права, чтобы со сроками выпускать? Или амнистия скоро?

Тот, что в кубанке, все в книжечку записывал, насчет «задков»³ спрашивал. Ну каждый, отвечая, факт «тискает»⁴: не фраера — мы знаем! Говорили, у кого десять лет — скажет «два», у кого восемь краж — говорит «по первой сижу». Кубанка не доверяет, хотя и пишет. «Ладно, — говорит, — ребята, посмотрим и проверим. Я бы вас мог и не спрашивать: пальцы мазаные — по ним картинку видно, да только говорите начистоту!» Думают ребята — не к добру все это.

Потом, поговорив, решили: «Ладно, ежели возьмут — хуже тюрьмы не будет. Посмотрим. А главное, может, случай, фарт такой выйдет, можно «сплетовать»⁵.

Через неделю после второго визита вольных случилось необычное: пришли тюремные портные, сапожники, вызвали 15 человек по фамилиям и начали снимать мерки. Обмерили на брюки, на верхнее, на гимнастерки и на сапоги, всем впригонку. С каждого мерка отдельно записывается. Удивительно! Ребята не понимают. «Известное дело, — рассуждают они, — раз ГПУ — с подходцем, значит!»

После этого разговоров было много. Особенно волновались остальные шесть. Как так, почему же пятнадцать выбрали, почему же не всех? Что ж, красивых выбирают аль по носам?

А еще через два дня — баня, стрижка, одели во все новое, вызвали в контору и объявили, что сейчас придет за отобранными ребятами заведующий и без конвоя поведут их в коммуну. Еще более удивительно. Каждому самое меньшее досиживать осталось два с лишним года, а тут без конвоя в какую-то коммуну. Никак не могут освоиться ребята.

Собрались в кружок, говорят шепотком между собой: «Хоша конвоя не будет, но факт круглый: лягавые⁶ будут зекать⁷ за нами. Так что с дороги не бежать — стопорить⁸ будут. Пойдем будто на все согласны, а там на месте увидим, в чем дело. Хуже тюрьмы не будет».

Вывели их из ворот заведующий и тот, который в кубанке. Шли четыре в ряд, искоса оглядываясь по сторонам, всматриваясь в проходящих, искали знакомых переодетых агентов.

Мелькнула фигура. Думали, «мильтон» с Земляного, но оказалось — не он. Заведующий и который в кубанке тротуаром идут, а ребята сами по себе. Идут спокойно.

Посмотрел Мишка–Ходок в сторону и вдруг видит: на самой Сушке, на площади, по асфальту Мишка–Шермач с Земляного топает. Побледнел, своего увидел, страсть охота перекинуться словечком, узнать, кто на воле, да воздержался: подведешь товарища.

Мишка с недоумением посмотрел на проходящих. Знает почти всех. Знает, что все они в домзаке, что все сроки имеют, что у каждого не меньше стрюжки, знает, что недавно на деле погорели⁹, — и вдруг на воле, а главное — одеты все одинаково, да все на маслов¹⁰ похожи. «Неужто сплетовали?» — промелькнуло в голове Мишки. Завернул за угол, подождал, решил топать за ребятами. Подумал, что надо обязательно выяснить эту историю.

На Ярославском вокзале опять необычайное: черненький, который в кубанке, дал Ходоку деньги, послал в палатку хлеба и колбасы купить на всю «хевру»¹¹. Пошел Ходок без провожатого, но прихватил на помощь Орангутана — нести покупку одному тяжело будет, а Мишка–Шермач тут как тут. Подошел, расспрашивает: в чем загадка? Строго посмотрел по сторонам Ходок и шепотом Мишке: «Канай¹², лягавые зекают».

Ходок был глубоко убежден, что за ним следят и что, если заговорит с Мишкой, он может выдать его да и к своей группе подорвать доверие и, уж если решили ехать, стало быть, никаких разговоров с посторонними.

Сели в вагон, раздали всем хлеб, колбасу, папиросы. Перекусили. Сидят, покуривают, по сторонам поглядывают.

У Малышки глаза разгорелись. Напротив него сидел прилично одетый мужчина, у которого чердачок¹³ так и оттопыривается. «Хорошо бы при выходе купить у него чердачок, — размышлял про себя Малышка. — А вот у того бочата рыжие¹⁸ — фарт». Размечтался, но ненадолго. Понял, что хоть купить можно, хоть куш хороший, да и уйти бы можно, но приметен он, обличовка приметная: в шинель одели, сапоги, костюм защитный и фуражка защитная, в этом далеко не уйдешь — застопорят. К тому же и договор был с ребятами. Так и отогнал соблазн.

Стемнело, похолодало. Приехали, шли через парк. Стоит большой барский дом. В дом сразу не ввели, повели наверх в прачечную и разместили в сушилке летней спать на матрацах. Тут же остались ночевать заведующий и Кубанка. Перед сном дали поужинать: чай с сахаром, хлеба да колбаски немного.

Ребята заснули быстро. Только двое не спят — Лысый и в кубанке, только вид подают, а сами не спят, глазком одним поглядывают, думают: уйдут или нет? Двое ребят за всю ночь выходили на волю, но вернулись, не ушли.

Наутро создали собрание, долго говорил заведующий, еще раз повторял правила коммуны. Разъяснял ребятам, что в коммуну приход добровольный и уход добровольный, никаких решеток, никакой охраны. Двери всегда открыты; все, что для ребят делается, дается в долг — ничего даром получать они не будут. В зависимости от того как они будут работать, и будет строиться их благополучие. Никто не имеет права наказывать их. Высший орган — общее собрание. Все вопросы будут решаться этим собранием. Дальше прием ребят в коммуну будет проводиться уже самими ребятами. Сами будут ездить в тюрьму, сами — отбирать ребят, сами будут принимать их в коммуну. Вслушивались ребята не доверяя, но внимательно. Много было вопросов. Не понимали: каким образом они сами смогут построить коммуну? Завелись споры: как же, на кого работать? Им разъяснили: коммуна ваша, работайте на себя. Заведующий существует для того, чтобы помогать правильно организовать свой труд и жизнь.

В этот день приступили к работе. Тяжела была работа: первый день пришлось чистить навоз и свинарню. Эта самая свинарня предназначалась для мастерской. Кое-кто мозоли натер себе, кое у кого и спину ломило; отдохнуть удалось только тогда, когда звонок оповестил о том, что пора обедать. Обед был сытный, ребятам понравился. Покушали плотно.

После обеда снова работать. Так — день за днем. Начали понемногу свыкаться с обстановкой. Наступала зима, выпал снег, стало холодно. Может быть, и уйти бы пожелали многие, да не больно разбежишься — надо подождать тепла. Не совещались, а так — каждый сам по себе решил подождать, присмотреться, уж очень забавно, что будет дальше. К этому времени выделилась группа в пять человек — актив.

А через месяц на собрании выбрали троих ребят и они вместе с заведующим поехали в тюрьму набирать новую партию.

Ломались сначала ребята, которых посылали, совестно как-то ехать отбирать: все — свои, все вместе воровали, все вместе сидели — кого же выбирать? Долго говорили на собрании, много спорили. Общее собрание решило: отобрать лучших, наиболее здоровых и ловких. Отобрали, привезли их. <...>

Так постепенно, шаг за шагом сколачивали свой коллектив, строили свою коммуну. Много нового было. Вот пример: пришли в коммуну и в бога и в закон ругались. Заведующий чуть-чуть попридерживает, но не очень. Никаких книжек нет, газет тоже, учить грамоте — не учат, знай только работай! Жалованьишко стали давать. Конечно, жалованьишко дешевое — кому полтинник, кому рубль, а больше двух — никому, пока на сдельную работу не перешли.

Начали ребята в слесарной работать. Пошли миллиметры, сантиметры, а они грамоте не знают — трудно было без грамоты. Доску отрезать, смерить, разметить, толщину определить, выковать какую ни на есть вещь — все же по мерке нужно. А инструкторы зудят: «Никакой квалификации иметь не будете, коли грамоте не знаете». И опять к заведующему: как же, дескать, насчет того чтобы миллиметрам научиться? А он смеется: учитесь, дескать, ребята, мы не против. Ему-то смех, а ребятам плохо: если грамоту знать — и жалованье больше.

Поставили вопрос на собрании. Опять этот в кубанке приехал. Долго спорили, порешили на том, чтобы взять по целковому с головы и нанять учителя. С тех пор и грамота пошла, а потом человек пять газету стали выписывать, почитывают. Книжечек захотелось почитать ребятам. Стали просить. И тут ответ: «Нет книжечек. Если хотите — собирайте меж собою из жалованья деньги и купите». Видят ребята, что тут не шутят, чего горбом не заработаешь, того не получишь. Многие в детских домах бывали, многие в коммунах жили раньше, когда поменьше были. Всегда в этих домах книжечку, газету давали с удовольствием, да не читали ребята. Сколько этих книжечек на стирочки¹⁴ переделали — и не счесть, а тут — не дают. И пришлось опять на свои заработанные книжечки закупать.

Так постепенно стала работа налаживаться, постепенно начали ребята к культурной жизни приобщаться.

Первое время была беда с населением окружающим. Правда, в кузницу крестьяне лошадку подковать приведут — по-советски подкуют, а все же к себе в деревню гостями не зовут. Ежели девчата гулять пойдут, после этого маменьки и папеньки долго их волтузят — не гуляй с ворами! Ребятам обидно. Многие с заведующим советовались и порешили: надо брать на выдержку, надо подход к крестьянам найти.

Случай подвернулся. В деревне Иван Иванович, кулак, жил, лавочку свою имел, крестьян обижал, шкуру сдирал, твердил: «Не выгодно — не бери». Иди за три версты в кооперацию, да и кооперация не шибко хороша. Не всегда все достанешь.

Вот ребята и задумали кооператив построить. Созвали собрание и делегацию в Москву послали, денег, дескать, занять — кооператив построить решили. Дали денег. Выделили трех человек. Написали им инструкцию. На обратном пути Васька-Курносый, председатель кооператива, обвязал вокруг ноги крепко-накрепко в платочек 1300 целковых, сапог надел: «Знаем, сами работали: так обработают, что головы потом не снесешь». Ваську в кооператив выбрали потому, что он когда-то в магазине мальчиком жил, на счет товаров понимает. В помощь Канючку захватил. Привезли товар и торговать начали. Чудно крестьянам: воры торговать решили! Смеются, издеваются — скоро проторгуются, сами-де расторгуют все! А ребята к крестьянам с почтением.

Поодиночке сначала, чтобы посмотреть, удастся ли ворами кооперация, приходили мужики, а потом и покупать потихоньку стали в кооперативе.

Забеспокоился Иван Иванович. Через два месяца в кооператив пришел, поговорил с ребятами и предложил: «Давайте заединую торговать». Не тут-то было. У ребят твердая инструкция была: надо с крестьянами связь завязать, а кулака разорить! Отказали. А к тому же и клуб развернули, и вечерочки пошли. Мастаки большие плясать ребята. Балалайку купили. Тогда и девчата деревенские стали ходить.

А тут на текстильной фабрике слух пошел, что картины ставят в коммуне. Начали молодые работницы коммуну посещать. Постепенно коммунары стали вовлекать в свою работу и окружающее население, и когда наступило время выборов в сельсовет, были приглашены и коммунары и им тоже было предоставлено одно место в сельсовете.

Не так-то легко было ребятам порвать с прошлым. Шпана родная, шалман¹⁵ родной, фомочка стальная, шпалеры и отмычки не легко забывались.

Очень хорошо об этом пишет доморощенный поэт в своем стихотворении о шпане:

*Прощай, шпана родная,
В шалмане мне не жить,
А фомочка стальная,
Тебя мне не носить.*

А все же перелом в настроении налицо. Кончает он свое стихотворение так:

*Одна будет отрада —
В стихах своих мне петь:
Не презирать нас надо,
А только лишь жалеть.*

Знают ребята о своем темном прошлом, крепко помнят об этом. Знают, что много надо работать над тем, чтобы это прошлое забыть. Ищут оправдание: «Будь вором от матери, не слышал и не учен отцом своим», — так пишет в свое оправдание и в оправдание всей шпаны поэт.

Стенгазета начинает развиваться, журналы — обычное явление в руках членов коммуны. Появилась тяга к общественности — в результате чего организовалась комсомольская ячейка. Сначала небольшая группа, так как отбор был тщательный. Очень осторожно подходили к этому ребята, но зато получилась крепкая группа.

Не без перебоев протекала жизнь коммуны. Были отщепенцы, а главное — это борьба за разоблачение проступков, за то, чтобы не скрывать проступков своих же. Смертельным грехом считается среди воров грозное название «лягавый». Приклеивается оно в воровском мире к каждому, кто выдает своих, и его объявляют вне закона. И только актив, который начал сознавать важность жизни коммуны, помог в борьбе с этим злом, которое могло бы погубить эту организацию.

Раз был такой случай: поймали с поличным одного из ребят. Привели на собрание — решили, что необходимо его посадить. Бурное собрание было. Как посадить своего, сладко ли в тюрьме, а понимают, что посадить нужно, иначе будет худо. Нужны строгие меры, иначе — развал. Присудили. А кто же отвезет, кто повезет своего в тюрьму? Тишина. Решили просить конвой. В конвое отказали, и вынесли соломоново решение: осужденному самому пойти в ГПУ для того, чтобы отбыть наказание. Пошел сам, пришел, позвонил по телефону: примите, дескать, отсиживать надо. Не верится, но факт. Он знал хорошо, что ежели не пойдет, свои не простят, под землей найдут.

А тут новые из тюрьмы пришли. Опять вожак появился. Власть хотел забрать. Скрутили. Крепок коллектив.

Все обсуждает собрание. И вот уже третий раз очень много говорят о том, брать девчат в коммуны или нет. А девчат придется брать особенных. Недалеко за ними ехать — в Москву, в Новинскую тюрьму. Но только девчата фартоватые¹⁶, воровать почище ребят умеют, ну и насчет выпивки тоже! Ребята все советуются, обсуждают. Конечно, заверение общего собрания есть: дескать, не только не тронем, но и другим не позволим. Ну а как поверить?

Если бы отдельно от ребят, оно бы еще можно, опыт есть, а вот вместе... А все же порешили — надо взять.

Ребята порешили: если брать, то настоящих, чтобы задков по восемь. И поехали в Новинку. Сначала — заведующий и опять этот, в кубанке. История началась сначала. Подвох. На сей раз поступили проще. Предложили новинским девчатам выбрать делегатку, чтобы поехала, посмотрела, а потом девчатам рассказала. Выбрали Сашку-Городушницу. Фатоватая девчонка Сашка, весь Проточный знает, да что Проточный, восемь задков — стаж приличный для того, чтобы знать. Имеет Ваньку брата, он второй раз в Соловках отсидживает. Костька Огалец, братишка, шарапом¹⁷ промышляет, чердачка не пропустит в трамвае. Все семейство квалификацию имеет. Бедовая Сашка, поплясать может, да и с лица недурна. В коммуну приехала, а знакомых хоть отбавляй, все ребята свои. Сразу договорились, решили. Разные были. Тяжело пришлось в первое время. Ребята за девчатами поглядывают, а те огрызаются. Сначала было захотели по-своему поставить. Не вышло. Таньку через неделю исключили — круто взяли. Не охочи до работы девчата, а пришлось работать. Перед ребятами неудобно. Ребята работают — они чем хуже? И пошли — кто в сапожную, кто в слесарную, а Валька за токаря стала. Шутка сказать — десять лет Валька сроку имела, в бандитской шайке участвовала, хотя семнадцати лет от роду. От «высшей» отбоярилась только по малолетству, а теперь токарь — 108 руб. зарабатывает, потому что здорова и способна.

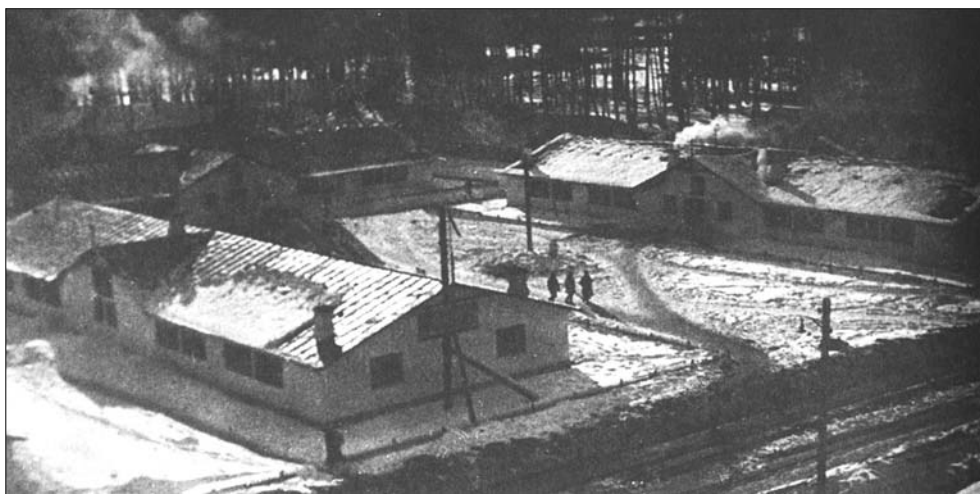
Шепчутся по вечерам ребята с заведующим, делятся своими впечатлениями, вырабатывают план действия. Поглядывают за деревенскими парнями, которые не прочь поухаживать за коммунарскими девчатами. Злятся девчата — подумаешь, хахали какие!

Так начала обживаться группа девчат. Постепенно освоились и взяли вторую партию.

В коммуне не было спорта сначала. Потом появилась футбольная команда. А там и стрелковое дело начало развиваться, коммунарам захотелось пострелять. Разрешение добыли. Мелкокалиберные винтовки на общие средства приобрели. С опаской соглашались руководители, а все же решили не препятствовать. А потом пошло — кто охотничье ружье купит, кто двустволку, кто и на волка заряжает. Два года ребята с оружием, а кроме охоты еще нигде оружие не применяли.

А Сережка Хромой еще чище придумал: начал своей конструкции револьвер изобретать. Изобрел ведь! Да только с порохом не ладится. Все норовит свой состав пороху создать. Добился, да только больно много насыпать приходится, да дыму много — дуло портится. Решил заняться химией. Упорно занимается.

Коммуна растет. Средний заработок — 70 руб. Давно перешагнули кустарное производство. Одна сапожная фабрика вырабатывает более 300 пар обуви в день. Слесарная за четыре месяца 12000 пар коньков выпустила. Новый корпус с новым оборудованием, трикотажная фабричка появилась. Не отстает кузница, расширяется. 40% членов коммуны получают от 100 руб. и выше. Завелись мотоциклы, появились велосипеды. Строят за свои деньги летний клуб, нанимаются руководители спорта. Гордо похажи-

Первые дома трудкоммуны. С. Костино. 1927 г.

вают хозяева коммуны. Еще бы, теперь они не только себя оправдали, но кое-что поднабрали на новое строительство и строят на четвертом году своего существования четырехэтажный каменный дом на 500 человек с квартирами.

Насущная потребность в квартирах: 45 человек женаты, ясли нужны. Клуб мал стал. Тут рядом строят двухэтажную фабрику коньков, механическую для металлических изделий; одних коньков 300 000 пар в год выпускать будут. К четвертому году существования до 800 человек расширяться хотят. Расплачиваются с советской властью ребята.

Выделили из своей среды кадры инструкторов. Выросла новая коммуна. Шутка сказать — на 1300 человек новая коммуна. И почти уже нет в Москве беспризорных и юношей-правонарушителей. Всех собрали, скотили новую коммуны, а руководят «бывшие». Не успокоились, еще выделили. Подобрали всех от Москвы до Тифлиса — 8000 человек, организовали и новый подарок готовят. Надо к четвертому году своего существования помочь собрать всех с улицы в местах наибольшего скопления и этим самым оправдать свое существование.

Много песен сами складывают о себе члены коммуны. Новые замыслы и желания появились: учеба, тяга к культуре. Уже ко второму десятку подтягиваются ребята, работающие на производстве и одновременно обучающиеся на вечерних курсах-рабфаках. Не разрешили уходить с производства: коли хочешь учиться — работай и учись. Выдержишь — значит «достойный».

Тяжело приходится ребятам. 8 часов работай, а потом в Москву на рабфак. Но зато такой ценой добытая прочна учеба. Так рассуждают члены коммуны.

Быстро растут обороты кооператива. Не одна деревня, а большие очереди из окружающих деревень толпятся в кооперативе. Почетными гостями на ближайших заводах и в деревнях считаются члены коммуны.

Техническая неграмотность давно ликвидирована. Об этом забыли. Сейчас тянутся за специальными знаниями. «Нужно это обязательно», — так рассуждают ребята и с упорством добиваются своего.

Удивляются заграничные делегации, посещающие коммуну. Подолгу ходят, щупают, смотрят, разговаривают. Враги злятся, а доброжелатели с восхищением и любовью смотрят на фабрику переработки людей.

Не верится, а факты неопровержимы. Люди, недавно бывшие подонками общества, люди, которые прошли суровую школу борьбы за жизнь, в условиях коммуны перерождаются.

Так осуществляется идея Дзержинского, так ОГПУ вносит своим опытом новый вклад в социалистическое строительство.

Благодаря колоссальной энергии, затраченной руководителями ОГПУ, живет и ширится эта организация — не эксперимент, а факт, подтвержденный самой жизнью.

Детище Октября — вот что такое трудкоммуна!

Примечания автора

¹ Фраер — ничего не понимающий в воровском деле, простак.

² Стрюжка — 3 года.

³ Задок — судимость.

⁴ Тискает — врет.

⁵ Сплетовать — сбежать.

⁶ Лягавый — предатель.

⁷ Зекать — следить.

⁸ Стопорить — задерживать.

⁹ Погореть — сесть.

¹⁰ Маслы — солдаты.

¹¹ Хевра — компания.

¹² Канай — уходи.

¹³ Чердачок — бумажник в верхнем кармане.

¹⁴ Стирочки — игральные карты.

¹⁵ Шалман — притон.

¹⁶ Фартовый — умелый, ловкий.

¹⁷ Шарапом — группой в расхват.

¹⁸ Бочата рыжие — золотые часы.

В книге упоминается коммунар Ч. Скорее всего, это Алексей Чекоматов, впоследствии переведенный в трудовую коммуну № 2, где был председателем бюро актива, заведовал клубом, затем музыкальной фабрикой. — Е.Н.Е. (Елена Николаевна Егорова)

Утро. 1930 г.

Николай Журавлев
бывший коммунарь
сб. м. 1976, с. 128

НЕОБЫЧНЫЕ ВОСПИТАННИКИ

Возник смелый замысел: перевоспитать заключенных новым методом. Молодая Советская Россия ставила грандиозный опыт <...>, государство предлагало матерым преступникам, осужденным законом за грабежи и кражи, получившим долгий срок заключения, начать нормальную трудовую жизнь на свободе. Что это означало? Если человека брали из тюрьмы или из лагеря со сроком отсидки три года или пять лет, то приговор не отменялся. Именно эти три года или пять лет он должен был провести в трудкоммуне Болшева как осужденный, работая однако в обычных условиях. Когда же кончался срок приговора, с бывшего преступника снимали судимость, он становился полноправным членом общества и мог навсегда распрощаться с коммуной и избрать себе местом жительства любую точку Советского Союза... Часть тех, кто дал согласие переехать из Соловков в коммуну, между собой рассуждали так: «Хуже—то, чем тут, не должно быть? Все—таки не в Белом море сидеть, Москва рядом... А не по нраву придется — сбежим». Действительно, что им было терять? Разве я и все члены комиссии не по таким же соображениям в свое время пришли в коммуну? Но как теперь наша пятерка отличается от принятой партии заключенных! Я уж не говорю о том, что все мы навсегда порвали с прошлым, с содроганием вспоминали о

судах, камерах, лагерных койках. Но разница была и внешняя. Все мы были в отличных костюмах, ботинках, хорошо пострижены, выбриты и держались с той уверенностью, которую человеку дает свобода, сознание своей нужности в обществе, прочное, обеспеченное положение. В коммуне все мы хорошо зарабатывали, некоторые обзавелись семьями... Себя я чувствовал как человек, который уже совсем тонул, захлебывался и был схвачен за волосы, вытащен из водоворота на песочек и ожил. От души я желал и всей партии освобожденных сбросить с себя груз прошлого и встать на трудовую дорогу... Для начала мы хорошо накормили всю партию освобожденных. Каждому выдали по буханке белого хлеба, по кольцу колбасы — ешь от пуза, поправляйся после тощих тюремных харчей, почувствуй то, что с тобою произошло. Вагон наш покачивался, а все 98 сидели, ели, пили чай, оживленно разговаривали... Сотни вопросов о трудкоммуне: какое общежитие, приварок, условия работы на фабрике, оплата труда. Чаще ж всего спрашивали, сильна ли охрана. Не верили: коммуна ОГПУ — и ни одного агента с винтом (винтовкой)?

Н. Журавлев вспоминает, как сам попал в коммуну: «В августе 1927 вернулся из заключения в Москву. Старых дружков на Смоленском рынке я не нашел, из разговоров узнал, что большинство их в заключении, а часть в трудкоммуне ОГПУ. Я сразу встретил целую кучу старых друзей. Илюху Петрова, который уже был мастером машинного отделения обувной фабрики и поразил меня отличным костюмом, новенькими ботинками... Бывшие корешки стали мне советовать кинуть якорь.

Я им: «Возьмем бутылочку, посидим, подумаем». «Отставить, — засмеялся Илюха Петров. — Тут сухой закон. Если к нам поступишь, то имей в виду: клюнешь — выгонят... У нашей породы всегда так: радость — бутылка, горе — бутылка. Забудь об этой барышне... Застукают пьяным — сразу за ворота и скатертью дорога. Экспертизы тут не делают: сивухой от тебя несет, глаза красные, как у кролика — и конец... Чистенькие, веселые... Охраны — никакой...».

Присяга (клятва) при приеме:

1. Безоговорочно поставить крест на прошлом.
2. Неукоснительно выполнять внутренний распорядок коммуны и поддерживать дисциплину.
3. Старательно работать на производстве и быстрее получить какую-нибудь квалификацию.
4. С осени поступить учиться в школу и получить среднее образование.
5. Не употреблять спиртного, наркотиков и не играть в карты.

В последнем пункте заключалась вся жизнь блатных на воле и даже в тюрьме, в лагере, поэтому на п.5 обращалось особое внимание. Каждого предупреждали: неисполнение пятого пункта ведет к исключению из коммуны. Через год к отпуску 1928-го я получил на руки кучу денег, сразу купил отличное драповое пальто, три костюма и стал «богатым женихом». Я и в самом деле приглядывал себе невесту. Старательность мою заметили, зачислили в актив коммуны. Я уже поступил в коммунарскую вечернюю школу. Меня выдвинули помощником завхоза. Коллегия ОГПУ все расширяла эксперимент: перевоспитание бывших заключенных в свободных ус-

ловиях. Чтобы обеспечить всех работой, в коммуне расширялись фабрики, строились новые корпуса. 98 минус 2 новоприбывших (двое на вокзале сбежали; «Дураки — и все тут!») озираются: где же колючая проволока, где легавые? Особенно же вчерашние заключенные были поражены встречей — весь коллектив со знаменами, музыкой: в коммуне уже был свой духовой оркестр.

Самодеятельность у нас была отменная: свои художники, поэты, танцоры, свой большой хор. Общие собрания для провинившихся коммунаров. На чем больше всего попадались ребята? На выпивке. Трудно сразу изменить свой образ жизни, особенно если в голове «ветерок ходит»... Еще — драки и воровство: последнее у нас было редкостью и преследовалось жестоко.

Наказания: 1. Предупреждение. 2. Выговор с предупреждением. 3. Денежный штраф от недельного заработка до месячного. 4. Содержание на гауптвахте у шефов на Лубянке от двух недель до месяца. 5. Исключение.

Кто сам пришел — на все 4 стороны; кто был взят из тюрьмы — возвращали туда же. Вор Александр Евсеев убеждает другарей идти в коммуну: «Ежели вам, шмакодявкам, своих мозгов не хватает, так я вам одолжу. Коммуну — то кто открыл? Чекисты. Значит дело поставлено всерьез. А с другой — то стороны — от чекистов потачки ждать тоже не приходится, значит жуть — малины в коммуне тоже не будет». Ну поначалу, как водится, пришлось ответить на всякие вопросы: где и когда родился, есть ли родственники, где, когда и за что сидел. Но особого интереса к нашему блавному прошлому не было и подробностей не требовали. Больше интересовались другим: учился ли где-нибудь, работал ли, а самое главное — кем хочешь стать. Меня в коммуне больше всего поразило спокойствие всех — и воспитателей, и коммунаров. Именно спокойствие играло важную роль в приобщении вчерашних уголовников к иной жизни, сразу вселяло в них уверенность в завтрашнем дне, в прочности своего положения. Погребинский и воспитатели так поставили дело, что самомалейшее дарование обязательно развивалось. Для этого в коммуне создавались хорошие условия, если требовалось, то любого могли направить в соответствующее учебное заведение.

То же самое было и в Николо-Угрешской трудкоммуне ОГПУ № 2. Методика была одна — принадлежащая А.С. Макаренку. Исполнение было тоже единым, им занимались М.С. Погребинский, Ф.Г. Мелихов, С.П. Богословский.

Процесс перевоспитания в коммуне получил название «перековка». Это было созвучно эпохе индустриализации. Поэтому соответствующее название книги Погребинского «Фабрика людей» вовсе не имело того зловещего «оруэлловского» смысла, какой стараются сегодня приписать всей советской эпохе. «Перековаться» означало — получить как минимум семиклассное образование, приобрести профессию и начать честно трудиться. Последнее для бывших уголовников было, пожалуй, самым трудным. Они не привыкли и не умели работать. На их языке работать означало

«ишачить». «От работы кони дохнут!» — вызывающе заявлял главарь беспризорников Александр Умнов (впоследствии директор одной из фабрик коммун).

Учитывалось и то, что среди беспризорников было немало детей дворян и аристократов, людей одаренных и образованных, с большой тягой к культуре и искусству, к занятиям физической культурой. Уже через несколько лет путем проб и ошибок выработалась «коммунарская методика», признанная и применяемая во всем мире и в наши дни. — Н.Д. (Наталья Николаевна Дегтева)

Большая советская энциклопедия

КОММУНАРСКАЯ МЕТОДИКА

Коммунарская методика — система приемов и организационных форм воспитания учащихся школьного возраста, направленная на формирование и творческое развитие воспитательного коллектива в процессе совместной деятельности детей и взрослых. В педагогической литературе используются и другие обозначения К.м.: методика коллективного творческого воспитания, методика коллективной творческой деятельности и др. Разработана в России в 60–х гг. 20 в. И.П. Ивановым и другими педагогами для учебных заведений и внешкольных учреждений на основе педагогических идей А.С. Макаренко. Апробирована как методика коллективной организаторской деятельности И.П. Ивановым, Л.Г. Борисовой и Ф.Я. Шапиро в созданной ими коммуне юных фрунзенцев — сводной пионерской дружине при Фрунзенском районном доме пионеров. Методика включала 3 осн. направления: коллективное планирование, повседневную организаторскую работу, коллективное обсуждение и оценку ее результатов. Разработку методики продолжил коллектив студентов и преподавателей ЛГПИ им. А.И. Герцена (Коммуна им. А.С. Макаренко, 1963–73). Идеи К.м. были также положены в основу деятельности Всесоюзного пионерского лагеря «Орленок», где в 1963–66 О.С. Газман, А.Ф. Дебольская и другие педагоги создавали модель образа жизни коммунарского коллектива. К.м. возникла как новаторская система воспитания, которая противопоставлялась официальной педагогике. С 80–х гг. К.м. развивалась в русле педагогики сотрудничества. Центральное звено К.м. — общая творческая забота об улучшении окружающей жизни. Осн. положения К.м.: создание коллектива на основе привлекательных для детей идеалов; организация социально значимой и интересной для всех деятельности; построение ученического самоуправления на принципах сменяемости организаторов с целью включения всех воспитанников в активную работу; особые отношения в коллективе, проникнутые заботой о каждом ребенке и взрослом. В К.м. деятельность организовывалась по тематическому признаку (общественная, познавательная, художественно–эстетическая). Особую роль играл коммунарский сбор, который выступал как средство эмоционального сплочения коллектива.

Из книги
«Летопись Николо-Угрешского монастыря. 1905–2009»
Москва: Николо-Угрешский монастырь, 2009.
<некоторые пункты даны в кратком изложении — Е.Н.Е.>

1918. 23 января

Принят Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

С середины 1918 года местные власти начали частичное изъятие церковных ценностей, хозяйственных и жилых строений и инвентаря Николо-Угрешского монастыря для устройства детской колонии и дома отдыха Наркомфина. Для жительства братии остался лишь двухэтажный кирпичный корпус с Успенской церковью и маленькие деревянные домики скита. Только <живший на покое престарелый и изгнанный с Московской кафедры в 1917 году> митрополит Макарий (Невский-Парвицкий) занимал Архирейские палаты. Хотя в 1918 году в ограде монастыря оставались действующими семь храмов, Скорбященская, Казанская церкви и храм Василия Парийского в документах того времени уже не упоминаются. По-видимому,

Николо-Угрешский монастырь. 1894 г.

они с самого начала образования детской колонии были включены в ее состав и разорены.

1919. 1 июля

В целях сохранения монастыря и хозяйственных владений была создана трудовая артель монахов, получившая название Николо-Угрешской трудовой общины.

Так как религиозные общества были лишены юридических прав, в том числе и права собственности, настоятель архимандрит Макарий (Ятров) с разрешения Ухтомского земельного отдела преобразовал монастырь в трудовую артель монахов «Труд» и стал ее председателем. Работа велась на четырех десятинах огородной земли, был свой скот и пасека.

1921. 2 февраля

Детская колония Наркомфина передается в ведение Наркомпроса.

В основном колония состояла из детей, имевших родителей. Поселились они сначала в летних и зимних монастырских гостиницах, дав им названия «Рим», «Лондон», «Кавказ», «Париж».

Дети дошкольного возраста жили с родителями, дети постарше (учащиеся) — в интернате. С передачей колонии Наркомпросу изменился состав учителей, родителей и детей. Постепенно численность семей увеличилась, и вокруг монастыря стали появляться новые дома.

1921. 13 марта

Советской властью была проведена проверка хозяйственной деятельности организаций, находящихся на территории бывшего Николо-Угрешского монастыря — детской колонии и трудовой артели монахов. Скорее всего, проверка была связана с передачей колонии из одного ведомства в другое.

<В ходе проверки выявилось плачевное состояние монашеской артели, состоявшей в основном из престарелых и старых иноков>. При этом монахи еще помогали колонии, отдавая часть собранного урожая детям. Однако колония постепенно занимала все больше территории, принадлежавшей некогда славной и богатой обители.

21 марта по факту недостачи яблок руководитель колонии С. Перов пишет объяснительную записку № 579 в Ухтомский райсовет, где уверяет, что урожай яблок был собран в количестве, соответствующем записанному в акте.

1921. Август

В ответ на обращение Максима Горького об оказании помощи голодающей России АРА (American Relief Administration) подписала в Риге соответствующий договор с наркомом Литвиновым.

По словам В.К. Чуренковой, получала такую помощь и детская колония Наркомфина-Наркомпроса, в которой она находилась в 1918–1922 годах.

1923. 8–9 августа

Проведена оценка владений бывшего Николо-Угрешского монастыря с целью деления между Николо-Угрешской трудовой общиной и детской колонией Наркомпроса.

Итогом работы комиссии стал акт, согласно которому:

1. Трудовая община монахов, составляющая из себя Трудовую земельную артель, состоит из 45 человек.

2. В колонии числится 200 человек, включая обслуживающий персонал. Кроме того, в здании данной колонии существует дом отдыха рабочих и служащих Наркомфина.

3. Всей земли во владении Николо-Угрешского хозяйства числится приблизительно 43 десятины. Она не обмежевана и числится в совместном пользовании между колонией и трудовой общиной.

4. Монахи проживают в помещениях, занимаемых воспитанниками колонии, рабочими и служащими Наркомфина. Также и сотрудники колонии живут в зданиях, принадлежащих монахам.

По данному акту:

1. Сады и огороды, находящиеся внутри монастыря, по добровольному соглашению сторон распределяются следующим образом: парниковый огород с прилегающим к нему фруктовым садом, а равно и большой сад на архиерейском дворе, переходят в целом в пользование колонии, огород же с пасекой и при ней молодой сад и несколько садовых деревьев, находящихся в здании скита, остаются в пользовании трудовой общины. Причем огород с пасекой передаются общине на условиях дальнейшего развития пасеки.

2. Постройки, как жилые, так и надворные, распределяются следующим образом:

— вся правая сторона монастырских зданий с прилегающими церквями (считая от передних центральных ворот по направлению задних восточных ворот) передать в пользование трудовой общине. Кроме того, им же передается помещение под названием «Народная трапезная», находящаяся между Казанской церковью и парадной трапезной («Клубом колонистов»). Из надворных построек — конный двор с навесом и прилегающим к нему сеновалом и келиями;

— все остальные постройки, как жилые, так и надворные, передаются в ведение колонии;

— баня определяется в поочередное пользование (для монахов — не менее 2-х раз в месяц);

— отдельно стоящее каменное здание (бывшая сгоревшая церковь) передается в отдел Госимуществ МОЗО для срочного ремонта.

1924. 22 мая

В обители проходили торжества в честь престольного праздника Перенесения мощей святителя Николая из Мир Ликийских в Бар-град.

В этот день Угрешу посетило более 14 тысяч паломников. Службы шли во всех открытых храмах монастыря.

1924. 26 мая

Московский отдел здравоохранения получил ордер на часть зданий, принадлежавших бывшему Николо-Угрешскому монастырю.

Это было начало передачи всего имущества обители в ведение Моссовета.

< Согласно этому ордеру за номером 1850 в арендное пользование предоставлялись здания больницы, богадельни, некоторые прилегающие к ним помещения гостиницы «Кавказ» и бывшая просфорня.>

1924. 22 августа

В обитель на празднование Явления иконы святителя Николая благо-

верному великому князю Дмитрию Донскому прибыл Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон.

1924. 23 августа

Между московским отделом народного образования и Московским отделом здравоохранения заключено соглашение, по которому совхоз «Николо-Угреши», принадлежащий МОЗО, передается в пользование МОНО.

1924. 27 августа

МОНО получил ордер на арендное пользование совхозом «Николо-Угреши».

1924. 4 сентября

Часть территории и строений Николо-Угрешского монастыря оспаривается МОНО и кооперативно-жилищным товариществом «Ильинское».

Из документов видно, что территория бывшего Угрешского монастыря в 1924 году была предметом постоянных споров. Каждая из новообразованных организаций пыталась захватить как можно больше территории, отобранной большевиками у обители.

1924. 3 октября

Заключено соглашение между Наркомфином СССР и МОНО об обмене движимым и недвижимым имуществом.

По этому соглашению угодья бывшего Николо-Угрешского монастыря должны быть переданы в пользование МОНО.

1924. 7 октября

МОНО ходатайствует о закреплении совхоза «Николо-Угреши» с монастырскими и прочими угодьями за детским городком с сельскохозяйственным уклоном.

<Из ходатайства за номером 988 следует, что 300 детей уже перевезены на Угрешу из Москвы в связи с необходимостью освобождения жилой площади в столице. На ходатайстве имеется положительная резолюция от 13 октября.>

Через год на территории монастыря проживало уже около 1000 детей и взрослых.

1925. 6 февраля

Комиссией Моссовета была обследована территория Николо-Угрешской обители.

На основании ревизии заместитель заведующего МОНО Маслов должен был сообщить о мерах, которые будут предприняты для исправления найденных недостатков.

Документы 1925 года говорят о том, что процесс передачи зданий и имущества бывшего монастыря шел полным ходом. В обитель посылались комиссия за комиссией, чтобы как можно скорее закрепить за МОНО территорию бывшего монастыря, но порядка не было. Случалось, что документы противоречили друг другу... В результате этого выселение братии монастыря и закрытие храмов длилось почти два года.

1925. 13 февраля

После отчета заместителя заведующего МОНО Маслова Моссовет принимает решение о ремонте зданий бывшего Николо-Угрешского мона-

стыря и постепенном переводе детей во вновь образованный Красный детский городок.

<На ремонт было выделено 120000 руб.>

1925. 28 февраля

МОНО начинает выселять братию из Николо-Угрешского монастыря.

Местные власти стремились как можно скорее выдворить монахов из бывшего монастыря, так как боялись их влияния на местное население и боялись волнений. <Срок был установлен до 1 мая 1925 г.>

1925. 25 апреля

В связи с затруднением переселения митрополита Макария из Николо-Угрешского монастыря келейник святителя Аркадий Шитов обращается в МОНО с заявлением о переносе срока выезда до 1 июня. <Ходатайство удовлетворено.>

1925. 29 апреля

МОНО ходатайствует о закрытии храмов в бывшем Николо-Угрешском монастыре.

1925. 2 мая

Святитель Макарий (Невский) и 13 человек, проживавшие вместе с ним в Архиерейском доме Николо-Угрешского монастыря, выехали в близлежащее село Котельники.

Митрополит разместился в доме Мелании Павловны Трагейм. <Святитель скончался 26 февраля 1926 года, канонизирован в 2000 году.>

1925. 12 мая

После проведения осмотра бывшего Николо-Угрешского монастыря административный отдел Моссовета внес предложение о порядке передачи храмов детскому городку и церковной общине.

1925. 26 мая

Ходатайство МОНО о закрытии шести храмов монастыря было рассмотрено на заседании президиума Моссовета и удовлетворено.

<В итоге церкви Иоанна Предтечи и Успения были отданы под расширение детского городка, Никольская церковь и Спасо-Преображенский собор закрыты и переданы в ведение отдела по делам музеев Главнауки Наркомпроса.> Далее в постановлении значилось: «Церковь Петра и Павла оставить в пользовании верующих, обязав их поставить 5 арш. забор между Детским городком и этой церковью и проделать отдельный самостоятельный вход в стене для прохода в эту церковь».

ВЦИК утвердил это постановление 7 июля. Община верующих при поддержке музейного отдела Главнауки в течение года пытались добиться, чтобы им оставили вместо Петропавловской Успенскую церковь как более вместительную и представляющую большую историческую ценность, но безрезультатно.

*Разоренный Никольский собор
Начало 1930-х гг.*

Воспитанники трудкоммуны с наставниками. 1927 г.

1925. 16 июля

Президиум Моссовета утвердил постановление Гослугфонда от 3 июня 1925 года, согласно которому луга бывшего Николо-Угрешского монастыря отошли частью к Красному детскому городку, частью — к крестьянам соседних деревень.

1926. 20 сентября

Составлен акт передачи Преображенского и Никольского соборов Николо-Угрешского монастыря в ведение Государственного музея «Коломенское».

Музей командировал Н.Д. Барановского на Угрешу для проведения реставрационных работ.

1927. 30 августа

Приказом Хозяйственного отдела ОГПУ создана трудовая коммуна № 2. Помещения бывшего Николо-Угрешского монастыря были переданы в ведение коммуны.

1928. 30 марта

Составлен акт передачи Преображенского и Никольского соборов трудовой коммуне № 2.

1928. 8 июня

Коммуна принимает Максима Горького и Михаила Кольцова.

1928. 13 декабря

Постановлением ВЦИК последняя действующая церковь обители — храм во имя Первоверховных апостолов Петра и Павла — закрыта. Здание передано трудовой коммуне ОГПУ.

Член президиума ВЦИК Смирдович отклонил просьбу верующих посмотреть дело о закрытии Петропавловского храма. Таким образом, постановление ВЦИК совершенно уничтожило церковную общину и прекратило литургическую жизнь в обители. В здании церкви расположили музей коммуны (специально для этого устроили 2-й этаж). После Великой Отечест-

Церковь Петра и Павла. 1913 г.

венной войны в бывшем храме заседал народный суд, затем сюда перевели тепличное хозяйство НПО «Союз».

Находящаяся на монастырском кладбище большая часовня, в которой покоится прах настоятеля обители архимандрита Пимена (Мясникова), была снесена <за исключением склепа>. Кладбище закрыли.

1929. 20 января

Музейный отдел Главнауки назначает комиссию по ликвидации церкви бывшего Николо-Угрешского монастыря.

Хотя все церкви, кроме Петропавловской, были переданы коммуне еще в марте 1928 года, переезд коммунаров в новые здания затянулся. Известно, что 17 июня 1929 года коммуна занимала только притвор Никольского собора, а в самом храме хранилась часть церковной утвари, еще не вывезенной в Коломенское.

В течение 1929–1930 годов под руководством П.Д. Барановского монастырские святыни и церковное имущество вывезли в Государственный музей «Коломенское».

Коммуна закупает оборудование, и на территории бывшего монастыря разворачивается строительство: надстраиваются корпуса, появляются электроподстанция, парокотельная установка, проводится одноколейная железная дорога.

1930

Музейным отделом Главнауки подписано соглашение с трудовой коммуной № 2 ОГПУ о производстве капитального ремонта Никольского собора.

<По-видимому, это соглашение не было выполнено, поскольку в 1933–1934 гг. собор был разобран до фундамента.>

1931

В бывшем Спасо-Преображенском соборе случился пожар.

Пожар был настолько велик, что несколько пожарных команд, вызванных из Люберец и Москвы, не могли его потушить. После ремонта в соборе разместили столовую, фабрику-кухню, заводской цех и учебные аудитории.

Начал функционировать электромеханический завод.

Построена одноколейная железная дорога.

*Вид на бывший Николо-Угрешский монастырь. Конец 1930-х годов
Фото А.Н. Красильникова*

Начала работу фабрика музыкальных инструментов. После переселения слесарных и столярных мастерских, располагавшихся в бывших монастырских гостиницах, в здание завода «Спартак», на их месте разместилась фабрика музыкальных инструментов. Сначала здесь работало около 50 человек, на следующий год уже около 400. Ежедневно фабрика выпускала 100 балалаек, 20 гитар, 40 барабанов, 15 мандолин и домр. Позднее, кроме музыкальных инструментов, изготавливались чемоданы и детские игрушки. В 1936 году коммуна впервые в стране начала выпуск оркестровых инструментов. За первые три года фабрика произвела около 1000 комплектов оркестровых инструментов. На базе ремонтно-механического цеха делались патефоны — до 6000 в год.

1932

Началась массовая застройка близлежащей к монастырю территории жилыми домами, культурными и производственными зданиями.

Открылась средняя общеобразовательная школа. Открылся втуз — филиал вечернего отделения Московского энергетического института. При нем

было два подготовительных класса и рабфак, на котором обучалось 300 человек. На разных курсах втуза училось 120 студентов. В 1928 году первые 28 выпускников получили дипломы инженеров.

1933

Коммунары учились: 11 человек поступило в московские вузы и техникумы, 91 — во втуз при коммуне, 50 работало и училось на производственных курсах. В школе рабочей молодежи обучалось 820 человек. До войны она размещалась на пятом этаже собора и в помещениях южного корпуса.

1936 <июль?>

Трудовой коммуне присвоено имя Дзержинского <в связи с 10-летием его смерти>.

1938. 5 сентября

Поселение трудовой коммуны имени Дзержинского постановлением президиума Московского облисполкома было выведено из состава Кишкинского сельсовета и преобразовано в рабочий поселок.

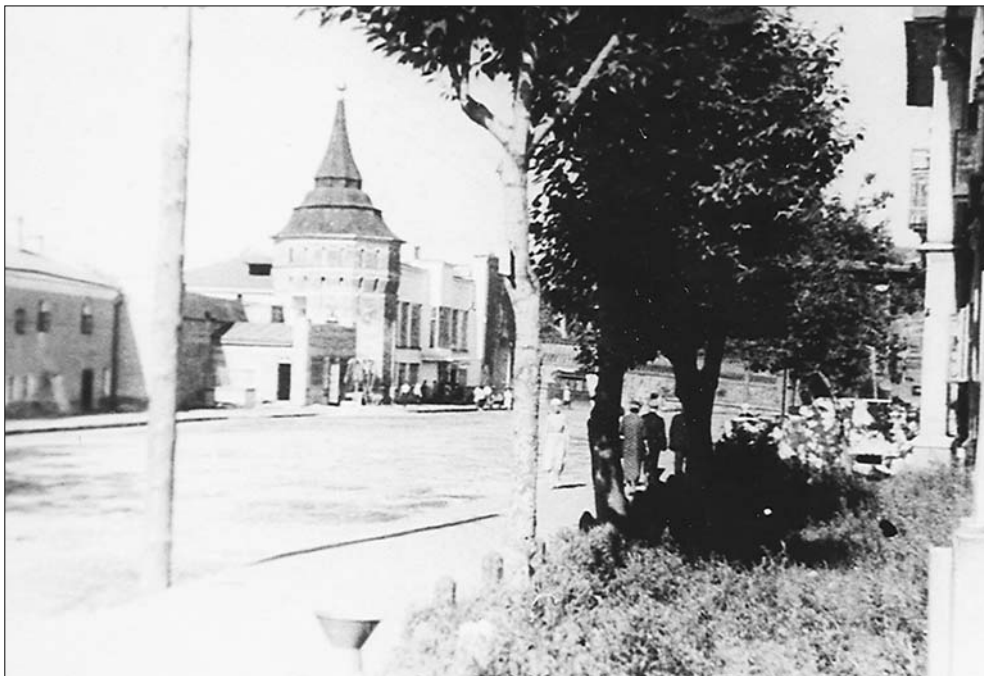
К этому времени в поселке проживало 10213 человек, работало семь промышленных предприятий, были больница, клуб с кинотеатром, школы.

1938. 30 декабря

Трудовая коммуна имени Дзержинского преобразована в производственный комбинат НКВД.

Тогда же были упразднены крупные коммуны НКВД в Подмосковье (в Болшеве) и в Харькове. Число учащихся в средней школе в этом году составило 927 человек, из них 127 окончили год на «отлично».

В этом году напротив монастыря коммунары установили памятник Дзержинскому.

ТРУДКОММУНА В НИКОЛО–УГРЕШСКОМ МОНАСТЫРЕ

Революционные события начала XX века и крупномасштабные гонения на церковь не обошли подмосковную Николо–Угрешскую обитель стороной. Многие монастыри использовались новыми властями под тюрьмы, но Угреша избежала этой печальной участи. До лета 1925 года здесь еще оставалось около 40 монахов во главе с настоятелем архимандритом Макарием (Ятровым). Монастырская община в форме «Николо–Угрешской трудовой артели» сосуществовала с детской колонией Наркомфина, созданной весной 1918 года. В колонии еще сохранялись элементы религиозного воспитания.

В Дзержинском историко–краеведческом музее хранится письмо Варвары Кузьминичны Чуренковой (1907–1993) от 22 мая 1993 года, адресованное Святейшему Патриарху Алексию II, в котором она подробно рассказывает о своей жизни в этой детской колонии в 1918–1922 годах. Она пишет: *«Я попала в Угрешский монастырь под Москвой весной 1918 года. Это было очень красивое место. Монахи тогда еще вели свое хозяйство: был сенокос, большая пасека, монастырские большие фруктовые сады. В основном колония состояла из детей светского сословия, которые все имели родителей. Жили мы в прекрасных гостиницах, летних и зимних, и каждая имела свое название. Дети дошкольного возраста жили с родителями, учащиеся жили в интернате. У нас были воспитатели и учителя, которые раньше работали в светских домах или преподавали в гимназиях. Нам было предоставлено много разных игр. Нам преподавали ритмику, была учительница по музыке... — всего не перечислишь.*

Еще в колонии была очень хорошая детская организация, которая учила нас добру и порядочности. Это были бойскауты. У меня и сейчас звучат в ушах слова гимна: «Помоги больному и несчастному, погибающим спешите на зов...»

В ограде монастыря находился небольшой дом, в котором жил митрополит Макарий. Он был парализован, его возили в кресле–коляске прекрасные женщины, очень опрятные. Мы, дети, ходили к митрополиту. У него вокруг дома была застекленная веранда. Он нас благословлял. Мы становились вокруг его кресла на колени и пели ему: «Был у Христа–Младенца сад». Он очень любил, когда мы ему пели, и давал нам маленькие иконки.

В этом доме была небольшая церковь, и мы пели там заутреню, а на Пасхе и обедню. Регентом был наш завхоз колонии. И тут же в доме была звонница. И я очень любила звонить в эти колокола — вплоть до мозолей. Из дома митрополита был еще один выход в большой фруктовый сад. Там росло все, вплоть до орехов. Нас неоднократно пускали в этот сад...»

В 1924 году на Угреше открылся Красный детский городок МОНО, куда входило четыре детских дома, но планировалось увеличить их число до семи, а воспитанников с 300 до 950. Однако этим планам не суждено было воплотиться в жизнь. Тогда в Советской России широко развернулась борьба с

беспризорностью и правонарушениями в среде подростков. Беспризорность явилась страшным следствием Гражданской войны, голода в Поволжье, репрессий первых лет советской власти и позднее насильственной коллективизации сельского хозяйства. Проблема стояла очень остро. По оценке Н.К. Крупской¹, в 1923 году «армия» беспризорников в России насчитывала около 7 млн. человек, и только 800 000 из них были помещены в детские дома и колонии.

Одной из форм ликвидации беспризорности стали трудовые коммуны, которые создавались по всей стране при различных организациях и учреждениях: Наркомпросе, ВЧК (позднее ОГПУ–НКВД) и других. В отдельных трудкоммунах воспитывалось сразу несколько тысяч человек. Задачей этих учреждений было дать возможность испорченным улицей и обездоленным подросткам привыкнуть в рабочей среде к самостоятельному труду и нормальному образу жизни. Всего трудкоммун было около 60, в том числе 12 в Москве. В Московской области находились две крупные трудкоммуны при ОГПУ–НКВД. Инициатором создания коммун при этом ведомстве считался Ф.Э. Дзержинский, бывавший в трудкоммуне № 1, открытой в Болшеве 11 августа 1924 года. Его можно с уверенностью назвать идейным вдохновителем создания трудкоммун при ОГПУ, но в его кипучей деятельности работа с беспризорниками занимала, по-видимому, незначительное место. Да это и не удивительно, ведь он был председателем ВЧК–ОГПУ, наркомом транспорта, председателем Верховного совета народного хозяйства. В солидном сборнике воспоминаний ближайших соратников Дзержинского А. Рыкова, Я. Петерса, А. Халатова, М. Савельева и К. Радека «Страж Октября», изданном в Москве в 1926 году вскоре после смерти «рыцаря революции», довольно подробно описывается его деятельность на всех упомянутых постах, а работа в Детской комиссии при ВЦИК и борьба с беспризорностью даже не упоминаются. Обошел ее стороной и Феликс Кон, автор биографической книги «Феликс Эдмундович Дзержинский», изданной в 1929 году.

Душой коммунарского дела был Матвей Самойлович Погребинский (1895–1937), который стал прототипом Сергеева в известном фильме «Путевка в жизнь». Погребинского коммунары звали «Кубанкой» за пристрастие к ношению каракулевой папахи. Исполнитель роли Николай Баталов снимался, конечно, тоже в кубанке. При поддержке Г.Г. Ягоды, тогдашнего заместителя, а в 1934–1936 годах председателя ОГПУ–НКВД, Погребин-

ский принимал деятельное участие в создании трудкоммун в разных уголках страны, в том числе трудкоммуны № 2 на территории Николо-Угрешского монастыря в 1927 году, уже после скоропостижной кончины Дзержинского в 1926 году. Погребинский много помогал начинающим педагогам, лично ездил по тюрьмам отбирать молодежь в трудкоммуны. Коммунары очень любили Погребинского, его портреты висели в их клубах. Матвей Самойлович поддерживал тесную связь с ними и приезжал в коммуны и после того, как был назначен начальником НКВД г. Горького. Необходимость участвовать в репрессивной политике стала причиной глубокой депрессии М.С. Погребинского. 4 апреля 1937 года после ареста Г.Г. Ягоды он застрелился, оставив письмо Сталину, в котором говорилось: «Одной рукой я превращал уголовников в честнейших людей, а другой был вынужден, подчиняясь партийной дисциплине, навешивать ярлык уголовников на благороднейших революционных деятелей нашей страны». Реакция вождя была вполне предсказуема: имя Погребинского было предано забвению, многие его друзья и жена Анастасия репрессированы, а книги изъяты из библиотек в спецхраны.

Официально трудкоммуна № 2 была создана приказом Хозяйственного отдела ОГПУ 30 августа 1927 года, но фактически вела свое начало от Звенигородской детской колонии, существовавшей с 1925 года на территории Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде. В колонии воспитывалось около 1300 детей, для которых монастырские помещения были слишком тесны. Негде было разместить мастерские и учебные классы. От безделья ребята хулиганили, устраивали массовые побеги, играли в «партизанскую войну», а однажды устроили своеобразный «бунт», который описал М. Горький в очерке «По Союзу Советов»: «Тысяча триста смелых ребят, со-

бранных в тихом Звенигороде и не занятых трудом, решили объявить войну скуке мещанского городка. Они достали где-то изрядное количество пороха, наделали ружей из водопроводных труб, и однажды ночью в городе загремели выстрелы. Крови не было пролито, но некоторые юные воины пострадали от ожогов, а обыватели от страха. Пострадали, конечно, и стекла окон»².

Этот «бунт» и подтолкнул руководство ОГПУ к организации трудкоммуны № 2 на базе Звенигородской детской колонии с переводом ее в просторные постройки Николо-Угрешского монастыря.

Первым управляющим трудкоммуной стал Федор Григорьевич Мелихов, уже имевший опыт работы в Болшеве. На его плечи легла перевозка ребят, их обустройство на Угреше, организация мастерских и учебных классов. Самых младших детей определили в детские дома, а примерно 750 подростков перевезли на Угрешу небольшими группами. К ним присоединились полторы сотни старших мальчиков из Детского городка, остальных ребят (около 450 человек) перевели в другие детские учреждения. Переезд завершили в начале 1928 года. Под жилье использовали благоустроенные монастырские гостиницы и братские корпуса. Под сапожную и столярную мастерские заняли бывшие Патриаршие палаты. Вскоре организовали слесарную мастерскую. Скульптурная мастерская появилась по инициативе М.С. Погребинского, который заметил склонность ребят к лепке из глины.

В 1930 году Ф.Г. Мелихова перевели на другую работу. В 1934 году он погиб в результате несчастного случая. Управляющим коммуной стал Павел Степанович Перепелкин, опытный инженер, ранее работавший в Хозяйственном отделе ОГПУ. Он проработал пять лет, и под его руководством коммуна достигла больших успехов. Несколько лет П.С. Перепелкин управлял всеми трудкоммунами СССР.

Заместитель по технической части инженер-полковник Тимофей Николаевич Архипов был конструктором-изобретателем и талантливым организатором производства. По воспоминаниям коммунаров, его отличали строгость и простота в обращении.

Заместитель управляющего по воспитательной части Ефим Павлович Смелянский получил опыт работы в этой должности в Болшевской трудкоммуне. Он хорошо был знаком с преступным миром, знал психологию беспризорников, ездил по тюрьмам и лагерям для отбора кандидатов в трудкоммуны. Смелянский обладал широкой гуманитарной эрудицией, увлекался литературой, историей, в свободное время много занимался с воспитанниками, которые его любили и доверяли ему.

Заместителем управляющего по политической части и секретарем партийной организации трудкоммуны являлся Михаил Петрович Щербаков, впоследствии в годы Великой Отечественной войны возглавлявший подпольный обком на оккупированной врагом территории Московской области.

Разделение обязанностей между руководителями трудкоммуны было во многом условно. Архипов большое внимание уделял организации спортивных команд. Вместе с Перепелкиным он нередко работал наравне с воспитанниками в мастерских и на заводах, увлекая ребят личным примером.

Позднее был создан штат инженеров-воспитателей, в число которых входил Михаил Иосифович Терентьев, впоследствии известный краевед, опубликовавший серию очерков о трудкоммуне в газете «Люберецкая правда»³.

В своей работе воспитатели коммуны руководствовались трудами известного педагога А.С. Макаренко. «Мы следовали этой единственно правильной тропе, положив уяснение психологии людей в основу всей воспитательной работы, проводимой нами в трудкоммунах. Мы научились отыскивать в каждом человеке из преступного мира то хорошее, что в нем еще осталось, не угасло, научились это хорошее, не горящее огнем, а чуть-чуть тлеющее, раздувать в большой пожар человеческой души. Мы воспитывали доверием и трудом, стараясь найти индивидуальный подход к каждому новичку», — рассказывал М.И. Терентьев.

Принципы воспитания отражались в лозунгах, понятных коммунарам:

- «Хошь живи, не хошь — уходи»
- «Все отвечают за каждого, каждый отвечает за всех»
- «Чтобы жить трудовой жизнью, надо уметь что-нибудь делать»
- «Воспитывая из себя сознательного пролетария, помогай сделаться им и другим»
- «У нас все должны учиться»
- «Каждый должен украшать дом, в котором живет, улицу, по которой ходит»
- «Честь коммуны превыше всего, все в ответе за нее»
- «В коммуне сухой закон для всех»
- «Будь вежлив в обращении со всеми»
- «Пресекай азартные игры и воровство»
- «Человек труда никогда не позволит себе присвоить чужую копейку».

Все ребята, попадавшие в трудкоммуну, имели непростые судьбы. Поначалу большинство составляли несудимые беспризорники. Это были либо си-

роты, либо дети, брошенные на произвол судьбы непутевыми родителями. Как правило, подростки привыкли к вольготной жизни, познали всю «прелесть» путешествий в ящиках под вагонами, ночевки в подвалах и на чердаках, игры в карты, выпивки, курения. Многие промышляли мелким воровством, некоторые девочки проституцией. Старшие ребята попались на более крупных делах, получали за них различные сроки тюремного заключения. Попадая в коммуны, они не без труда приучались к дисциплине и честной жизни.

В трудовой коммуне большую роль в воспитании играл не только хорошо организованный труд вместе с вольнонаемными работниками, но и весь коллектив воспитанников. Было развито самоуправление: высшим органом являлось общее собрание коммунаров, избиравшее исполнительный орган — центральное бюро актива, которому подчинялись советы общежитий и охрана. Комендантами общежитий выбирали членов трудкоммун. Они единственные имели право ношения оружия. Старостами общежитий и помощниками воспитателя также были коммунары.

Председатель бюро актива Алексей Чекмазов, переведенный из Болшевской коммуны, имел серьезное уголовное прошлое. Взяли его в коммуну № 1 из Соловков под личную ответственность М.С. Погребинского, сумевшего разглядеть в нем хорошие черты и организаторские способности. Позднее Алексей был директором музыкальной фабрики трудкоммун, увлекся литературой, сотрудничал в местных газетах и журнале «За коммуну». Судимости с него были сняты. Он сам не раз ездил по тюрьмам отбирать молодежь в трудкоммуну. Его личный пример оказывал большое влияние на новичков.

Первые 2–3 года в трудкоммуну попадали в основном беспризорные подростки, а позднее принимались молодые заключенные до 25 лет, но встреча-

лись люди и гораздо старше. Не брали осужденных по политическим статьям и совершивших тяжкие преступления против личности: убийство, изнасилование и т.п. Хотя вооруженной охраны не было, судимые коммунары не имели права выходить за территорию без увольнительной записки, им не выдавались паспорта. Непросто было приучить разболтанных ребят к нормальной жизни, однако воровство и побеги были относительно редким явлением. За 11 лет за нарушения из коммуны исключили не более 10 человек. Прием в коммунары проходил на заседании бюро актива. За новичка поручался один из старых авторитетных членов коммуны, с которого судимость была уже снята. Быстро ощутив всю разницу своего положения в тюрьме и в коммуне, новички старались не подавать повода для возвращения в места лишения свободы.

Первые успехи в работе трудкоммуны стали очевидны уже в 1928 году. Знаменательным событием было посещение Максима Горького, приехавшего 8 июня 1928 года с сыном Максимом и известным публицистом Михаилом Кольцовым, опубликовавшим в газете «Правда» от 8 июля 1928 года большой очерк «В монастыре» (см. с. 92-97 настоящей книги). Сам Максим Горький описал свой визит в трудкоммуну № 2 в очерке «По Союзу Советов». Коммунары показали Горькому и глиняную статуэтку, изображающую его самого. Статуэтка получила снисходительное одобрение писателя. Горького приняли в почетные члены трудкоммуны и устроили ему торжественные проводы в бывшем Преображенском соборе. Этот просторный храм возведен в 1880–1894 годах в память 500-летия Куликовской битвы и основания монастыря по проекту известного архитектора А.С. Каминского. Стенопись, выполненная по эскизам Каминского под его личным наблюдением, была высокохудожественной, о чем свидетельствуют сохранившиеся фотографии. Разорение собора началось со вскрытия склепов под алтарем в начале 1930-х годов, которое производилось присланной из Москвы комиссией в присутствии местных жителей с целью устройства там котельной. По свидетельству Г.И. Ерастова, отец которого видел вскрытие, останки архимандрита Нила (Скоронова), настоятеля монастыря в 1880–1894 гг., были перезахоронены около южной стены на территории монастыря. Вскоре в Преображенском соборе были сделаны межэтажные перекрытия, устроены грубые прямоугольные окна. В те трудные времена помещений не хватало, поэтому использовали даже пространство подкупольных барабанов. В храме размещались фабрика–кухня, столовая, различные мастерские, аудитории завода–втуза, спортзал... Величественное здание не раз страдало от пожаров, возможной причиной которых была котельная, устроенная на месте алтаря. Росписи были полностью утрачены. В восстановленном заново освященном в 2000 году Преображенском соборе стенопись воссоздана в 2007–2010 годах.

Поскольку упор в трудкоммуне № 2 был сделан на трудовое воспитание в коллективе, необходимо было расширять производство. Как писал А.С. Макаренко, «логика хозяйства и логика труда вместе дают железную логику коммуны»⁴. Под руководством опытных вольнонаемных мастеров коммунары постепенно осваивали рабочие профессии, мастерские оснащались передовым по тому времени оборудованием. Уже в 1928 году было выпущено

продукции на 221 000 рублей и даже получена небольшая прибыль. В 1929 году начал сказываться недостаток производственных помещений. Хозяйственное управление ОГПУ выделило значительные денежные средства на строительство заводов и фабрик. Возводились новые корпуса, закупалось современное импортное оборудование. Одновременно построили новую сушилку, парокотельную установку, электроподстанцию, провели шоссе-сезонную дорогу. Строительство железнодорожной ветки до станции Панки нашло отражение в знаменитом фильме «Путевка в жизнь», снимавшемся преимущественно в Болшевской коммуне. А в Николо-Угрешской коммуне в 1928 году сняли документально-художественный короткометражный фильм об организации коммуны.

Самым мощным ее предприятием был инкубаторный завод «Спартак», часть продукции которого шла на экспорт. Помимо инкубаторов и брудеров завод выпускал промышленные вентиляторы и электроаппаратуру. К концу 1932 года в трудкоммуне действовало уже четыре завода: «Спартак», фибролитовый, электроремонтный и радиозавод. Работала музыкальная фабрика, где был еще бильярдный цех. Обувные мастерские вместе с 252 квалифицированными коммунарами перевели в Болшевскую трудкоммуну. По данным газеты «Дзержинец» от 13 апреля 1937 года, годовой объем производства предприятий составил около 72 млн. рублей в текущих ценах, а численность работающих была около 5000 человек, из которых 20% — коммунары.

Большое внимание уделялось в трудкоммуне производственному обучению. Если поначалу коммунаров учили прямо в мастерских, то позднее при каждом заводе открылись фабрично-заводские училища, работала общеобразовательная средняя школа, вечерняя школа для взрослых. В 1932 году начал работу втуз, являвшийся филиалом вечернего отделения Московского энергетического института. Во втузе на разных курсах занималось примерно 120 человек, и еще 300 человек обучалось на рабфаке. Для проведения занятий приезжало 26 преподавателей МЭИ. Первыми получили дипломы инженеров 28 человек в 1938 году. Над втузом шефствовал Московский электрозавод. Некоторые коммунары ездили на учебу в Москву: в консерваторию, Литературный институт, художественные училища и другие учебные заведения.

Угрешское народное училище было закрыто в 1918 году, а в самом начале 1919 года, на Рождество, его здание значительно пострадало от пожара. Удалось вынести кое-какое имущество и иконы из церкви Святого Духа. Достоверно неизвестно, было ли возгорание результатом намеренного поджога на великий православный праздник или произошло случайно от беспечности красноармейцев, для которых здесь были устроены курсы. Наиболее серьезно пострадавшие стены были постепенно разобраны окрестным населением на кирпичи для хозяйственных нужд, а в уцелевшей части училищного комплекса в 1930–1940-е годы находилась детская техническая станция (ДТС), объединявшая много разных кружков: авиамодельный, цветочный, где ребята постигали искусство изготовления цветов из ткани и бумаги, и другие. Участница цветочного кружка Т.Н. Рудко вспоминает: «Моя подружка Таня Слободчикова однажды сочинила экспромт:

*На ДТС мы проводили
Свои свободные часы,
И поминутно раздавались
Наши веселые гласы.*

Вот такая задорная, творческая атмосфера царила на нашей станции»⁵.

С ростом производства привлекалось все больше вольнонаемных работников, приезжавших с семьями, да и сами повзрослевшие коммунары становились семейными людьми. Поэтому одновременно строились жилые дома из производимого в коммуне фибролита. В начале 1930-х годов появилась уже целая новая улица (ныне часть ул. Бондарева). Благоустраивались скверы, были разбиты цветники, устроены фонтаны. Коммуна все больше превращалась в рабочий поселок, где проживало около 10 000 человек.

Был возведен кирпичный клуб⁶ в стиле конструктивизма, являющийся памятником архитектуры той эпохи. В клубе работала библиотека, в различных кружках занималось около 700 человек. Особенными успехами выделялись студия живописи, народные театры, четыре оркестра и ансамбль песни и пляски, создателем которого был известный композитор и хоровой дирижер А.В. Александров. Руководил этим коллективом коммунар А. Тихомиров. Часть участников ансамбля позднее перешла в знаменитый ансамбль песни и пляски Красной Армии. Особой любовью коммунаров и окрестных жителей пользовались спектакли театра-студии, где ставились и классические пьесы, и современные. В многотиражной газете «Дзержинец», издававшейся в 1937–1939 годах, работал ответственным секретарем известный поэт Ярослав Смеляков (см. с. 185–218 наст. книги).

Театральные коллективы трудкоммуны показывали свои спектакли в Люберцах и Москве, а на сцене местного клуба выступали известные арти-

сты, в числе которых Л. Собинов, И. Козловский, А. Нежданова, В. Качалов, И. Москвин. В середине 1930-х годов в трудкоммуне режиссером Н.В. Экком снималась кинокартина «Ангел» — продолжение известного фильма «Путевка в жизнь». В съемках участвовало около сотни коммунаров.

Многие ребята занимались спортом. Построенный стадион был в то время самым большим в Ухтомском районе. При первичной организации ОСОАВИАХИМа работали баскетбольная, футбольная, легкоатлетическая, парашютная секции, лодочная станция, кружок планеристов, располагавший собственными планерами и учебными самолетами. Футбольная команда была наиболее известной. Она принимала на своем поле московские команды «Спартак» и «Динамо», а однажды даже сборную Уругвая. Спортсмены ежегодно участвовали в торжествах на Красной площади.

Совместно с Болшевской трудкоммуной издавалась газета «Коммунар» (1933–1936 годы), журнал «За коммуну». В 1936 году, когда отмечалось десятилетие со дня смерти Ф.Э. Дзержинского, трудкоммуне № 2 было присвоено его имя, которое унаследовал рабочий поселок, ставший самостоятельной административной единицей в 1938 году. Тогда же перед монастырем на средства коммунаров был установлен бетонный памятник Ф.Э. Дзержинскому, заложенный осенью 1937 года. Он простоял 65 лет и рухнул во время бури осенью 2003 года. На территории поселка были установлены также бюсты В.И. Ленина, И.В. Сталина, М. Горького.

Издаваемая в те годы местная газета «Дзержинец» выходила тиражом 1500–2000 экземпляров дважды в неделю. К сотрудничеству в качестве рабкоров привлекались коммунары. Ее содержание отражало жизнь коммуны: производственные успехи и проблемы, социалистическое соревнование,

культурные и спортивные мероприятия, работа партийной, комсомольской и профсоюзной организаций. Печатались всевозможные агитационные материалы. Не вдаваясь в подробности деятельности этих организаций, которая была вполне в духе того времени, отметим, что комсомольская ячейка насчитывала около 800 членов и являлась одной из самых крупных в районе. В профсоюзах, по данным газеты «Дзержинец» от 13 июля 1937 года, состояло 2640 человек, то есть больше половины работающих.

К сожалению, не только эту, в целом весьма позитивную, информацию можно почерпнуть из подшивок «Дзержинца». Помещались там и такие статьи как «Вооружимся бдительностью», направленные против якобы действовавших «врагов народа». Волна сталинских репрессий прокатилась здесь в 1937–1938 годах. Хотя они и были менее масштабны, чем в носившей имя «врага народа» Г.Г. Ягоды Болшевской трудкоммуне № 1, пострадали многие дзержинские коммунары и вольнонаемные работники, прежде всего руководители высшего и среднего звена⁷. Особенно много людей арестовали на фибролитовом заводе, где работал инженером «враг народа» Глебов, приемный сын репрессированного политического деятеля Л.Б. Каменева (см. с. 164, 176, 178, 194 наст. книги). Добралась и до Е.П. Смелянского, который с 1935 года был управляющим коммуной. Его также репрессировали и расстреляли в начале 1938 года, жену арестовали, детей отдали в детдом. Такова была «награда» властей за самоотверженную работу этих людей по ликвидации беспризорности. Все они посмертно реабилитированы после 1956 года, а настоящая благодарность к ним осталась в памяти их воспитанников, которым они действительно дали «путевку в жизнь».

К концу 1930–х годов в СССР уже не было той армии беспризорных, которая существовала ранее как продукт революционных потрясений, репрессий, голода и коллективизации. Дети репрессированных в ходе террора 1937–1938 годов «врагов народа» попадали либо в лагеря с родителями, либо в специализированные детские дома, во многом напоминавшие тюрьмы. Во всяком случае, на улице их не оставляли. В этом смысле беспризорность была ликвидирована. Однако молодежь, попадавшая за решетку за мелкие правонарушения, обретала новую жизнь в трудкоммунах и еще нуждалась в них. К сожалению, изменившаяся внутривластная обстановка и, возможно, репрессии 1937–1938 годов привели к тому, что решением Административно-хозяйственного управления НКВД от 30 декабря 1938 года все три крупные трудовые коммуны этого ведомства — в Болшеве, поселке имени Дзержинского и в Харькове — были реорганизованы в производственные комбинаты НКВД. Об этом сообщила газета «Дзержинец» 17 января 1939 года.

Кроме положительной стороны деятельность коммуны имела и отрицательную — разрушение уникального архитектурного ансамбля Николо-Угрешского монастыря. Храмы были осквернены, постепенно потеряли вид церковных зданий, а древнейший Никольский собор в 1940 году был разобран. Все это стало плодом насаждаемого советским государством массового атеизма. Довершила разорение бездумная хозяйственная эксплуатация зданий в послевоенные годы. Ныне монастырь, переданный Русской Православной Церкви в 1990 году, полностью восстановлен.

Всего в трудкоммуне № 2, по оценке М.И. Терентьева, было воспитано около 4500 беспризорников и молодых правонарушителей. В чем же заключался тогда главный «секрет» успеха этого дела? Думается, успех был обусловлен не только особым педагогическим подходом коллективного воспитания, но и организацией за счет государственных капиталовложений крупного современного производства с вовлечением в него коммунаров наравне с вольнонаемными работниками. Причем создавались условия не только для труда, но и для общения, творчества, отдыха и развлечений, а также обеспечивалось проживание повзрослевших воспитанников в рабочем поселке. В таком сочетании, видимо, и заключался «секрет» того, что бывшие правонарушители, полностью изменившие свой образ жизни, больше не возвращались в преступную среду. Этот опыт может быть полезен в наши дни, когда детская беспризорность имеет уже иные социальные причины: алкоголизм, наркомания, безработица, миграция населения из бывших союзных республик... В полном объеме повторить опыт 1930-х годов теперь, конечно, невозможно, поскольку экономическая и культурная среда совершенно другая.

Ныне одна из улиц г. Дзержинского названа в честь трудкоммуны.

Ссылки и комментарии

¹ Крупская Н.К. Педагогические сочинения. — Москва, 1958. Т. 2. С. 240.

² Горький М. Собрание сочинений в 18 т. — Москва, 1962. Т. 11. С. 255.

³ Терентьев М.И. Очерки о трудкоммуне № 2. Люберецкая правда, 1965, 27 марта, 3 июня; 1967, 27 февраля, 5 мая, 29 мая, 27 июня; 1968, 28 марта.

⁴ Макаренко А.С. Собрание сочинений в 7 томах. — Москва, 1958. Т. 7. С. 381.

⁵ На месте, где находилось училище, был сад школы № 1. Эта старейшая школа города, открывшаяся в 1932 году, размещалась в разных монастырских постройках и даже в бараках на ул. Советской. Новое здание школы, возведенное в первой половине 1950-х годов, впервые открыло свои двери в 1956 году. Школа находится на горке, некогда купленной обителю у гремичевских крестьян для возведения училища, только выше, чем оно некогда располагалось.

⁶ Ныне дворец культуры «Вертикаль», находившийся в аварийном состоянии и реконструкции не подлежавший, разобран. На его месте планируется возвести новый дворец культуры и областной кукольный театр.

⁷ Митюшкин В. Репрессии 1937–1938 годов // Угрешские вести, 2001, № 30–32.

Использованы фотографии 1930-х гг. из фондов историко-краеведческого музея г. Дзержинского

Митинг на футбольном поле. 1936 г.

Закладка памятника Ф.Э. Дзержинскому. 1937 г.

Михаил Терентьев

Из серии очерков об Угрешской трудкоммуне № 2,
опубликованных в газете «Люберецкая правда»
20 и 24 мая 1967 года

ПРИНЦИПЫ ВОСПИТАНИЯ

«Хошь живи, не хошь — уходи». Никакого принуждения, никакой конвойной стражи. Никакого ограничения свободы. В то же время новичкам внушалось, что «легкая» жизнь преступника — не такая уж легкая и сладкая. То ли дело трудовая жизнь. Она тяжелая, но зато сколько в ней радости!

«Чтобы жить трудовой жизнью, надо уметь что-нибудь делать» — второй принцип. Жизнь трудкоммуны должна быть подчинена обучению правонарушителя какому-нибудь труду. Обучая ребят трудиться, коммуна ставила главной целью заставить их перевоспитать себя, отказаться от всяких старых замашек.

Этой же цели служил и третий принцип: «Все отвечают за каждого, каждый отвечает за всех». Провинившийся отвечал за проступок не перед администрацией, а перед общим собранием членов коммуны.

Руководство трудкоммуны № 2. 1933 г.

*Сидят в 1-м ряду слева направо: 2-й — Е. Поздеев, секретарь воспитательной части; 4-й — М. Верещагин, коммунар, секретарь комитета ВЛКСМ; 5-й — Е.П. Смелянский, зам. управляющего, 8-й — П.С. Перепелкин, управляющий; 10-й — А. Архипов, секретарь бюро ВЛКСМ завода «Спартак».
Стоят во 2-м ряду: М.П. Щербаков — зам. управляющего, секретарь парторганизации; Я.Я. Маслов — директор фибролитового завода; Елкин — коммунар, секретарь парторганизации электроремонтного завода.*

Новых членов в коммуны тоже принимали на общем собрании. Судимость с вновь прибывших не снималась, хотя они получали полную свободу и даже могли уже создавать семью. Вольнонаемные тоже подчинялись всем правилам коммуны и при желании могли в нее вступить. Не принимались только осужденные за убийство. Общее собрание избирало исполнительный орган — бюро актива.

Комендантом тоже был выборный член коммуны, но освобожденный от других работ. Он единственный из коммунаров имел при себе оружие. Ежемесячно комиссия, выбираемая воспитательной частью и бюро актива, направлялась в места заключения для отбора кандидатов в члены коммуны — 25–30 человек. Вот как проходил прием.

Летний театр переполнен. В президиуме собрания зам. управляющего по воспитательной части Е.П. Смелянский, два воспитателя и бюро актива.

— Принимается в члены коммуны Исаенко, прибывший к нам из тюрьмы и желающий стать членом нашего коллектива. Он имеет две судимости за воровство. В последний раз был осужден на пять лет и содержался в тюрьме со строгим режимом. Иди, Исаенко, рассказывай, почему хочешь быть членом коммуны.

Исаенко выходит на сцену, он явно смущен.

— Вопрос! — кричат из зала. — Сколько тебе лет—то?

— Отвечай, Исаенко, — говорит председатель.

— Двадцать три.

— А не думаешь сбежать? — снова кричат из зала.

— Нет, ребята, никогда не сбегу, не подведу вас.

— Кто поручится за Исаенко перед коллективом? — обращается председатель к членам коммуны.

— Я поручусь, — встает из зала и идет на трибуну Вася Миронов. — Я ездил с комиссией в тюрьму и уговорил Исаенко идти в коммуны. Ведь он не пропащий человек. Я сам был почище Исаенко. А теперь я рабочий человек, имею похвальную грамоту и с меня уже снята судимость. Собираюсь даже жениться, — под смех всего зала заканчивает речь Миронов.

— Будем голосовать. Кто за прием в члены коммуны бывшего правонарушителя Исаенко Владимира Акимовича, прошу поднять руки. Опустить. Есть кто против?.. Нет. Принимаем. Коммунар Исаенко, иди на место.

Вступив в члены коммуны, каждый должен был подчиняться ее правилам. А правила были сложные и простые одновременно. Членам трудкоммуны не выдавали паспортов, если с них не была снята судимость, и они не имели права отлучаться без увольнительной записки. В коммуне для всех существовал сухой закон, были строго запрещены мат и блатной жаргон. Если случалось, что член коммуны выпил, даже будучи в Москве, он получал месяц черных работ, кем бы он ни был, даже начальником цеха. Если «пошалил» в трамвае — засунул руку в чужой карман, можно было ждать исключения из коммуны и высылки на пять лет на север. Причем суд вершили сами коммунары, и ждать пощады нарушителю было нечего. В то же время все должны были работать, учиться и активно участвовать в культурной и спортивной жизни коллектива, преумножать богатство коммуны. В то же время существовали и неписанные законы. В домах коммуны и окружаю-

пших селениях недопустимо было даже самое малое воровство. Нарушителей этой заповеди подвергали суровому наказанию.

В основу основ воспитания нового человека был положен труд. Всем предоставлялась работа по душе. Начинали с производства ведер, совков для мусора, сапог. А в 1932 году было уже пять заводов и одна фабрика, два совхоза — молочно-овощной «Петровский» и кролиководческий. Самым большим был завод «Спартак». Здесь выпускались промышленные вентиляторы, никелированные кровати, инкубаторы и брудера для птицефабрик. Затем стали делать электроаппаратуру, распределительные устройства и пульты управления для электростанций. На музыкальной фабрике изготавливались баяны, балалайки, домры и даже скрипки, на электроремонтном заводе выпускались электродвигатели, сверлильные и заточные станки, на радиозаводе — радиоаппаратура, в том числе приемники. Вся выпускаемая продукция была высокого качества, заводы были оснащены станками и оборудованием, самыми совершенными по тем временам. Естественно, на всякого новичка это производило ошеломляющее действие. А вечером ребята, теперь уже друзья по общежитию, вели его в клуб на выставку достижений трудкоммуны. На диаграммах было показано, сколько отправлено инкубаторов и брудеров за границу: В Турцию, Литву, Латвию, Финляндию и Эстонию. Здесь же висели дипломы на продукцию.

Члены коммуны работали и сдельщиками, и повременщиками. Через шесть месяцев сдавали экзамен на повышение разряда. За четыре года каждый рабочий мог достигнуть высшего 7-го разряда. В продовольственном магазине отдел со штучными товарами работал без продавца и кассира. «Член коммуны никогда не позволит себе присвоить чужую копейку», — говорили ребята.

В 1932 году был полностью отстроен комплекс для общеобразовательной и технической учебы, для культурного отдыха и развлечений. Появились школа для взрослых, курсы для подготовки в техникум, вуз, факультет по обучению хозяйственного актива. Над учебными заведениями коммуны взяли шефство вузы Москвы. Над заводом-втузом взял шефство Московский электронный завод. Только из Москвы для проведения занятий приезжали 20 преподавателей Московского энергетического института. Во втузе занималось 120 студентов, половина из которых были членами коммуны. Много коммунаров ходило на раб-

*Втуз в бывшем Преображенском соборе
1932 г.*

фак — около 300 человек. А всего училось более 1000 человек. Часть коммунаров училась в Москве: в консерватории, в литинституте, художественных училищах. Был построен клуб с залом на 860 мест, стадион на 3000 зрителей — самый большой тогда в районе. Рядом с втузом, аудитории которого располагались в Спасо-Преображенском соборе, построили летний театр, в скверах разбили цветники, устроили фонтаны. В большом зале фабрики-кухни по вечерам открывался ресторан, в кружках занималось около 700 человек. Было четыре оркестра и ансамбль песни и пляски (150 человек), студия живописи, которую посещало около 50 человек.

А.М. Горький пристально следил за развитием коммуны и перековкой бывших преступников. Сколько было радости, когда после концерта, данного у него в гостях коммунарами, он представлял кружковцев Ромену Роллану: «Ведь Вы поймите только, дорогой Ромен, ведь все эти чудесные артисты — бывшие правонарушители, и не будь советской власти, что бы с ними стало? Они бы пополнили число обитателей моего «Дна»...»

Александр Васильевич Александров по сути был отцом созданного в коммуне большого ансамбля песни и пляски. По его совету ансамбль выступал в форме пограничников. В последующем часть коммунаров из ансамбля перешла в ансамбль песни и пляски Красной Армии. Коммунары показывали свои спектакли и в Люберцах, и в Москве. А к ним приезжали артисты Малого театра, МХАТа, Театра оперетты, Большого театра, Московской консерватории. Перед коммунарами выступали Собинов, Козловский, Нежданова, Ойстрах, Качалов, Москвин.

Игорь Ильинский снимался в коммуне в фильме «Когда пробуждаются мертвые», а Михаил Жаров — в 1934 году в картине «Ангел», к масовкам которого было привлечено около 100 коммунаров.

Много внимания в коммуне уделялось физкультуре и спорту. Здесь была большая лодочная станция, работала школа планеристов, где имелись свои планеры и учебные самолеты. Много коммунаров занималось парашютным спортом. Футбольная команда принимала на своем поле «Спартак» и «Динамо», однажды даже достойно сражалась в товарищеском матче со сборной Уругвая, который все-таки проиграла. Спортсмены-коммунары ежегодно участвовали в торжествах на Красной площади.

Успешная работа по трудовому воспитанию приносила свои плоды. Все больше и больше становилось в

*Лыжный агитпробег
по селам Люберецкого района
На переднем плане — Нина Поцелуева
1934 г.*

коммуне людей, с которых снималась судимость, росли профсоюзная и комсомольская организации. По ряду причин в конце 1938 года коммуноу ликвидировали, преобразовали в производственный комбинат, но дела коммунаров оставили неизгладимый след в истории Угрешы.

Использованы фото из личного архива М.И. Терентьева, переданные Е.Н. Егоровой в 1980 г.

Автор серии очерков Терентьев Михаил Иосифович (1903–1982) родился в дер. Бубново Раменского района. Работал на фабрике им. Октябрьской революции (пос. Октябрьский), принимал участие в Гражданской войне и борьбе с бандитизмом, в ликвидации неграмотности и детской беспризорности. С 1932 г. работал в трудкоммуне № 2 на заводе «Спартак» инженером–воспитателем, затем начальником электроцеха. Закончил завод–втуз (филиал МЭИ). В годы Великой Отечественной войны после неудачной попытки поступить в ополчение из–за слабого здоровья, возглавлял подсобное хозяйство «Новопетровское», затем много лет до выхода на пенсию работал старшим инженером на испытательной станции НИХТИ. Около 40 лет собирал материалы по истории Николо–Угрешского монастыря и трудовой коммуны № 2. В 1960–е–1970–е годы опубликовал подборку исторических очерков в газетах «Люберецкая правда» и «Московская правда». В его материалах ничего не говорится о репрессиях 1937–1938 годов в коммуне, потому что в то время, когда они писались, это не приветствовалось и не могло быть опубликовано. — Е.Н.Е.

Евсей Рудинский
Из рукописи «Трудкоммуна № 2 ОГПУ им. Дзержинского»

Коммуна начала создаваться при П.С. Перепелкине. Он был управляющим коммуной (до него заведующими были Мелихов и Богословский). Заместителем Перепелкина был Е.П. Смелянский. После репрессий против Перепелкина и расстрела Смелянского управляющим стал ничем особым себя не проявивший чекист Осипов, остававшийся в этой должности до ликвидации коммуны.

*П.С. Перепелкин проводит занятие
с коммунаром-рабочим фибролитового завода*

Гетц Хиллиг
Из материалов
«Проблемы организационной структуры
макаренковских учреждений»
Марбург, 1972 г., 1980 г.
«А.С. Макаренко и Большевская коммуна».
Педагогика (М). 2001. № 3

В связи с вышеупомянутыми структурно-организационными изменениями вопросы снабжения коммун переходили в компетенцию Административно-хозяйственного управления (АХУ) НКВД СССР под руководством И.М. Островского, а с 15 октября 1936 года С.Б. Жуковского.

Что касается побегов воспитанников, то в коммунах, как и в макаренковских учреждениях, их случаи были редкими, несмотря на отсутствие ограждений и охраны... Через несколько месяцев после открытия коммуны

прекратились и кражи. Как и в макаренковской колонии им. М. Горького, ребятам вручались ключи от всех складов, каждый чувствовал себя хозяином своего учреждения.

<...>

Срок пребывания в коммуне составлял 2–3 года, но многие оставались и после окончания срока, после выпуска, даже обзаведясь семьями. Так воспитательное учреждение, каким коммуна была вначале, стала производственным предприятием с общежитием для малосемейных.

<...>

Предпосылкой для подобного воспитания является, конечно, тот факт, что взрослые, которые здесь работают, покидают трон величия, превосходства и авторитарности, ставят себя наравне с подростками и видят в них одинаково мыслящих, равноценных товарищей и солидарных с ними друзей, а не объекты для воспитания, послушные и подчиненные.

В таком же хвалебном тоне сделана запись Якоби в книге отзывов коммуны: «Только пролетарское государство может себе позволить перенесение целей истинной человечности из области «серой» теории в область практических правовых отношений.

Кто сомневается — пусть тот поучится у России умению организовать в общественном направлении антиобщественные элементы. Это чрезвычайно трудная задача решена блестяще в трудкоммунах ГПУ».

Пиком истории большевского учреждения стало его десятилетие, которое почему-то было отмечено лишь в 1935 году. Правда, сначала подготовка к юбилею сконцентрировалась на 1934 год. Так, в служебной записке Наркому внутренних дел Г.Г. Ягоде от 8 июля того же года полномочный представитель ОГПУ по Горьковскому краю М.С. Погребинский предложил «сделать значок для коммуны к 10-летию» и приложил его образец. «Это имело бы большое воспитательное значение, если его выдавали не всем». Помимо такого предложения иногороднего почитателя коммуны появился проект тематической книги в московском издательстве ОГИЗ (горьковская серия «История фабрик и заводов»). Примером, очевидно, послужил сборник к 5-летию Харьковской коммуны «Второе рождение» (1932 г.), составленный и подготовленный к печати бригадой «Комсомольской правды». Для реализации книжного проекта Большевской коммуны ее руководители заинтересовали знаменитого писателя-драматурга В.М. Киршона, у которого 7 декабря 1933 г. было проведено совещание с представителями данного учреждения, зафиксированное стенограммой. Эта первая попытка издания книги о большевцах тогда не увенчалась успехом.

В связи с юбилеем в приказе НКВД СССР за подписью наркома от 7 июня 1935 г. говорилось: «Лучшим доказательством жизненности наших большевистских методов перевоспитания человека является наша Большевская Трудовая Коммуна, превратившаяся из небольшой опытной мастерской — в огромную фабрику переделки человека, празднующую на днях свой 10-летний юбилей». В другом приказе от 1 июня 1935 г. речь идет о том, что 29 членов коммуны, рожденных между 1903 и 1911 годами, попадали под амнистию — с них была снята судимость.

В это юбилейное для Болшевской коммуны время, когда все казалось радостным, светлым, выходит постановление ЦИК и СНК от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних». Одновременно принимается закон, датированный тем же числом, который резко понижает до 12 лет возраст уголовной ответственности за ряд наиболее распространенных среди несовершеннолетних преступлений. С 12 лет к ответственности с применением всех мер уголовного наказания, вплоть до смертной казни, стали привлекать за кражу, насилие, телесные повреждения, увечья, убийства либо попытки убийства.

И постановление, и закон в корне расходятся с тем первым указом АХО ОГПУ, с которого мы начали свой рассказ и с которого начали свой путь трудкоммуны. Так готовилась новая смена чекистов, смена «верхушки» ОГПУ–НКВД и постепенное уничтожение руководителей, управляющих коммунами, и самих коммун. В 1936 году был снят со своего поста наркома внутренних дел СССР Г.Г. Ягода, его заменил «сталинский» нарком Н.И. Ежов. Прошло время романтиков, «рыцарей революции», наступало время сталинских чисток и репрессий. — Н.Д.

Николай Родионов

Из воспоминаний

«Трудкоммуна № 2 ОГПУ им. Дзержинского»

Был в трудкоммуне комендант по прозвищу Пышка. Его одного боялись больше целого наряда милиции. Комендатура располагалась в церкви Петра и Павла, а в подвале была каталажка.

В самой коммуне все старались вести себя по всем правилам, а вот в увольнении... Дело в том, что тем коммунарам, у кого были родственники в Москве или Московской области, давали «увольнительные». Они должны были отбыть из трудкоммуны в определенное время и вернуться к определенному времени. Оказавшись за пределами коммуны, некоторые ребята, встретив бывших дружков, сразу же вспоминали «подвиги» прошлой жизни. Их ловила милиция и возвращала в коммуну либо на «черном воронке», либо пешим ходом, но под дулом винтовки. Судьбу этих ребят должна была решать конфликтная комиссия, но до нее было еще двое–трое суток. И вот на это время провинившиеся попадали в лапы к Пышке и в его каталажку. Мало того что кормили там хлебом и баландой, в каталажке было сыро и холодно, бегали крысы. Пышка с удовольствием рассказывал бедным «узникам» страшные истории о кровожадных крысах–колдуньях, о кошмарах, которые ждут ребят ночами, если они попадут в тюрьму. Рассказывал Пышка с упоением, вдохновенно, слушателей же была нервная дрожь, а по ночам их мучали кошмары или они вообще не могли уснуть, колотили в двери, кричали. Пышка, похоже, был доволен сам собой, считал, что воспитательная беседа была проведена им на высоком уровне.

Николай Родионов
Из воспоминаний
«Трудкоммуна № 2 ОГПУ им. Дзержинского»

ТРИ ДРУГА—БЕСПРИЗОРНИКА

Три друга. 1937 г.

Были в трудкоммуне три друга. Алексей Новосельцев, Виктор Пузаков и Абрам Раппопорт. Отловили их милиционеры где-то на вокзале в Москве и привезли в трудкоммуну. Было это примерно в 1934 году. Они так и держались вместе. Жили в одной комнате, ходили вместе в школу, играли в одном оркестре, каждый по мере своих способностей. Самым способным к музыке был Абрам Раппопорт. Он хорошо играл на кларнете.

Они все время старались быть вместе, но жизнь как назло их раскидала по разным городам, хотя они потом и ездили друг к другу в гости, встречались в родной Дзержинке.

Получив паспорта, друзья в первую очередь женились на дочерях вольнонаемных сотрудниц и жили теперь уже каждый в своей комнатке, но все равно в одном бараке на Стройгородке. Там было 22 семьи и всего один туалет, но никто не обращал внимания на такие «мелочи». Все были счастливы. Все три друга стали выдающимися личностями.

Алексей Новосельцев был на фронте, вернулся — вся грудь в орденах, а потом уехал жить в Сухуми. Юг, пальмы, море были мечтой беспризорного детства. У него родились замечательные сын и дочь.

Виктор Пузаков женился на Тоне Макаровой и был приглашен в Киев работать директором фабрики электроприборов. А вот его сын Юрий окончил балетную школу и всю свою жизнь работал балетмейстером в театре оперы и балета им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко в Москве.

Абрам Раппопорт женился на Ольге Красовской, которая получила в приданое одну ложку и железную кровать. В самом начале войны Раппопорт заболел туберкулезом и маленькой семье дали комнату в новом доме на ул. Бондарева, 21 (тогда в Клубном переулке). Ольга Красовская работала во время войны на заводе и получала молоко, которое обменивала на сливочное масло, тем и спасала мужа от страшной болезни.

После войны Пузаков и Новосельцев приезжали в пос. Дзержинского к другу. К этому времени Абрам был членом правления клуба, а потом стал его директором. Они, коммунары, сажали всем в городе известные лиственницы возле клуба.

Потом Абрама Борисовича Раппопорта по партийной линии перевели на завод силикатных изделий, следом на «Белую дачу», позднее он стал директором кинотеатра в Люблино.

Вот так из босяков-мальчишек выросли настоящие люди страны Советов.

Духовой оркестр трудкоммуны № 2 ОГПУ им. Дзержинского

Александр Сахнов
Из рукописи «Коммуна». 2002 г.

«Работники НКВД ставили в пример Алексея Чекмазова. В прошлом у него судимости за бандитизм, 15 лет тюрем и лагерей, побеги, дважды зачитывали ему приговор о высшей мере наказания, 6 лет он сидел в сумасшедшем доме, симулируя помешательство, а в Угреше стал директором музыкальной фабрики».

Николай Родионов
Из воспоминаний
«Трудкоммуна № 2 ОГПУ им. Дзержинского»

Мы были еще мальчишками, учились в школе. У нас был интерес к коммунарам. Суды над ними (*имеется ввиду прием в коммуны — Н.Д.*) проходили в клубе. На собрании бывало человек пятьсот, не меньше. Решали вопрос: принять или не принять человека в коммуны. Вновь прибывшие рассказывали о себе всё, как на исповеди: где они были, что делали, кого убивали, в какую квартиру забирались. Среди них были домушники, карманники, бандиты, медвежатники, шулера, которые могли любую печать, любую подпись подделать — художники своего рода были, профессионалы.

Мы, мальчишки, забирались в оркестровую яму и оттуда слушали их рассказы. Я не помню случая, чтобы собрание кого-либо не приняло в коммуны, а большое общее собрание было для поднятия престижа коммуны и для того, чтобы вступающий в нее почувствовал ответственность перед буду-

цами товарищами. Принимали всех невзирая на прошлое, чтобы дать человеку возможность выйти на другую дорогу, чтобы человек почувствовал себя нужным другим. После судов не было никаких лишних разговоров и сплетен. Даже мы, учась в школе с бывшими беспризорниками, сидели с ними в одном классе, за одной партой и не знали, чем они до того занимались. Таков был коммунарский этикет. Да мы и не чувствовали разницы: все были хорошими друзьями.

ПРИВЕТ ВЫПУСКНИКАМ!

Из газеты «Дзержинец». 29 апреля 1937 г.

Три кандидата

Жизнь у этих людей такая же как у большинства из нас. Различные причины привели их на улицу... и как результат этого — кража, тюрьма, лагеря. Считанные дни, проведенные на воле, дни пьяного разгула и опять горькое похмелье, опять лагеря и...

Так вот шла жизнь и Дмитрия Шмарыгина. В 1918 году 16-летним мальчишкой ушел он из деревни. Ушел в поисках работы, в поисках какого-то счастья в Москву и... завертелся в потоке легкой добычи и тяжелой расплаты. Из деревенского мальчишки «вырос» специалист-домушник, завсегда в тюрьмах, в которых осталось 8 лет его жизни. В Москве рос его сын, совсем не знавший отца...

Жить дальше так нельзя. Это понял Дмитрий, отбывая последнее наказание в исправительных лагерях. И ранней весной 1934 года, освободившись из лагерей, Дмитрий едет в коммуны со жгучим желанием честно искупить свои ошибки, смыть с себя трудом позорное пятно вора. В этом он дал слово на приемочной комиссии, и был, как исключение, принят в коммуну.

С первых дней жизни в коммуне Дмитрий — один из лучших стахановцев-маляров завода «Спартак» и вместе с этим хороший общественник, организатор цеха, председатель производственной комиссии. В марте этого года Дмитрия командировали на канал Волга-Москва для установки щитов. Это почетное задание он выполнил даже с честью, полностью оправдывая оказанное ему доверие. Дмитрию Шмарыгину 35 лет; о прошлой жизни он не любит вспоминать. Начало своей жизни он считает только со дня прибытия в коммуну.

Сейчас, получая выпуск, Дмитрий становится полноправным гражданином нашего Союза. Три года, прожитые им в коммуне без замечаний, служат хорошей гарантией в том, что Дмитрий не запачкает почетного звания выпускника.

В 1930 году семнадцатилетний Орлов Николай был выслан на 3 года в Соловецкие лагеря за ряд совершенных им краж.

На уроке. 1934 г.

27 июня 1931 года Орлов был взят из лагерей в коммуну, а через два месяца уезжает самовольно в Москву и прогуливает три дня.

Долго говорил с ним руководитель, разбирали этот поступок на конфликтной комиссии, указали на недостойное для коммунара поведение... Прошло несколько лет, и 17-летний мальчишка из человека без специальности вырос в хорошего специалиста-токаря, неплохого товарища и вполне понятно, что выдвижение его на должность мастера слесарно-механического цеха было принято единогласно.

С первых дней прибытия в коммуну Леша Волков один из лучших коммунаров-общественников. Придя на завод в январе 1934 года работать учеником слесаря, он добился того, что был выдвинут на должность мастера щитового цеха, а затем откомандирован на канал Волга-Москва бригадиром по сборке щитов.

В память годовщины со дня смерти Феликса Эдмундовича Дзержинского Леша Волков был представлен к выпуску, и только потому, что для получения выпуска не хватало несколько месяцев, Леша не попал в число выпускников-дзержинцев.

Это только три человека из всех наших выпускников. Это три возвращенных к жизни человека, перед которыми широко открыта дорога в светлое будущее. Из бывших уголовников, бывших преступников выросли благодаря заботе партии честные люди, готовые в любую минуту встать на защиту нашей великой родины.

Прошлое и настоящее

*П.Н. Козлов.
1938 г.*

Меня зовут Петром Никитичем Козловым только два с половиной года, а 66 лет меня звали Петькой-Козлом.

Два с половиной года назад вместе с полным именем, отчеством и фамилией я обрел новую, радостную и счастливую жизнь. У меня за плечами 50 лет воровского стажа. Много совершено преступлений против частной и социалистической собственности. Десятки лет сиденья по тюрьмам и лагерям, годы пьяной, разгульной жизни у меня за плечами. Полвека я не думал и не мог думать о том, что когда-нибудь буду честным тружеником и полезным человеком общества.

Два с половиной года назад я пришел в коммуны, не веря в то, что меня могут взять. Меня приняли, за меня поручились знавшие меня в течение многих лет коммунары Чекумазов и Ермаков.

Привычки, владевшие мной в течение многих десятков лет, еще крепко держали меня в своей власти и сбросить этот тяжкий груз, накопленный в течение полувека, оказалось не так легко.

Уже в первые месяцы своего пребывания в коммуне я совершил правонарушение. Никогда в моей жизни я не переживал таких угрызений совести, никогда не испытывал такого стыда и раскаяния.

До сих пор я не могу забыть совершенного мной проступка, несмотря на то, что я пролил много горьких слез и много пережил. Но я надеюсь, что этот урок был уроком для меня на всю мою жизнь.

И сейчас, когда я вспоминаю все свое прошлое и сравниваю его с моим настоящим, мне становится так легко на душе, что это чувство трудно передать. Спасибо партии и великому Сталину за возвращенную мне жизнь.

П.Н. Козлов

Мои специальности

Летом я бежал из Вятской исправительно-трудовой колонии. Ехал в Москву с самыми смелыми планами и радужными надеждами. Однако планы осуществить не удалось, по причинам, как говорится, от меня не зависящим. Короче говоря, я через несколько дней после приезда очутился в тюремном отделении МОУРа. Зимой меня взяли в коммуны.

Это было в 1933 году.

Сейчас я получаю выпуск. Нельзя сказать, что новая жизнь мне далась сразу и легко, что путь, пройденный за эти три с половиной года, был прямым и ровным. Первое время я спотыкался часто и много: старые, воспитанные годами привычки, давали себя знать.

Несколько лет назад в Таганском домзаке я учился работать на токарном станке. Тогда я, конечно, не думал, что токарный станок сыграет в моей жизни такую большую роль.

В те времена в силу моей «основной профессии» я занимался преимущественно «слесарным делом»: вскрывал замки и затворы.

Сейчас эта «специальность» забыта и мне больше не нужна. В коммуне я стал квалифицированным токарем и выдвинут на работу плановиком механического цеха ЭРЗа.

Теперь у меня много планов, надежд и твердая уверенность в том, что эти планы осуществляются.

Андрей Васильев

Большая честь

В 1933 году, освободившись из лагеря, я пришел в коммуну. Последние 2 года я работаю в охране коммуны. За добросовестное и внимательное отношение к работе выдвинут на должность дежурного коменданта.

Мне, бывшему правонарушителю, неоднократно судимому за хищение чужой собственности, сейчас доверена охрана имущества коммуны и ее жителей.

Это большая честь для меня, и я стараюсь оправдать оказанное мне доверие. На территории коммуны мною были задержаны несколько человек, бежавших из лагеря, у одного из задержанных отобран револьвер с боевыми патронами.

Сейчас, получая выпуск, я могу с уверенностью заявить, что с прошлым покончено навсегда, что все свои силы и энергию я готов отдать на борьбу с преступным миром.

Сергей Сохин

Стихи коммунара Николая Аристархова

Детство такое,
не как у всех —
«хорошее» детство — очень...
До сих пор
в сердце засел
кусочек
одной ночи.
Эта ночь
прошла без сна.
Первая ночь
бездомного.
Как и сейчас,
была весна.
Солнечная,
но... темная.
Годы шли,
летели дни,
все как один
печальные.
Сердце —
как камень,
как ледник,
жизнью
вконец измочалено.
Так вот
и жил:
вино... тюрьма,
воля... карты,
и... снова
как результат
опять тюрьма
была всей жизни основой.

Сейчас у меня
другая весна.
Весна,
посвященная Маю.
Я больше не вор,
я гражданин,
я в ногу
с страной шагаю.
Моя страна
мне дорога.
И если
будет надо,
я, как
сотни других,
пойду на врага,
уничтожу его,
как гада.
Надо мной сейчас
самолетов лёт,
впереди —
знамен шелк...
Я вот так же,
как этот отважный пилот,
беспредельное
счастье нашел.
Моя страна,
как мать тепла...
У меня впереди весна,
у меня впереди дорога светла,
широка
и радостна.

Не будем говорить о художественных достоинствах стихотворения, главное, что оно не дает возможности сомневаться в искренности автора. В нем сосредоточена вся тема нашей книги: обездоленность голодного беспризорника и радость коммунара, ставшего нужным своим воспитателям, своим товарищам, своей стране.

Кто они, эти «романтики», сумевшие за короткий срок дать «путевку в жизнь» многим тысячам людей? Кто они, воспитавшие из чумазных сквернословящих ребят квалифицированных рабочих, ученых, художников, известных артистов, прекрасных учителей и врачей? — Н.Д.

Лилия Гаврилова

кандидат технических наук

Справка о трудкоммуне № 2 НКВД. 06.04.2009 г.

Е.П. Смелянский

Организацию трудовых коммун Ф.Э. Дзержинский поручил чекисту Матвею Самойловичу Погребинскому. По задумке организаторов в коммунах в отличие от детских домов дети должны были трудиться и обеспечивать всем необходимым себя сами. Здесь не должно быть колючей проволоки и тюремных надзирателей. Под руководством опытных педагогов и трудовых наставников малолетние преступники должны были жить, учиться, работать в коммуне и овладевать специальностью. Первым начальником трудкоммуны № 2 был назначен Федор Григорьевич Мелихов, бывший заведующий детской колонии имени Розы Люксембург в Москве, педагог старой школы; он занимался организацией перевозки детей. Мелихов был влюблен в свое дело. Вместе с врачом С.П. Богословским и

М.С. Погребинским они прибыли из Болшево, где были организаторами коммуны. Заместителем заведующего трудкоммуны № 2 по воспитательной работе был Ефим Павлович Смелянский, тоже переведенный из Болшевской коммуны. Заместителем по технической части был инженер-полковник Тимофей Николаевич Архипов. В его ведении находилась профессиональная подготовка технических кадров, производственное обучение. По воспоминаниям современников, его отличали строгость и простота в обращении. Производителем строительных работ был Яков Терентьевич Жук. Под его руководством в начале тридцатых годов развернулось широкое строительство: были построены баня, детские ясли, общежитие на 316 квартир, здание управления коммунной, большой клуб. В 1929 году пост управляющего коммунной занимает Павел Степанович Перепелкин, бывший работник хозяйственного отдела ОГПУ. Старшим воспитателем стал А.Н. Червенцов. Организацией спортивной работы ведал Н.В. Ерарский. При его активном участии расцветает сектор физкультуры. Ему удалось сплотить вокруг себя любителей футбола и развить такие виды спорта как хоккей, волейбол, теннис, бокс, спортивная гимнастика. Работали также секции стрелковая и планерная. Особое место в коммуне принадлежало изостудии которой руководил талантливый ученик И.Е. Репина известный художник Анкита Петрович Хотулев, организовавший ее в 1926 году. Коммунары — воспитанники А.П. Хотулева — Н.Н. Горлов, В.С. Сорокин, Ф.А. Ступников — стали членами Союза художников СССР. Ответственным секретарем газеты «Дзержинец» в 1937–1939 годах работал поэт Ярослав Смеляков.

Надо сказать, что многие из этих воспитателей сами не имели высшего образования, но хорошо усвоили «коммунарскую методику» преподавания, основанную на труде. Все созданные коммуны использовали педагогическую и дисциплинарную методики А.С. Макаренко, по которым он работал в трудкоммуне им. Дзержинского в г. Харькове.

Однако коммуны не были точными копиями одна другой. Методики А.С. Макаренко — лишь идеальные схемы, следуя которым должны были развиваться коммуны. И они развивались, неизбежно имея что-то общее и то, что отличало одну от другой. Тем и интересен опыт каждой из них. — Н.Д.

Тихомиров

Статья в газете «Дзержинец» от 1 мая 1938 г.

В школу ФЗУ завода «Р-4» было отобрано 75 чел. Большинство из них является нарушителями трудовой и общественной дисциплины, оставшимися после укомплектования школ ФЗУ других предприятий.

Первым делом было собрано общее собрание, на котором ребятам объяснили, какую пользу им даст обучение. На производстве и в школе ребят разбили на три группы: бригада монтажников, арматурная и ремонтников. И сразу же пошло «столпотворение». Ребята стали прогуливать и по предприятиям, и по школе. Пришлось серьезно призадуматься нашему молодому активу, состоявшему всего лишь из 6 человек, над вопросом, как наладить дисциплину.

Нарушителей трудовой и общественной дисциплины вызывали, беседовали с ними, доказывали, что это нехорошо, некоторых направляли в штрафную комнату. Мы не давали ребятам забывать о том, что мы следим за ними повседневно. В конце-концов упрямство их было сломлено: сократились прогулы по производству и нарушения в быту. Многие ребята поняли, что учиться надо и без дисциплины жить нельзя. Но некоторые закоренелые организаторы нарушений, воровства, хулиганства и пьянок (Татарченко, Юшкевич, Ильинов, Решетников, Кувиков, Шиндин, Верхов, Шевернев, Хоменко, Ивановы и Юра Пряничков) хорошему влиянию поддавались с трудом.

Были и другого рода нарушители, которые хотя и выходили на работу, так как активисты заставили их подчиниться общественности, но на производстве они лодырничали и даже симулировали. К этой группе относятся Глушко, Понамарев, Шаранин, Дичков, Богуславский и другие. Остальные ребята вскоре поняли, что дальше жить в коммуне так нельзя, бросили свое безобразное поведение, принялись за работу и учебу, стали осваивать свое дело и идут быстрыми шагами вперед по освоению своих квалификаций.

К таким относится Кузнецов, который работает на «хорошо». Мальчик он развитой, грамотный, но имеет очень нехорошую привычку: защищать тех ребят, которые совершают кражи, прогулы, хулиганят.

Лучшими нашими отличниками производства и быта являются: Хоменко, Кирдяшин, Лукичев, Дрожжин, Тешков и Казаков.

Хороших ребят теперь уже много, а с некоторыми потерявшими почву из-под своих ног подростками пришлось распрощаться. Татарченко, Кувилов, Верхов, Юшкевич отправлены в детскую колонию. Некоторые, боясь ответственности за свои проступки, ушли из коммуны, а остальные превращаются в бодрых ребят.

Ребята должны понять, что для них мы желаем только одного хорошего. Пройдет время, и из этих нарушителей трудовой и общественной дисциплины, при помощи общественности, выйдут прекрасные производственники, которых коммуна передаст в семью рабочего класса.

Руководитель «Р-4» Тихомиров

Павел Железнов

Из стихов, опубликованных в газете «Коммунар»

Биографическая справка. Железнов Павел Ильич (1907–1987) — поэт, переводчик, бывший беспризорник, воспитанник Большевской трудовой коммуны № 1. Печататься начал в 1928 г., большую помощь ему оказали М. Горький и Э. Багрицкий. Выпустил в свет сборники стихов и поэм «От пера к перу» (1931), «Песня о молодости» (1955), «Доверие» (1960), «Эстафета отваги» (1973), «Молодости верен» (1976), «Избранное» (1978), «Как много пройдено дорог» (1982) и другие. Автор книги воспоминаний «Наставники и друзья» (1982); переводил стихи поэтов братских республик, писал оперные либретто.

Моя жизнь

Я тихой пристани не знал,
не знал спокойного приюта.
Как буйный вихрь, была грозна
любая дней моих минута.
Нужды тугая бечева
меня опутывала крепко,
и не под кровлей ночевал,
а на дворе, под рваной кепкой.
Везде встречал вражду и злость,
ловил презрительные взгляды.
Обглодан, как собакой кость,
бездомной жизнью без пощады.
Как хищный зверь остервенев,
она рвала меня клыками,
путь перечеркивала мне
решетками тюремных камер.

На воле — общества отброс —
я ненавидел всех прохожих.
Посмотришь: злота, как мороз,
вдруг продерет ножом по коже.
Я только пару юных рук
мог понести продать на рынок.
А улица, смеясь вокруг,
дразнила роскошью в витринах...
Но не поддался, не пропал.
Покинул городское «дно» я.
Иная, светлая тропа
забрехала передо мною.
Я не виню ни в чем «судьбу»,
не прикрываю громким словом
ночлежек грязь, тюрьмы сумбур
и в детстве — корки по столовым...
Что толку на судьбу роптать?
Блатная жизнь украдала годы,
но их сумею наверстать
и докажу, на что я годен!..

Павел Железнов

Из журнала «Огонек», 1974, № 34 (август)

Чекистам—педагогам

Давным—давно призвал друзей Дзержинский
Всем бедам и невзгодам вопреки
Спасать ребят от беспризорной жизни,
Как тонущих спасают из реки.
А нас тогда тонули миллионы,
И надо было доставать со дна
Подростков, нарушающих законы,
На клички променявших имена.
Кто нам помог, ни в чем не упрекая,
Зажег у нас в душе огонь живой?
Чекисты — люди с чистыми руками,
Горячим сердцем, холодной головой.
И по каким бы мы ни шли дорогам,
Какую б ни набрали высоту,
Спасибо им, чекистам—педагогам,
За справедливость, чуткость, доброту.

**ТРИ «КИТА» КОММУНЫ:
ТРУД И УЧЁБА,
КУЛЬТУРА,
СПОРТ**

ТРУД И УЧЁБА

Организационный период в коммуне начался значительно раньше февраля 1928 года. Еще в начале 20-х годов произошла экспроприация монастырского имущества в пользу Детской колонии Наркомфина. Существует хранящийся в ЦГАМО документ «Об оценке строений сельско-хозяйственного инвентаря и имущества находящихся во владении Николо-Угрешского Монастыря, Ухтомской волости Московского у. переданного в пользование Детской Колонии Наркомфина и Трудовой Общины Монахов»

Постройки, имущество и инвентарь переданные колонии

1. Летняя гостиница РИМ	2 эт.	4	<i>При определении построек принимается 5-балльная система. Беря в основу новую постройку с баллом 5.</i>
2. ПАРИЖ	1 эт.	3	
3. Средняя	2 эт.	4	
4. Зимняя гостиница Лондон	2 эт.	4	
5. Сдание больницы	2 эт.	4	
6. быв. Повсед. Трапез.	2 эт.	4	
7. Богадельни	2 эт.	4	
8. Кавказ	2 эт.	4	
9. пом. келей	2 эт.	4	
10. летние на кон. Дворе	2 эт.	4	
11. бани	2 эт.	3 1/2	
12. быв. Просфорни	1 эт.	4	
13. Странно-приемн. дома	2 эт.	4	
14. училища дерев.	2 эт.	3	
15. быв. квасной	1 эт.	4	
16. Сарайчики при дворе гостин.	1 эт.	3	
17. Скотный двор со всеми прилегающими постройками	2 эт.	3 1/2	

Инвентарь

18. Линейка	1 шт.	50%	– 150 р.
19. Тарантас	1	нег.	
20. Карета	1	80%	– 300 р.
21. Пролетка на рез. ходу	1	50%	– 250 р.
22. Телеги	2	30%	– 50 р.
23. Крытая парная пролетка	1	50%	– 100 р.
24. Дрезины под линейк.	2	30%	– 25 р.
25. Веялка кустарн.	1	50%	– 25 р.
26. Саней легких	2	30%	– 100 р.
27. Плугов	2	10%	– 15 р.
28. Плугов	2	50%	– 15 р.

нии Николо-Угренского Манастиря Ухтомской волости Московского у. 70
 еданногт в пользование Детской Колонии Наркомфина и Трудовой
 ы Монахов.

 Постройки, имущество и инвентарь переданные Колонии.

Летняя гостинница РИМ	2 эт.	4	<i>При определении площади</i>
" " " " ПАРИЖ	1 эт.	3 1/2	<i>как 3-х комнатной</i>
" " " " Средняя	2 эт.	4	<i>летней-балконной</i>
Зимняя гостинница Лондон	2 эт.	4	<i>с лестницей в сад</i>
Сдание больницы	2 эт.	4	<i>весьма-качественная</i>
" быв. Повсед. Трапез.	2 эт.	4	<i>сидячей к. в бани</i>
" " Богадельни	2 эт.	4	
" Кавказ	2 эт.	4	
" пом. келей	2 эт.	4	
" летние на кон. дворе	2 эт.	4	
" бани	2 эт.	3 1/2	
" быв. профессори	1 эт.	4	
" старинно-п. кам. к. 2 эт.	2 эт.	4	

Фрагмент документа о передаче имущества

Имущество

29. Кроватей жел.	208	75%	- 3 р.
30. дер.	8	нег.	
31. Матрацев пружин.	6	65%	- 3 р.
32. мочальн.	50	75%	- 75 к.
33. Одеял ватных	5	рваные	
34. байковых	4	75%	- 1 р. 50 к.
35. Кровать никелиров.	1	100%	- 25 р.
36. Подушек	55 шт.	75%	- 1 руб.
37. Самоваров медных	5 шт.	75%	- 5 руб.
38. Зеркалов	40 шт.	75%	- 50 к.
39. Шкафов платяных	5	75%	- 5 р.
40. Шкафов посудных	26 шт.	75%	- 1 р. 50 к.
41. Комодов	10	75%	- 4 р.
42. Этажерок	28	75%	- 1 р.
43. Кушеток мягких	2	75%	- 25 р.
44. Диванов мягких	18	75%	- 15 р.
45. Диванов деревян.	208	75%	- 3 р.
46. Кресел мягк.	55	75%	- 6 р.
47. Стульев мягких	90	75%	- 3 р.

48. Стульев венских	27	75%	– 75 к.
49. Стульев деревянных	200	75%	– 1 р.
50. Табуреток	155	75%	– 30 к.
51. Столов ломберных	46	75%	– 10 р.
52. Столов с шкапами	38	75%	– 1 р. 50 к.
53. Столов простых	288	75%	– 50 р.
53. Столов длинных	28	75%	– 3 р.
54. Умывальников	17	75%	– 5 р.
55. Парт	20	75%	– лом.
56. Кадок дерев.	20	75%	– 1 р. 50 к.
57. Медных горшков	2	75%	– 3 р.

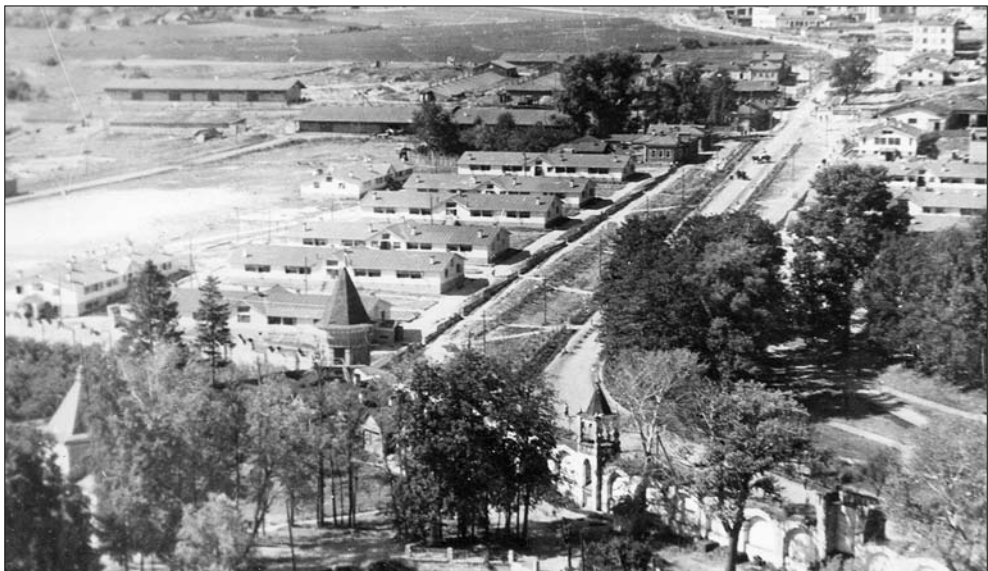
Кроме того, из живого инвентаря имеется 1 лошадь и 1 корова.

Александр Сахнов
Из рукописи «Коммуна» 2002 г.

С завершением организационного (звенигородского) периода, в коммуны, созданную на Угреше, стали перевозить имущество коммунаров. Облегченно вздохнули воспитатели после больших мытарств в стесненных условиях Саввино-Сторожевского монастыря.

С 1919 года прошло немало лет и народу прибавилось немало, нужно было думать об обеспечении коммунаров самым необходимым.

Сразу же заработали слесарная, столярная мастерские, фабрика по производству обуви, мастерская мелкой статуарной пластики из гипса (на продажу). Коммунары своими руками создавали все необходимое для своей жизни в монастыре: кровати, табуретки, тумбочки, столы...

Вид с колокольни Николо-Угрешского монастыря на поселок трудкоммуны. 1930 г.

Журнал «СССР на стройке» в № 4 за 1934 год в передовице отмечал: «Вторая трудовая коммуна ОГПУ расположена недалеко от Москвы в стенах бывшего Николо-Угрешского монастыря, построенного в XVI веке. Вокруг монастырских стен теперь шумит промышленный город. В нем 4 предприятия: фабрика музыкальных инструментов, инкубаторный, электроремонтный и фибролитовый заводы».

<...>

Скорее всего, летом 1929 или 1930 года в Угрешскую трудкоммуну приехали корреспонденты журнала «Радиослушатель». Промышленное и жилищное строительство там только набирало темпы. Они обратили внимание на общежития коммунаров. «Оказывается, — подчеркивал один из корреспондентов, — в каждой комнате другие обои или окраска, обои выбираются по вкусу живущих здесь. Нередко в комнате можно увидеть со вкусом сделанные этажерки с книгами, всякие украшения, и довольно часто — радиоприемники.

В коммуне 50 детекторных приемников. Имеется большая клубная установка, а у главного инициатора радиофикации — Серова — есть еще пятиламповый приемник. Радиофицирован и «парк культуры и отдыха» — так коммунары называют свои действительно прекрасно разделанные цветники с гладкими дорожками и аккуратно расставленными скамейками».

Механик Витька с приятелем Женькой отлаживали моторную лодку и не без гордости сообщили журналисту, что они сняли с собора тяжелые медные кресты и медные купола «в порядке общественной нагрузки» и что им это дало несколько десятков пудов меди. Несомненно, все это делалось с согласия руководителей трудкоммуны и не без поддержки сверху...»

Заметим, что Николо-Угрешский монастырь, на территории которого расположилась коммуна, целенаправленно разрушался, несмотря на то что в 1918 году А.В. Луначарский подписал указ о бережном отношении и сохранности памятников истории культуры. Несомненно, в ОГПУ знали об этом указе, который, кстати сказать, с тех пор никем не отменен, однако с приходом новой идеологии пришла и другая «религия». В счастливое социалистическое будущее верили так же свято, как несколько лет назад в православные святыни, которые новое поколение с упоением безнаказанно разрушало. Впрочем, население коммуны было разным. Известно, что в коммуне были дети дворян и аристократов. Подростки, юноши и девушки, успевшие получить еще до революции прекрасное воспитание, не могли не переживать крушение старой веры, но в их душах жил страх. Постепенно они сливались с общей коммунарской массой, до конца не принимая, но и не отрицая идеалов нового времени. К таким людям относились Людмила, Ирина, Татьяна и Николай Гундыревы, чья мама была дворянкой, будущая актриса театра имени Ермоловой Эда Урусова и многие другие. Надо сказать, что они не держались особняком, они приняли писанные и неписанные законы коммуны. — Н.Д.

Уже через год после начала функционирования второй коммуны был сделан большой скачок от полукустарного производства к стройной системе производства, вплоть до внедрения конвейеров, в частности при изготовлении обуви, музыкальных инструментов, инкубаторов и брудеров.

Инкубаторный завод стал одним из крупнейших индустриально-промышленных предприятий страны, более известным под названием «Спартак». На это предприятие, выпускавшее и много другой продукции поступили свои коммунарские кадры из слесарной и столярной мастерских. Мастерские, в свою очередь, не стали пустовать; и там разместилась музыкальная фабрика.

Важным моментом в истории угрешской коммуны было строительство электроремонтного завода на Поклонной горе. Этот завод «переселился» из Москвы и в 1931 году уже функционировал на Угреше. Завод требовал от коммунаров высокой квалификации и глубоких знаний. Одним из весьма важных моментов было объединение молодых и «незапятнанных» рабочих со стажем, прибывших из Москвы, с коммунарами. Руководители угрешской коммуны сознавали, что со строительством этого завода создавалась благоприятная база для предприятия нового типа — втуза. За студентами дело не стало: ими стали многие рабочие предприятия.

Вечернее высшее учебное заведение на Угреше разместили в Преображенском соборе. Правда, его пришлось изрядно перестроить. На четвертом этаже северного центрального портала гордо засияли буквы «ВТУЗ». В 1934 году в этом высшем учебном заведении обучалось 150 коммунаров. По окончании втуза они должны были стать инженерами-электриками и специалистами по холодной обработке металлов. Угрешский электроремонтный завод с каждым днем усложнял выпускаемую продукцию. С московского завода «Динамо» было передано производство электрокаров, а с «Электросилы» — распределительных щитов.

Электроремонтный завод трудкоммуны выполнял почетные заказы. Здесь изготовлялись распределительные щиты для строящегося московского метро, для Туркстроя и многих электростанций. Со складов завода отгружались во все концы страны электронаждачные настольные сверлильные станки, разнообразные приборы, множество моторов и другой продукции. Естественно, многие коммунары не имели необходимой базы

У бывшего собора. 1932 г.

для обучения во втузе, и для них были организованы два курса подготовительного отделения.

Наряду с музыкальной фабрикой в Угреше возникает еще одна — фабрика-кухня, также в Преображенском соборе. Огромная армия коммунаров получала высококачественное питание, на что обращали внимание многочисленные гости коммуны. Сама фабрика разместилась в обширных подвальных помещениях, а выше — столовая.

Особо важное значение для строительства коммуны имели построенные заводы: фибролитовый и силикатного кирпича. Недостаток жилья был всегда ощутим и возведение фибролитового завода стало своеобразной палочкой-выручалочкой.

Фибролит был новым строительным материалом, который получали в результате прессовки под большим давлением деревянной стружки, смешанной с магнезитом — цементом. В результате получались большие, легкие строительные плиты, хорошо сохраняющие тепло. Дома и бараки, выстроенные из этого материала, предполагалось эксплуатировать около 15 лет. Но эти постройки стоят и по сей день.

В 1928 году трудкоммуну № 2 ОГПУ посетили Алексей Максимович Горький и известный в то время журналист Михаил Кольцов (Фридлянд). Вскоре Кольцов написал очерк «В монастыре», который и поныне присутствует в хрестоматиях для обучающихся журналистике.

А.М. Горький и М. Кольцов в гостях у коммунаров. 1928 г.

В МОНАСТЫРЕ

Повелись эти мощные крепостные стены еще от Дмитрия Донского. Возвратясь после Куликовской битвы домой, великий князь всея Руси заложил здесь, в пятнадцати верстах от Москвы, Николо-Угрешский монастырь как памятник и как подарок богу за победу над татарской ордой. Других видов капитального строительства в то время не имелось, зато обители божьи строились так основательно, как нашим жилстроительным кооперативам и не мечтать.

Николо-Угрешский возвышается среди полей и рощиц высоким неприступным каменным утесом. Он устроен как обособленный укрепленный военный форт. Здесь монахи могли выдерживать и выдерживали месячные осады, угощая неприятеля с высоты стен расплавленным свинцом и кипящей смолой.

Монастырь молча и без больших потрясений дряхлел. Зимой тысяча девятьсот двадцать восьмого года завладела им полуторатысячная орда. Правда, не татарская, но не менее шумная, никак не менее воинственная, чем боевые полчища Мамай и Тохтамыш.

Мы осторожно подбираемся к монастырю, но нынешних хозяев нелегко застать врасплох. Над широко раскрытыми воротами Николо-Угрешского пощелкает алый лоскут: «Привет нашему другу Максиму Горькому».

Адресат приветствия огорчен и даже раздражен. Ему приелись парадные встречи, мешающие разглядеть жизнь в обычном, невзболтанном виде. Он беспокойно прицелкивает пальцами и ругается:

— Ну, на кой черт это нужно? Ну, на кой черт! Неужели же без этого нельзя? На кой?

Несколько десятков пар ног с предельной скоростью мчатся к гостям. Несколько десятков пар рук начинают свое оглушительное дело. Горький ликвидирует парад на корню:

— Что, у вас руки казенные, что ли? Бросьте, ребята, эту суетню.

Лед торжественности разодран в куски. Алексею Максимычу деловито представляют последнюю николо-угрешскую достопримечательность — Леньку.

Ему десять лет, а он уже не перечесть сколько раз за решетку попадал, всю Россию на буфере извездил, чуть ли не Госбанк обворовывал, отсюда из коммуны два раза бегал. Когда ему уж совсем скучно, очень любитель всякие памятники с места сворачивать, кресты с могил упирать.

Горький озабоченно упрашивает Леньку:

— Там, в Москве, на Красной площади, есть памятник Минину и Пожарскому. Так ты уж, пожалуйста, его оставь на месте. Ладно?

Хитрый Ленька насупился и побагровел, в натуге своего десятилетнего мозга избирая способ поддержания разговора. Этих способов беспризорная практика знает только два: нахально-задирающий и жалобно-несчастный. Ленька понимает, что оба тона сейчас не к месту. Он еще больше багровеет и совсем безыскуственно огрызается:

Коммунары работают в столярной мастерской. 1928 г.

— Сказал же, больше из коммуны бегать не буду. Слово же я дал, чего ж старое поминать! Что, я слова не давал, что ли?

Ленька убежал, толпа быстро разошлась. Здесь у каждого свое место, свои обязанности, болтаться в рабочие часы больше нескольких минут неудобно и неприятно. Орда, занявшая каменные громады Николо-Угрешского монастыря, работает как на заправской фабрике, где производительность труда не нуждается в агитационных кампаниях.

В старых стенах прорублены широкие светлые окна. Сюда вторглись солнечные снопы, лязг и свист металла, гудение моторов, скороговорка ручных молотков.

В кузнице, у красных наковален, сосредоточив глаза и мускулы, размахивают тяжелым железом молодые парни. Вот у этого при каждом ударе все больше проступают мелкие капельки пота на открытом, честном, прирожденно трудовом лице. А сопровождающий наклоняется к нам и шепчет:

— Восемь судимостей! Одно убийство! Несколько вооруженных налетов. А теперь смотрите, как из него все это выходит! Молот — хороший педагог, не хуже, чем иные профессора!

Да, здесь кишат яркие биографии. Здесь не буржуазные школьники на летних упражнениях. Здесь пристань маленьких, но бывалых и смятых ураганами жизненных кораблей. Писатель Гектор Мало прославился на сто лет романом «Без семьи» из жизни ребенка-сироты. Сколько сюжетов, жестоких и трогательных, фантастических и притом безусловно правдивых,

содержат жизнеописания тысячи членов этой неслыханной республики здесь, в Николо-Угрешском монастыре!

Полтора года назад мы рассказывали в «Правде» («Дети смеются») о коммуне ГПУ в Болшеве, где в обстановке свободы, труда, выправленного человеческого достоинства живут и воспитываются для иной жизни бывшие юные обитатели уголовных тюрем. Тогда мы получили много недоверчивых откликов и в том числе несколько даже с примесью обиды: как это можно расписывать, да еще печатью, такие невероятные вещи, как это может существовать подобное сверхъестественное учреждение, да еще попечением такого неласкового учреждения, как ГПУ.

С тех пор Болшевская коммуна не только ничего не потеряла в своей реальности, но еще родила дитя. Здесь, у Николы Угрешского, в присутствии такого нелицеприятного свидетеля, как Горький, мы имеем радость наблюдать вторую коммуну, тоже созданную ГПУ, в несколько раз большую, чем первая, и в несколько раз быстрее растущую на уже полученном опыте. Несколько окрепших большевских птенцов даже работают здесь инструкторами!

Те же простые и свободные порядки, та же несокрушимая дисциплина, какая бывает только при полном самоуправлении и железной круговой поруке. То же яростное упоение трудом, подмывающее перегнуть быстро мчащие станки. Все как в Болшеве, только больше, гуще и бурнее. Мы бродим по мастерским, слесарной, сапожной, столярной, и, вбивая в себя на слух деловую горячку, Горький молодым, колющим своим взглядом снует по углам, по лицам, по затылкам, по кучам стружек, по масляным пятнам на фартуках. Как он повсюду чувствует себя дома, этот мировой гражданин с грязных пустырей Канавинской слободы, одинаково желанный и почитаемый в кабинетах величайших европейских ученых и на скользком каменном паркете грязных ночлежек! Рослый парень в пекарне замешивает огромную, на двадцать пудов, квашню, и знаменитый писатель, пощупывая пальцами рыжее месиво, профессионально усмехается:

— Дельце знакомое... И техника все та же, не подвинулась вперед.

Да, мы печем хлеб еще по-старому. Но едят его уже новые люди. Разве не странно должно быть Горькому, человеку предреволюционного поколения, видеть эти сотни молодых, проворных рук, забывающих дорогу в карманы прохожих и ловко мастерающих предметы необычного вида.

— Что это вы производите?

— Железные зажимы для пинг-понга.

— А это?

— Туфли для баскетбола. Футбольные мячи. Башмаки для велосипедистов.

— И что же, хорошо они идут?

— Ого!

В стране открылись новые невиданные рынки потребления. Нужны сотни тысяч туфель для крепких ног сотен тысяч пролетарских спортсменов. Нужны вагоны мячей, штабеля шахматных досок, тысячи километров беговых дорожек. С мусорных свалок, с грязных фабричных задворков несут толпы народа поперли на стадионы. Слыханное ли дело, Россия, кислая, почечуйная, невыспавшаяся старуха, теперь, омолодившись, требует

коротких трусов, теннисных ракет, шведских коньков, разноцветных вязаных «маек». В спортивных магазинах не протолкаться, и вот тут тоже приходится зимний инвентарь заготавливать с апреля, а летний с октября.

Здесь все работают, но здесь не дом принудительных работ. В свободной трудовой республике, захватившей Николо-Угрешский монастырь, можно себя проявить не только обычным рабочим. Здесь не глушат художников, чудаков, поэтов.

Оттого так широко разрослась николо-угрешская «скульптурная студия». Широко, хотя и не больно художественно, не очень педагогично. Держа курс на обязательный повсюду «хозрасчет», ребята без конца раскрашивают линючих гипсовых кошечек и зловещих настенных девиц с фиолетовыми гроздьями винограда. Впрочем, тут лепят и «для души», изваяли даже лихо всклоченного молодого Максима в косоворотке, с огромной, похожей на гусли чернильницей на коленях.

Как вежливый гость, Горький сдержанно одобряет свое изображение. Измазанный красками малыш дает точную информацию об авторе:

— Это пьяница лепил.

Горький заговорщически делится своими сведениями и об оригинале:

— Вот этот... которого, значит, лепили... он тоже в свое время... насчет рюмочки любил побаловаться.

Обе стороны расстанутся довольные взаимным осведомлением.

Молодого любителя птиц, ящериц и прочей зоологии в коммуне прозвали Шалапиным. Он соорудил целый зоопарк в четыре квадратных аршина и страдает общей болезнью всех подобных учреждений — нехваткой в деньгах. Он взывает о субсидии или хотя бы о помощи машинным оборудованием:

— Товарищ заведующий, ведь если бы вы сказали на кузнице для меня капканчик сделать, э-эх, что я бы вам тут развел!

Совы и сычи в клетке, услышав горестные ноты хозяина, проявляют сонное беспокойство. Удрученный Шалапин тычет им пальцем в клювы клочки мяса. Горький обещает прислать Шалапину книжек насчет зверей. Горький хлопочет за Шалапина насчет капканов. Как всегда — и сейчас Горькому приходится опекать Шалапина.

Поэзия совсем не в загоне в Николо-Угрешском монастыре. На нее не косятся, ее поощряют. Конечно, сегодня стенная газета вся посвящена знаменитому гостю. И местный поэт, приспособив для торжественного случая стихи Бориса Ковынева о Пушкине, обращается к писателю с рифмованной декларацией:

*Не шумит Садовое кольцо,
Голоса все медленнее глушатся.
И сказал я Горькому в лицо:
«Алексей Максимович, послушайте,*

*Ваша жизнь была не пир горой,
Отчего ж гремит, не умолкая,
Ваше сильное и звонкое перо,
Отчего же выправка такая?*

*У меня в груди невольный гнев.
Ты попробуй босый в эту стужу
Воспевать, четыре дня не ев,
Хоть не море, а простую лужу.*

*О, клянусь огнями фонарей,
Что бывает — лев сидит забитой клячей,
Накорми меня и обогрей,
И тогда поговорим иначе».*

*Так я и не кончил говорить
(На бульваре ветер был унылый).
Заалели кровью фонари,
Улыбнулся мне Максимыч ясно.*

*И на все обидное в ответ
Беспризорнику и жулику, как другу,
Алексей Максимович, поэт,
Протянул мне дружескую руку.*

...Торжественная встреча почетного гостя была сорвана им самим. Николо-угрешские коммунары возместили себя торжественными проводами. Длились проводы только четверть часа, но вышло совсем как у людей, даже адрес прочли и музыка играла.

Совсем как у людей. Можно ли представить себе, не видев воочию, этот огромный, в пять этажей вышиною, гулкий сводчатый колодезь пышного собора, размалеванный снизу доверху аляповатой церковной живописью, и дощатую эстраду перед алтарем? И духовой оркестр на эстраде! И застрявшие на подмостках после спектакля декорации, и картонный гроб с надписью «капитал», и бутафорский мусорный ящик с надписью «спальня беспризорного»!

И партер из скамеек посреди собора, и тысячу лиц, полудетских, но осмысленных, тронутых страданиями и голодом, нищетой, овечьими скитаниями, опасностями, бодрых и гордых возвращением к честной жизни.

И преображенное волнением лицо мальчика, читающего им самим написанное обращение к знаменитому писателю, поднявшемуся со дна.

Уже кончалось все, мы покидаем Николу Угрешского; вновь избранный почетный член коммуны, не в силах будучи сразу опомниться, то тербит усы, то хрустит пальцами:

— Нервы надо, чтобы все это здесь сразу пережить и перечувствовать...

Добавочные проводы устраивает маленький Ленька, ниспровергатель памятников. Закаленный в хитростях деляга окончательно понял, что имеет дело с безобидными и даже хорошими людьми. Он решил угостить не совсем понятного, но большого и, по всему виду, хорошего Максима своим лучшим произведением. Нагоняя нас, исполняет лучший номер, ужасно жалостную песню, которой хорошо кормился он в дачных поездах и на трамвайных остановках, — «Позабыт, позаброшен с молодых юных лет».

Солнце, буйная зелень и само Ленькино лицо, расплывшееся и радостно оскаленное, противоречит грустной песне.

*И умру я, умру я,
Похоронят меня,
И никто не узнает,
Где могилка моя.*

Трудно поверить песне Леньки. Она получается совсем неубедительной. Никакой грусти нет, скорее похоже на марш. Да и сам Ленька, позабыв первоначальный смысл того, что поет, весело марширует, размахивая рукой и поматывая головой, как лошадка.

1928

В 30-е годы в трудкоммуне № 2 ОГПУ им. Дзержинского развернулось стахановское движение. Завод «Спартак» начал принимать ответственные заказы, с которыми квалифицированно и в короткие сроки справлялся. — Н.Д.

Из газеты «Дзержинец». 1937 г.

НА «ОТЛИЧНО»

На канале установлены сделанные нами щиты

В мае прошлого года рабочие–щитовики завода «Спартак» впервые узнали о том, что им поручено строительство электрораспределительных щитов для канала Москва–Волга.

Задача почетная, но вместе с тем трудная и ответственная. Сложные приборы, которые будут управлять шлюзами, мощными насосными станциями и всей могучей техникой одного из величайших сооружений страны социализма, должны быть не только «отличными» и безотказными в работе, но и красивыми, изящными.

Инженеры, конструкторы и все рабочие цеха распределительных устройств понимали, что, выполняя этот заказ, они должны быть не только мастерами своего дела, но и художниками — творцами.

Месяцами заведующий отделом Цитрин, конструкторы Фурманов, Новопкровский, Щелканцев вместе с группой инженеров, строителей канала, бились над разрешением сложных конструктивных задач и технических условий.

Выходило так, что завод должен делать не только новые конструкции особого качества, но и по совершенно новым требованиям.

Канал требовал, чтобы все распределительные устройства делались полностью со всеми подводками, подкладками и т.д., с тем чтобы для пуска их в работу была нужна только одна простая подводка кабеля.

По таким условиям завод еще не работал никогда. Канал ждать не мог, и строители его, работая подлинно стахановскими темпами, таких же темпов требовали и от других. Сроки для изготовления первой группы щитов для одной из подстанций оказались некоторым нашим мастерам настолько жесткими, что они ударились в панику и отправились жаловаться в партком.

Здание речного вокзала на канале Москва–Волга. 1937 г.

Но на борьбу за выполнение заказов в срок и на «отлично» встала масса рабочих, во главе с лучшими кадровиками цеха.

Пришедший в цех чернорабочим и сделавшийся инструктором высоковольтников т. Богданов, мастер–монтажник коммунар т. Волков, инструктор коммунар Киселев и десятки других решили, что своевременное изготовление щитов для канала — дело их чести.

На помощь им организовал свою сквозную бригаду недавно пришедший в цех квалифицированный и инициативный Сударев, бросавший свои силы на самые трудные «аварийные» участки и исполнявший всю работу досрочно и на «отлично».

На 250 проц. и больше стал выполнять свои нормы ошиновщик Луговой. Не отставали и другие.

На ходу исправляли ошибки в схемах и чертежах. Переквалифицировались, превращаясь из монтажников в слесарей. Изобретали, рационализировали.

Трудно и тяжело вручную делать и устанавливать накладки — коммунист Кузьмичев сделал приспособление, и нормы, казавшиеся трудными, стали выполняться на 300–400 проц. Но все–таки было трудно. Не хватало людей, не было дрелей, красок, эбонита, чернил, и обрастал бородой по три дня не выходявший из цеха Дмитриев. Штурмовали. Петров, Бологов, Половинкин, Чубалдайкин и другие работали без перерывов и днем и ночью.

Людей — главное, что было нужно, прислал канал. Пришли и, как за родное, кровное дело, взялись за работу монтажники бригады Полякова — Ежов, Заботин, Лошадин и другие, в короткие сроки завоевавшие себе почетное место среди лучших рабочих цеха.

Работа пошла на лад. Даже придирчивый техконтролер Морозов, проверяя работы, должен был признать, что сделанные детали и приборы вполне достойны, чтобы служить каналу.

Первая группа щитов была выполнена в срок. Остальные досрочно. В первых числах апреля последний щит получил оценку «отлично», поступил на склад готовых изделий завода. А ведь, подумать только, если все эти щиты поставить вплотную рядом, то они будут представлять сплошную стену длиной почти в два километра.

Двухкилометровую стену из сложнейших конструкций мрамора, сотен приборов и бесчисленных переплетений проводов сделали стахановцы цеха распределительных устройств для великой водной магистрали Москва–Волга.

М.Н.

Из газеты «Дзержинец». 1940 г.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАВОДА «СПАРТАК»

Уже к 1936 году завод «Спартак» становится мощным промышленным предприятием.

Всенародный праздник Великой Октябрьской Социалистической революции коллективом рабочих, служащих, инженерно–технических работников встречен новыми производственными победами. План октября выполнен на 116,1 проц., план за 10 месяцев выполнен на 104 проц., что к годовому плану составляет 86 проц. Таким образом, готовой продукции за октябрь дано на 3 900 000 руб. Если сравнить девятимесячную работу прошлого и текущего годов, то и здесь мы имеем значительные достижения.

За девять месяцев прошлого года производственный план в денежном выражении достиг 23 566 800 руб. За девять месяцев текущего года план по выпуску готовой продукции выполнен с приростом в 3 044 000 руб. Выполнение девятимесячного производственного плана шло параллельно с освоением новых видов продукции. Освоено производство важнейших видов аппаратуры: рубильники, предохранители СПО, лампы сигнальные, кольца фронтальные. Щитов, оснащенных аппаратурой собственного производства, изготовлено на 2 157 000 руб.

Во втором полугодии коллектив освоил предохранители типа «ПР» и приступил к массовому их выпуску. В 3–м квартале разработан технический процесс на моторные распределительные ящики ЯР и ЯРП и на вентиляторы среднего давления, а в 4–м квартале приступили к выпуску.

Увеличение выпуска продукции, освоение новых видов производства сочетались с экономией рабочей силы за счет роста производительности труда. В июне этого года нормы были пересмотрены и увеличены в среднем по заводу на 43 проц., но благодаря социалистическому соревнованию и стахановскому движению уже в сентябре нормы в среднем по заводу стали перевыполняться на 58 проц.

Высокие показатели производительности труда способствовали перевыполнению программы, освоению новых видов изделий, сокращали рабочее время и улучшали организацию труда.

Таких успехов завод добился за счет непрерывного роста стахановского движения. За девять месяцев прошлой работы стахановцев насчитывалось 123 чел., а за девять месяцев работы этого года их стало 288 чел. Стахановцы тт. Карпухин, Платонов, Дьяченко, Пузикова, Тарасов, Мозжухин, Борисова, Ялтуховский, Александров, Блохин и др., выполняя две—пять норм производственного задания, пользуются особым уважением среди всего коллектива завода.

За счет экономии фонда зарплаты и накладных расходов завод добился значительного сверхпланового снижения себестоимости. В среднем по трем цехам, исключая механический цех, себестоимость продукции снижена на 12,3 проц., в то время как средняя выработка на одного рабочего достигла по механическому цеху 130,7 проц., литейному — 112,1 проц., щитовому — 116,9 проц.

Наилучших показателей в работе добился коллектив литейного цеха (начальник цеха т. Шкленник). Но это зависит от того, что цех выпускает узкий ассортимент продукции, выполняемый им в течение ряда лет без изменений.

Задача рабочих литейного цеха заключается в том, чтобы полностью освоить изготовление цилиндров для завода лодочных моторов, так как по этому виду продукции наблюдается еще значительный брак.

Неплохо справляется с работой и механический цех (начальник цеха т. Осипов). Коллектив механического цеха в течение девяти месяцев этого года занимался обработкой новых видов продукции и вынес на себе основную тяжесть по ее освоению, поэтому семипроцентное удорожание себестоимости прошло по причинам, не зависящим от цеха, в связи с изъятием изношенных штампов и приспособлений.

Хорошие показатели работы имеет и аппаратурный цех (начальник цеха т. Бобяк), обеспечивший оснащение щитов аппаратурой собственного производства и освоивший производство предохранителей ПР и моторных ящиков. К числу достижений в работе механического и аппаратурного цехов следует отнести сделанную ими работу по воспитанию и выращиванию новых кадров рабочих. Оба цеха были организованы в 1938 г., не имели достаточного количества подготовленных мастеров и рабочих и, несмотря на это, сумели вырастить ряд передовых стахановцев.

Щитовой цех (начальник т. Киняпин) имеет меньший, по сравнению с другими цехами, процент выполнения плана. Но нужно признать, что он работал не хуже других цехов: выпуск щитов значительно увеличился против прошлого года. Цех работает в более трудных условиях, чем другие цеха. Щитовому цеху приходится выполнять индивидуальные заказы, и из-за этого он не в состоянии заблаговременно создать необходимый задел продукции. Кроме того, цех имеет дело постоянно с новыми видами и типами щитов, т.е. одновременно с выпуском продукции он занимается и ее освоением. Цех освоил новый вид продукции распределительных устройств: миниатюрный пульт и светящиеся щиты, — что дает большую

экономии в металле и удобство в эксплуатации. Следует учесть и то обстоятельство, что цех выполняет ряд ответственных срочных заказов, не включенных в график, и, несмотря на все это, цех имеет высокие показатели производительности труда и снижение себестоимости.

План выпуска готовой продукции по вентиляторному цеху (начальник цеха т. Кислых) перевыполнен на 5,5 проц. Коллектив рабочих вентиляторного цеха имеет узкий ассортимент продукции, отличающийся несложным технологическим процессом, и, несмотря на это, начиная с июня месяца, цех ухудшает свою работу в связи с перебоями в снабжении и производственной неорганизованностью.

Наряду с успешной работой основных производственных цехов неплохо работали вспомогательные цехи. Отдел механика завода (главный механик завода т. Федяшев) хорошо справился с работами по капитальному и текущему ремонту заводского здания и оборудования. Кроме того, выполнил ряд ответственных заказов других предприятий комбината, одновременно выпуская контейнеры.

Инструментальный цех (начальник цеха т. Петров) сумел изготовить штампы и приспособления для аппаратуры и вновь осваиваемых видов продукции.

Успешная работа цехов обуславливалась хорошей работой технического отдела, конструкторской группы по щитам, планово-производственного отдела, отдела снабжения, бухгалтерии завода и отдела труда завода. Отдел труда (начальник Перекрестов), несмотря на неукомплектованность своего штата, провел в июне пересмотр норм и снижение расценок, а бухгалтерия завода (старшие бухгалтера Соколов и Дубман) сократила сроки сдачи отчетности, дала отчетные калькуляции на все виды изделий и обеспечила своевременное ежемесячное представление показателей работы цехов.

Достижения, которых добился завод перед Великой Октябрьской социалистической революцией, не дают никаких оснований для всего коллектива завода успокоиться на достигнутых успехах.

В 1940 г. работа завода в сравнении с 1939 г. значительно усложняется. План выпуска готовой продукции на 1940 г. увеличивается на 18,2 проц., причем рабочая сила останется в прежнем составе. Рост выработки на одного рабочего должен увеличиться на 16,8 проц. Увеличение выпуска готовой продукции должно будет пройти не за счет увеличения численности рабочей силы, а за счет дальнейшего поднятия производительности труда и максимального использования заводского оборудования.

Для того чтобы справиться с предстоящими задачами, необходимо сейчас же взяться за проведение всех мероприятий, обеспечивающих успешное выполнение плана 1940 г. По всем цехам и отделам необходимо развертывать социалистическое соревнование и стахановское движение и опыт лучших стахановцев делать достоянием всего коллектива рабочих. Одновременно надо закрепить наличные кадры завода и провести большую работу по поднятию их идейно-политического и производственно-технического уровня до уровня лучших стахановцев; более широко внедрять механизацию трудоемких процессов; путем смелого внедрения методов многостаночной работы улучшить использование оборудования, перестраивая в соответствии с этим

производственные процессы отдельных цехов; усиленно внедрять совмещение профессий и применять в производстве женский труд.

Проведение всех этих мероприятий возможно при наличии четкого, разработанного и доведенного до каждого рабочего места плана организационных мероприятий, учитывающего все возможности поднятия производительности труда и улучшения производственного процесса. Большую роль в этой работе должны сыграть инженерно-технические работники и лучшие стахановцы завода.

Для успешного выполнения предстоящих задач надо расширять сеть детских учреждений, улучшать работу фабрики-кухни. Техническое административное руководство заводом во многом может улучшиться в том случае, если завод будет иметь определенный профиль. АХУ НКВД необходимо ускорить вопрос о выделении из состава завода «Спартак» вентиляторного цеха, что является основным условием для четкой работы не только завода «Спартак», но и других предприятий. Установление правильных хозрасчетных взаимоотношений между предприятиями, как основными, так и подсобными, играет исключительно важную роль, поэтому надо все предприятия охватить системой договоров, четким контролем за своевременным и добросовестным выполнением принятых на себя обязательств.

Коллектив завода взял обязательство выполнить годовую программу к 5 декабря, и за это обязательство он борется и выполнит с честью, потому что каждый рабочий, и служащий, и инженерно-технический работник горит желанием честно и самоотверженно трудиться на своем посту.

Директор завода Качалин

Читать эту статью семидесятилетней давности, возможно, будет неинтересно, но она для нас очень важна. Да, таков был стиль докладов директоров предприятий на разных торжественных собраниях: сухой, в то же время пафосный, изобилующий стереотипами времени. Но для нас за всей этой суровой напыщенностью стоит другое: мы вспоминаем, с чего начинался завод «Спартак». Кустарные мастерские, инструменты — молоток да стамеска, — неумелые руки беспризорников, их уличные замашки, с которыми боролись несколько мастеров...

Прошло 12 лет, и завод «Спартак» стал мощным предприятием, выполняющим даже экспортные заказы, а его рабочие, мастера и инженеры из вихрастых босоногих мальчишек и девчонок, получили свою «путевку в жизнь». Бывшие уголовники и карманные воры встроились в индустриальную мощь страны.

Такова и судьба музыкальной фабрики, которую уже не вмещали монастырские стены. В 1937 году фабрика переехала в новое, специально для нее построенное здание. Директором фабрики был Алексей Чекмазов (его биографию см. в разделе «Люди и судьбы», стр. ???), личность яркая и неординарная: бывший уголовник, отбывший почти полный срок наказания на Соловках, человек, обладавший прекрасными организаторскими способностями, актерским и поэтическим дарованием. — Н.Д.

Из газеты «Дзержинец». Август 1937 г.

ОТКРЫТИЕ НОВОЙ ФАБРИКИ

Солнце закатилось за коммуной нашей,
Приласкав природу августовских дней.
А скажи, товарищ, что в коммуне краше,
Сопоставь коммуну с фабрикой моей.

Из окон наружу лампами—глазами
Бьет сквозь темный вечер шаловливый свет.
Отзвуком моторов пилы со станками
Трудовым процессам отдают привет.

Окна помещенья брызгают цветами,
Всюду свежий воздух, чистота, простор.
А в цехах уютных с гладкими полами
Расцветает сердце, веселится взор.

Из цехов к машинам для отсоса стружки,
Щупальцы раскинув, пылесос гудит.
Удивленно смотрят девушки—подружки:
Сколько до циклона стружки улетит.

Тихо удивляясь, ходят этажами,
А за них таскают тяжести лифты.
Лестно мне, братишки, поработать с вами:
Ишь, сбылись ведь наши общие мечты!

Нет на свете лучше счастья для работы
У моих рабочих с фабрикой такой.
И за это счастье, за твои заботы
Все благодарят, наш Сталин дорогой!

А. Чекмазов

ЗАДАЧИ МУЗЫКАЛЬНОЙ ФАБРИКИ

Музыкальная фабрика переехала в прекрасное новое здание, в одно из лучших производственных зданий коммуны, со всеми необходимыми удобствами для нормальной работы. Надо полагать, что управление фабрики в старом здании оставит не только ненужные вещи и хлам, но и старые негодные методы управления. Мы не можем из-за недостатка места охватить всех вопросов, которые должна разрешить администрация фабрики, мы остановимся только на самых больных вопросах, не терпящих отлагательства и сильно мешающих правильному развитию производства фабрики.

В старом помещении фабрики, которое не было приспособлено для данного производства, имелись трудности как в организации работы на фабрике, так и в организации управления. Этого нет в новом здании, и поэтому мы вправе потребовать, чтобы и в организации управления производства и труда были установлены нормальные порядки действующего производственного предприятия.

Мы считаем, что управление фабрики в самое ближайшее время должно разрешить следующие основные задачи.

1. Построить новую структуру управления фабрикой и цехами и правильно расставить силы.

2. Организовать разработку рабочих чертежей музыкальных инструментов, разработку технологического процесса и внедрить его в производство.

3. Организовать календарное планирование по цехам и планировать по цехам не только программы, но и качественные показатели (рабочую силу, зарплату, материалы и пр.).

4. Разрешить ряд вопросов в области труда и, что особенно важно, резко поднять трудовую дисциплину.

5. Правильно организовать подготовку кадров.

Но прежде чем переходить к освещению поставленных нами вопросов, мы остановимся на одном из существеннейших условий, проведение которого должно способствовать выполнению поставленных задач.

Мы хотим очень резко поставить вопрос о чистоте и порядке во всех помещениях фабрики и на рабочем месте. Надо усвоить одно простое, но трудно-выполнимое правило: соблюдать чистоту и порядок везде — на своем рабочем месте, в местах общего пользования и иметь самим опрятный внешний вид.

Сколько времени тратится (к сожалению, мы его не учитываем) из-за неопорядка на рабочем месте, от завала рабочих мест ненужными материалами и инструментом. Грязный вид самого помещения и рабочего места только расслабляет работника, а не подтягивает его.

Для поддержания надлежащего порядка и чистоты на фабрике выделен соответствующий персонал, надо только, чтобы управление фабрики установило и вывесило строгий распорядок уборки помещения и рабочих мест и строго требовало выполнения этого распорядка.

Опрятный вид внутренних помещений — залог выполнения производственных заданий. Командиры производства должны показывать пример: они сами должны иметь опрятный вид и требовать его от всех работающих на фабрике.

Одним из необходимых условий для руководства фабрикой является правильно составленная схема управления и правильная расстановка сил. Старая существующая схема управления не отвечала этим требованиям. Сейчас разработана новая схема управления фабрикой. Не перечисляя всех отделов, мы остановимся только на том, что нового введено в схему управления фабрикой.

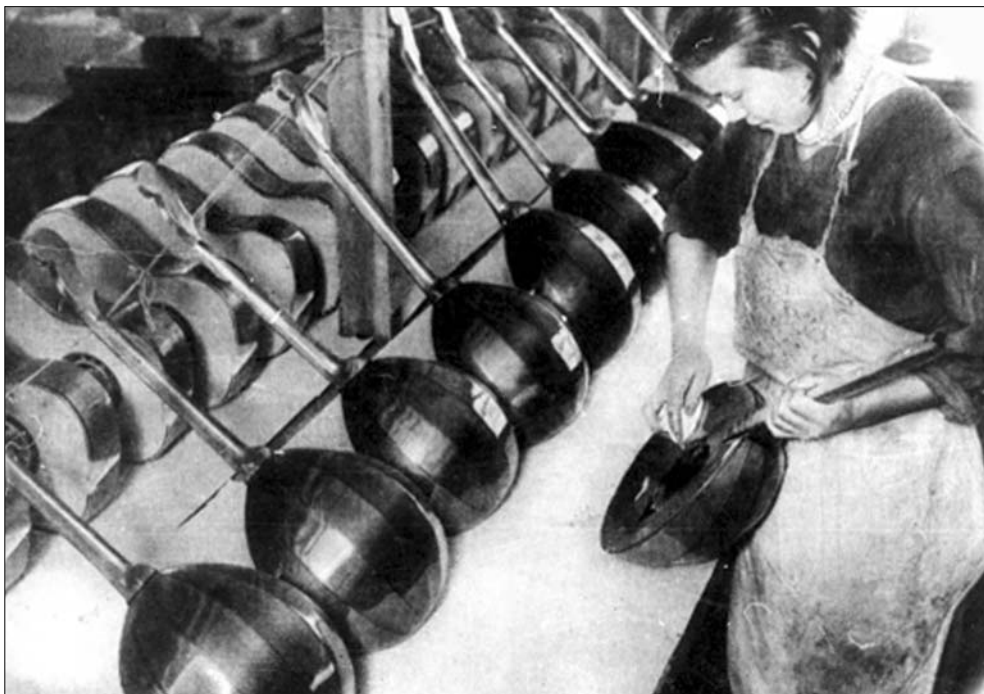
В схеме предусмотрена организация технического отдела, в задачи которого должна входить разработка новых конструкций, рабочих чертежей, технологического процесса для музыкальных изделий со всеми необходи-

мыми для производства приспособлениями и инструментами. Руководство всеми ремонтными работами как зданий, так и оборудования, изготовление инструмента и приспособлений — все сосредоточено в отделе механика фабрики.

По-новому ставится вопрос технического контроля. Мастер должен отвечать за выпускаемую продукцию. В штатах фабрики предусматривается увеличение инженерно-технического персонала, и это правильно. Совершенно нельзя считать терпимым, чтобы на фабрике, выпускающей в год продукции на 8,5 миллиона рублей, было только два инженерно-технических работника с законченным техническим образованием. Руководство фабрикой и управление коммуны должны озаботиться приглашением новых технически грамотных работников.

Мы должны подчеркнуть, что нарисовать хорошую схему на бумаге — это еще не значит работать по ней. Самое трудное — это ввести разработанную схему в жизнь и потребовать строгого соблюдения установленных прав и обязанностей для каждого отдела и работника на фабрике. Говоря о схеме управления фабрикой, мы не можем обойти молчанием и новое построение цехов и их управление. На фабрике организовываются три основных цеха: машинный, сборочный цех музинструментов с семью отделениями и сборочный цех бильярдных.

Начальник цеха должен являться полным хозяином тех лимитов, которые утверждены ему в плане, и решать все вопросы самостоятельно. Весь штат (мастера, плановики, нарядчики, кладовщики, транспортерщики и т.д.)

На музыкальной фабрике. 1938 г.

подчиняются только ему и без его ведома распоряжаться ими никто не может. Все распоряжения, откуда бы они ни исходили, должны идти только через начальника цеха и ни в коем случае не должны даваться непосредственно отдельным работникам или рабочим.

Организация управления по-новому потребует и нового распределения людей. По-новому будут идти производственные потоки и организация работ. Все это потребует от командиров производства соблюдения строгого порядка. Мы должны добиться, чтобы для каждого цеха был установлен и утвержден технологический процесс, который должен быть законом для цеховых работников. Отступление от технологического процесса должно рассматриваться как невыполнение производственного задания со всеми вытекающими последствиями. Надо привить цеховым командирам чувство строгой ответственности за соблюдение установленного порядка в обработке. Управление фабрики должно понять, что в новом помещении со всевозрастающей программой работать по-кустарному нельзя. Для того чтобы внедрить технологический процесс, надо в системе оплаты труда ИТР предусмотреть соответствующие санкции. За отсутствие технологического процесса лишать ИТР причитающейся премии даже тогда, когда производственная программа фабрикой перевыполнена.

С наименьшей остротой стоит вопрос о календарном планировании в цехах. Мы не ошибемся, если скажем, что производство идет сейчас самотеком. Выполнена программа — значит хорошо подтянулись, не выполнена программа — значит где-то сорвались. К сожалению, все это констатируется после срока. Выполнением программы каждодневно аппарат фабрики не руководил. Имеющийся плано-производственный отдел должен взять в свои руки и наладить календарное планирование. Ежедневно в плано-производственном отделе должно быть известно, как выполнена программа по цехам за прошедший день и что мешало работе, и должно принимать немедленные меры к устранению причин, мешающих нормальной деятельности отдельных участков.

Перед плано-производственным отделом стоит сейчас очень важная задача. На 4-й квартал он, наравне с планированием производственной программы по цехам, должен запланировать и качественные показатели (рабочую силу, зарплату, материалы, себестоимость). Сейчас цехи отвечают только за один количественный показатель. Борьбы за качественные показатели нет.

Надо провести большую работу среди цеховых командиров, чтобы они поняли, что план считается выполненным только тогда, когда выполнены количественные и качественные показатели. Для того, чтобы организация планирования качественных показателей была проведена по цехам быстрее, необходимо призвать на службу оплату труда ИТР: работники плано-производственного отдела могут получать причитающуюся им премию за перевыполнение программы только в том случае, если планирование качественных показателей будет введено по цехам.

Из всего комплекса вопросов труда мы хотим остановиться только на некоторых, и в особенности на укреплении трудовой дисциплины. Трудовая дисциплина сейчас слаба. Надо потребовать от командиров производства

более строгого надзора за использованием рабочими всех 420 минут работы, надо завести строгий учет прихода и ухода рабочих и служащих, надо к прогульщикам и дезорганизаторам производства полностью применять законы и немедленно освобождаться от таких «работников».

Надо потребовать от командиров производства возглавления стахановского движения. Разве можно допустить (если бы этими вопросами командиры по-настоящему занимались), что за июль количество стахановцев по фабрике по сравнению с июнем уменьшилось почти вдвое.

Управление фабрикой должно строго выполнять существующие законы о труде. Это большая и трудная задача, но она должна быть выполнена. На фабрике организован отдел труда. Правда, он еще слаб, его надо укреплять, ему надо помогать и в то же время от него надо требовать проведения возложенных на него задач.

Программа по музыкальным инструментам на 1938 год увеличивается в два раза, поэтому нужно сейчас управлению фабрикой заняться вопросом подготовки кадров. Управление фабрики должно совершенно точно знать, каких профессий и на изготовление каких деталей нужно будет готовить новые кадры. Уже сейчас можно из учащихся ФЗУ отобрать наиболее способных и перевести в основные цехи. Всех остальных учеников ФЗУ надо точно распределить по соответствующим цехам и строго установить, что они должны по окончании ФЗУ делать, и фактически сейчас практически их обучать на изготовление тех деталей, которые они будут делать впоследствии. На фабрике должен быть выделен работник, который будет концентрировать у себя все вопросы подготовки кадров.

Коммунарки с воспитателем возле магазина. 1929 г.

Перед коллективом Музыкальной фабрики стоят большие задачи, требующие напряжения и воли. Надо помнить, что успех дела целиком зависит от того, насколько управление фабрики сумеет объединить весь инженерно-технический персонал и коллектив рабочих на разрешение поставленных задач.

Артамонов, Бердичевский

Николай Родионов
Из воспоминаний
«Трудкоммуна № 2 ОГПУ им. Дзержинского»

На площади был двухэтажный магазин, чем-то напоминающий булгаковский «Торгсин». Чего там только не было! Мы, мальчишки, каждый день бегали туда и любовались на диковинные вещи, продававшиеся в магазине: статуэтки, шашки, шахматы, значки, брошки, блестящие бусы. Нам все казалось, что это что-то очень дорогое и ценное — брильянты. Коммунарам за их работу платили и рубли, и боны. Вот на боны они могли купить себе любой дефицитный товар, а мы, конечно, не могли.

КУЛЬТУРА

Александр Сахнов
Из рукописи «Коммуна». 2002 г.

В обширном Николо-Угрешском монастыре сразу решалось много проблем. Прежде всего, появилось место для массовых мероприятий. Для этого в короткий срок был перестроен изнутри Преображенский собор. В роли «очага культуры» собор функционировал около трех лет, пока не произошел большой пожар.

Леонид Мариани
Статья из газеты «Люберецкая правда»
10 ноября 1935 г.

НА КОММУНСКОЙ СЦЕНЕ

8 ЛЕТ КРУЖКАМ ВТОРОЙ КОММУНЫ

Серые сумерки внутри собора исчезают, их сменяет яркий свет электричества. Они уходят в стороны и ввысь, сгущаются в углах и в куполах в черный, тягучий, ощутимый мрак.

Выступление танцевальной группы трудкоммуны. 1935 г.

Где-то высоко, вверху, величественный бог Саваоф, распростершись в глубине большого центрального купола, окруженный толпой херувимов, благословляет давно не виданных в таком большом количестве в соборе людей. Бог Саваоф радуется: народ снова возвращается к вере и к господу. Старый собор Николо-Угрешского монастыря, долго пустовавший, опять наполнен людьми.

Но странно поведение этих людей, странный облик у них и странные звуки потрясают стены, покрытые позолотой, кармином, аквамаринном, сиеной, умбрией. Не песнопения церковного хора, не раскатистый, громяющий бас отца дьякона слышатся сейчас здесь и нарушают торжественную тишину великана собора.

Звуки танцев — вальса, краковяка и польки — несутся из труб духового оркестра. Невиданное ранее зрелище... В соборе расположился духовой оркестр. Стулья, пюпитры и сами музыканты, ликующие в объятьях медных труб.

Удивленно смотрит на посетителей Господь-Вседержитель, сконфужена их поведением Матерь Божья, смущены святые Николай Угодник, Георгий Победоносец, Андрей Первозванный, Александр Невский, потускневшие глаза ангелов во главе с архангелом Гавриилом и архистратигом Михаилом. Смущено и прочее бесчисленное воинство господне.

В центре собора десятки пар. Новое население монастыря — коммунары и их гости — открыли в соборе первую танцевальную вечеринку.

Собор древнего монастыря, построенный Димитрием Донским в честь его возвращения с Куликовской битвы, превращен теперь в клуб.

На месте бывших царских врат — небольшая, низенькая эстрада. Стены с изображением многочисленных угодников постепенно заполняются лозунгами, плакатами работы первых изокружковцев Валентинова, Чидокина и других.

В правом притворе висит большая стенная газета «К новой жизни», и из притвора святой Николай Мирликийский, покровитель плавающих и путешествующих, с изумлением рассматривает стихи «На соловчан в досуге дышит в бессильной злобе шпингалет...» А.М. Чекмазова или «А в умах у них кино, лес, брусника, Кашкино...» И. Козичева — первых коммунских поэтов.

Коммуна вступила в новый этап жизни, не похожий совершенно на период, проведенный в Звенигороде. В Люберцы переехали 750 человек, наиболее старших по возрасту, имевших уголовное прошлое коммунаров. Малолеток отправили по детским домам и детколониям.

Коммуна начала жить, стали расти производства, стал устраиваться определенный быт. Понемногу начала разворачиваться культурная работа.

Март–апрель 1928 года были месяцами первых, робких шагов художественной самодеятельности в коммуне.

Концерт. В соборе негде сесть. Здесь все население коммуны. Пришли обитатели и обитательницы соседних деревень. Пришли посмотреть, как веселятся и проводят свой досуг новые соседи — коммунары 2-й коммуны ОГПУ.

На импровизированной сцене Алексей Михайлович Чекмазов, тогда еще Леша Чекмазов, и Петя Зюзин (Микадо) показывают зрителям свой первый аттракцион — «Куклу». Лубочная сценка в весьма примитивном исполнении вызывает бурные восторги, и когда под конец Чекмазов уносит механическую «куклу» Зюзина, аудитория разражается громом аплодисментов. «Куклу» сменяют клоуны Гриша Валентинов и Леша Каганович. Эти первые ласточки показали, что в коммуне есть силы, которые в будущем проявят себя. Их номер был весел, остроумен, хотя зачастую чересчур откровенен. Игра Валентинова и Кагановича также пользовалась большим успехом у коммунаров.

Один за другим проходят на эстраде номера первого концерта, собранные энтузиастами Чекмазовым, В. Загорским.

Цыганский хор под управлением Володи Загорского, пляска первых коммунских виртуозов танца — Васи Ванюшкина (Матюши), Володи Соколова (Животика) и других — под аккомпанемент немного расстроенного рояля, на котором с большим увлечением аккомпанирует товарищам «заслуженный деятель коммунского искусства» басистый любимец публики Коля Деменев, сменяется «коронным номером» программы — пляской Алексея Чекмазова. Чекмазов пляшет редко, очень редко. Большею частью по какому-нибудь случаю, как, например, приезд Максима Горького или М.С. Погребинского. Но зрители сумели должным образом оценить его поистине виртуозную, неподражаемую пляску. Плясал Чекмазов артистически, художественно. Не было в коммуне ни одного плясуна, могущего своей пляской сравниться с ним. Плясал с чувством, с «огоньком», с неподражаемой грацией и быстротой. Знаменитая чекмазовская «мельница» и четки надолго запомнились всем тем, кто хоть раз видел пляску Чекмазова.

Но концертные номера не были единственным зрелищем, находившимся в распоряжении первого заведующего клубом т. Голубкова. В помещении второй столовой, бывшей монастырской трапезной, где так же, как и в соборе, всюду лезли в глаза изображения угодников, по случаю начавшегося в соборе строительства настоящего клуба открыт филиал коммунского очага культуры.

Во второй столовой устроена сцена, здесь демонстрируются под аккомпанемент того же Коли Деменева кинокартины, здесь же бригада А.М. Чекмазова выступает впервые с популярными «Огоньками-фонариками».

На темной сцене члены бригады, держа в руках бумажные фонарики, распевают «золотые точки — эти огоньки — нам напоминают лагерь Соловки». Переделка соловецкого материала нравится невзыскательным зрителям, и они различными путями выражают свое удовольствие.

Во второй столовой — первый спектакль драматического кружка. Идет пьеса, название которой уже забыто. Зрители восторженно принимают артистов. Гриша Валентинов, играющий Пиона Нарциссовича Резеду, гордо проносит свой гигантский нос через авансцену. Он упоен первым успехом и со своей партнершей Таисой Загорской, первой женщиной, которая вместе с Таисой Чекмазовой была первой участницей художественной самодеятельности в коммуне, вызывает гомерический хохот аудитории.

Не отстают от Валентинова и другие артисты: Ваня Козичев, А.М. Чекмазов, Андрей Рогоненко и др. Весело идет спектакль. Тепло и радостно приветствуют коммунары кружковцев.

Спектакль закончен; и публика, и артисты обоюдно довольны. Но зрители не расходятся. Они организованно переходят во второй филиал клуба — третью столовую. Здесь импровизированный танцевальный зал. Коммунары

Сцена из спектакля. 1935 г.

Клуб коммунаров. 1939 г.

и гости из соседних деревень под залихватские звуки своего же духового оркестра, танцуют «Ту-стэп» и «Коробочку». Веселья, как говорится, «вагон и маленькая тележка». Не выдерживает дядя Леша Червонцев (*Червенцов — Н.Д.*), помощник управляющего, и, выхватив у музыканта кларнет, сам начинает играть. В стороне у толстой колонны сидит Федор Григорьевич Мелихов. Мелкие морщинки собрались вокруг добрых глаз, лицо расплывается в довольную улыбку, он рад веселью коммунаров. И глядя на пустившегося плясать военного инструктора Максимова, он сам готов идти впрысядку.

Так зародилась в коммуне художественная самодеятельность. Имелись духовой оркестр и несколько энтузиастов культурной работы.

Прошло почти семь лет. Коммуна из маленьких кустарных мастерских выросла в большие прекрасно оборудованные заводы с программой в десятки миллионов рублей. Выросли и изменились люди коммуны. Коммуна давно выросла из тесного детского платья монастырских стен и корпусов «Парижа» и «Лондона».

Маленькую эстраду в соборе и такую же сцену во второй столовой сменил красавец-клуб с десятками комнат для занятий кружков, с большим танцевальным залом, зрительным залом, фойе, гримировочными комнатами, великолепной сценой. Художественная самодеятельность коммуны выросла и так же неузнаваемо изменилась, как и весь облик коммуны.

Что же имеем мы сейчас в этой области? С какими результатами приходят сейчас коллективы художественной самодеятельности к восьмилетию коммуны и восемнадцатилетию Октября, детищем которого является наша коммуна.

На эти вопросы можно было бы ответить цифрами количества выступлений наших самодеятельных коллективов в рабочих клубах г. Москвы, в Парке Культуры и Отдыха имени Горького, в домах отдыха и санаториях под Москвой и в Сочи, количеством полученных и получаемых отзывов от различных лиц и учреждений, статьями и заметками в разных журналах и газетах: «Советское искусство», «Рабочая Москва», «Вечерняя Москва», «Комсомольская правда», «Огонек», «Прожектор» и других. По отзывам слушателей концертов, передающихся из Всесоюзного радиокомитета, и по многим другим данным можно судить о колоссальном росте художественной самодеятельности.

У нас в этой области есть определенные сдвиги и несомненные успехи. От кустарных аполитичных, аляповатых, халтурных выступлений, кружки нашего клуба перешли к полноценному, выдержанному, доброкачественному материалу.

Работу над новым, высокохудожественным репертуаром кружки ведут под знаком непрерывного роста и повышения культуры нашего танца, пения, музыки, сценического искусства. Кружки работают на основе освоения техники своего дела.

Коллектив танцоров — один из наиболее популярных и интересных коллективов — от традиционной «Цыганочки» и «Щей горячих» путем упорной и серьезной работы пришел к таким технически сложным и обработанным танцам как «Метелица», «Яблочко», «Венгерский танец» и т.д. Коллектив танцоров, сумевший из сотен самодеятельных коллективов Москвы занять на олимпиаде молодых дарований в Москве в 1934 году одно из лучших мест и на олимпиаде художественной самодеятельности Московских профсоюзов летом 1935 года первое место, вместе с коллективом танцоров, ездившим на танцевальный фестиваль в Лондон, вырашивает и своих постановщиков танцев, имеющих большие данные для того, чтобы стать действительными

Выступление танцевальной группы трудкоммуны. 1935 г.

мастерами своего дела. Евгений Жарский — коммунар, поставивший пользующуюся огромным успехом в любой аудитории, давшую коллективу занять первое место в указанных олимпиадах «Метелицу» и «Яблочко», — по утверждению компетентных людей и газеты «Советское искусство», определенно владеет большим и незаурядным даром композиции. Леша Матвеев, впервые выступающий как постановщик, ставит сейчас с коллективом танцоров большой массовый танец, в котором занято 16 человек. Коллектив танцоров вырастил и воспитал подлинно талантливых танцоров, таких как Матвеев, Жарский, Петров, Иванов, Лазарев, Бурцева, Жарская, Мамонова и др.

Немалое место в среде коллективов самодеятельности занимает и созданный по инициативе Е. Жарского и активистов-кружковцев ансамбль красноармейской песни. Этот коллектив является очень серьезным и интересным кружком. Коллектив ансамбля на двух олимпиадах вышел на первые места.

Под руководством замечательного руководителя Семена Вениаминовича Клячко, являющегося подлинным энтузиастом работы и авторитетным, талантливым преподавателем, ансамбль значительно вырос и имеет политически особо насыщенный высокохудожественный репертуар.

Неплохие успехи на прошлогодней олимпиаде молодых дарований показали наши акробаты. Правда, сейчас они несколько свернули свою работу, но готовят ряд интересных и ценных номеров.

Имеется в коммуне три духовых оркестра, из которых оркестр первой группы, так же как и оркестр народных инструментов первой группы, руководимые такими руководителями как И.Н. Шаров и В.М. Сеницын, добились определенно больших достижений и сдвигов в работе. Оркестр народных инструментов под руководством т. Сеницына на олимпиаде московских профсоюзов этого года занял одно из лучших мест и премирован грамотой. В репертуаре оркестра имеется целый ряд произведений классической музыки.

Оркестр народных инструментов. 1935 г.

Частушки. 1935 г.

Очень много и очень продуктивно работает кружок баянистов. Им обслуживаются все массовые мероприятия клуба, ансамбль красноармейской песни и т. д. Кружок имеет неплохих баянистов, <таких> как Морозова, Федосова, Карабашкина и др.

Организованный в начале мая самодеятельный театр имеет все данные, что с задачей показа творческого лица коммуны он справится. Показав определенно хороший спектакль «Интервенция», театр имеет все данные для дальнейшего роста. Сейчас театр перешел на серьезную театральную-студийную работу и предполагает в течение зимы показать коммуне такие вещи как «Человек с портфелем» А. Файко, «Столица» Яновского и «Отелло» Шекспира. Необходимо также указать, что театр наряду с серьезной работой поставил упор на учебу, наряду с работой над пьесами ведется серьезная работа и учеба по целому ряду актерских дисциплин, как то: дикция, искусство движения, танцы, грим, техника актерского мастерства и т. д.

Самодеятельный театр коммуны — это показатель нашего роста. К театру необходимо проявлять больше внимания и заботы. Необходимо создать для коллектива все условия для того, чтобы он сумел действительно показать творческое лицо коммуны.

От единиц-энтузиастов культурной работы, <таких> как Чекмазов и др. наша коммуна пришла к коллективу кружковцев в 400 человек. Наши кружки ведут большую и трудную работу. Все наше внимание должно быть уделено им. Это мощные рычаги.

Через самодеятельность масса коммунаров пришла к большому внутреннему росту и переделала себя в корне.

Целую группу кружковцев мы смогли в результате их способностей послать на учебу в ряд учебных заведений Москвы. К таким относятся уча-

щийся в Центральном Институте театрального искусства А. Робулец, показывающий неплохие результаты своей пока еще кратковременной учебы; член самодеятельного театра П. Мамонов, учащийся в Центральном училище самодеятельного искусства; член самодеятельного театра Володя Кузнецов, работающий на кинофабрике «Рот-Фронт», на днях приехавший из Керчи, где он снимался в одной из ролей нового звукового фильма «Восстание камней» и, по отзывам главного режиссера И.Г. Терентьева, показал большие способности и возможность в самом недалеком будущем перейти на исполнение ответственных ролей; Львов и Поднебесный, посланные коммуной учиться в Ленинградскую Академию Художеств. Все эти люди показывают наш большой творческий рост и достижения в части художественной самодеятельности.

К восьмилетию коммуны и к XVIII-летию Великого Октября кружки и кружковцы клуба приходят с большими победами и с надеждой в недалеком будущем повысить свой культурно-политический уровень и технику своего искусства и показать еще большие и лучшие достижения.

*Клариче из спектакля
«Слуга двух господ»
в исполнении В. Кабановой
1935 г.*

Издевательство над религией, богохульство над иконами было приметой времени, однако следует заметить, что и коммунары, и тот же автор статьи были воспитаны в традиционной среде и прекрасно знали Закон Божий, и, скорее всего, в раннем детстве были воспитаны в религиозном духе, но... время, авторитет руководителей и товарищей сделали свое дело. Не исключено, что внутренне они содрогались от своих слов. Сейчас мы об этом уже ничего не узнаем. Понятно, что антирелигиозный разгул был данью времени. Психология обездоленного подростка или человека, не очень развитого духовно, постоянно ищет образ врага. За свое несчастное детство, за голод и холод, за обиды, причиненные «сытыми» людьми. А здесь вот он — враг, на доске нарисован, поэтому беззащитен. Отсюда и богоборчество коммунаров. Ювенильное сознание не в состоянии вместить в себя великое: религию, культуру, государственность. Проще все разрушить, а потом создать новое.
— Н.Д.

ТЕАТРЫ КОММУНЫ

Александр Сахнов

Из рукописи «Коммуна». 2002 г.

Театр в коммуне появился сразу же, как только туда прибыла первая партия беспризорников из Звенигорода. Сцену, кулисы, зрительный зал соорудили в кратчайшие сроки в Преображенском соборе, потратив уйму фанеры и досок, позабыв о самом главном — противопожарной безопасности. Достоинством этого театра, безусловно, была акустика бывшего собора.

Просуществовал Преображенский театр недолго. Во время крупнейшего пожара все его декорации, все росписи, обитые фанерой, погибли в огне. После этого у крутого обрыва прежнего пруда, недалеко от Преображенского и Никольского соборов, был выстроен деревянный кинотеатр. К этому времени не был возведен Силикатный завод по производству кирпича. «На месте влажной рощи» уже в 1933 году поднялись стены нового клуба, основной частью которого был театр с большим партером и балконом, с огромной сценой и оркестровой ямой. В центре сцены был круг для декораций, как в Большом театре. В это время прогрессировало кино, оно становилось звуковым, и два искусства стали мирно сосуществовать в клубе.

Наталья Дегтева

КЛУБ В КЛУБНОМ ПЕРЕУЛКЕ

А был ли город в конце 20-х годов прошлого столетия? И да, и нет. Был разрушенный монастырь, где располагалась трудовая коммуна ОГПУ № 2, были деревни: Гремячево, Кишкино, Денисьево, Алексеевка. Были и каменные строения — гостиницы «Лондон» да «Париж», — были фибролитовые домики в Клубном переулке... Но население—то всего места превышало 10000 человек! Вполне потянуло бы на небольшой город. Впрочем, такого статуса не было, так что будем называть пока местность поселком имени Дзержинского.

Были уже вполне городские названия улиц. Упомянула же я Клубный переулок (ныне улица Бондарева), хотя клуб еще не был возведен, только предполагался. Клуб с любовью и трепетом строили к пятой годовщине трудкоммуны. Строили и вольнонаемные, и коммунары. Прорабом был Яков Терентьевич Жук. А до того строили дом (его адрес: улица Бондарева, д. 2) по сути такой же архитектуры. Так в начинающем строиться городе появились два почти одинаковых здания.

Клуб был необходим как воздух. Москва хоть не очень далеко, но все-таки... Пешком после рабочей смены не добежишь. Деревенские после работы

Клубный переулок (ул. Бондарева, д. 2). 1938 г.

устроивали гулянья, «пяточки» — это их традиционная культура. А вот коммунары и вольнонаемные... Пляски и песни под гармошку? Не того им хотелось, да и руководству тоже. Нужна была альтернатива. Клубы и дворцы культуры в те годы возводились повсеместно. Необходимо было по вечерам, выходным дням и праздникам занять чем-то людей, целый день простоявших у станков, укладывавших кирпич на стройках, работавших в мастерских и лабораториях. А еще дети подрастали. Родители на работе, а

Вид на первые постройки коммуны. 1939 г.

многие школы, в том числе и наша, не могли создать нужное количество кружков, больших библиотек, игровых комнат.

Каким должен быть клуб? Его атмосфера, как само пространство вовне и внутри, должна была так сильно контрастировать с заводскими цехами, школой и коммунальным бытом, как день и ночь. В Москве активно шли изыскания в области архитектуры для подобных заведений. Старые — то образцы были, но ведь они именно старые. Разве могла страна — подросток с этим смириться? Новое, новое и только новое! А поскольку Москва недалеко, нужно было ориентироваться именно на столицу. Как сказал поэт того времени:

«Асфальт врывается в траву,
Лес как бы надвое распорот.
Стараясь повторить Москву,
В лесу внезапно вырос город».

Но где, где то новое? Каким оно должно быть? Я говорила с архитектором Владимиром Кротковым, пытаюсь выяснить, кто является автором проекта клуба. Сейчас вряд ли кто-нибудь помнит его имя или самого автора. Скорее всего, строительство клуба велось в порядке эксперимента. Но при этом известно, что таких зданий в Подмосковье было построено несколько — один из похожих дворцов культуры, здравствующий и поныне, был возведен в Кашире.

Клуб выполнен в стиле конструктивизма, вошедшего в моду в 20-е годы двадцатого столетия. Архитектор Г. Мовчан, активно работавший в конце 20-х — начале 30-х годов в этом стиле, писал: «Я помню рождение новой архитектуры, точно это было вчера. Двадцатые годы. Мы впервые увидели работы Корбюзье. Внезапно открылась эра ни с чем не сравнимой, почти потусторонней красоты. Такого ошеломляющего духовного потрясения нынешние поколения, наверное, даже представить не могут».

Клуб коммунаров. 1938 г.

Юные музыканты. 1935 г.

А теперь позволю себе анализ истоков архитектуры клуба. Во-первых, это памятник советской архитектуры. Памятник конструктивизма... В нем реализованы все пять программных тезисов Ле Корбюзье: ножки, каркас, свободный план и свободный фасад, плоская кровля. Есть и более явные черты подражания творениям великого француза: общее пространственное построение — два блока, повернутых к улице и соединенных между собой третьим. Использование пандуса с его характерной формой, возникающих на фасаде соединений блоков (в нашем случае — типично российская веранда), контраст глухих и остекленных поверхностей. В самом здании была разработана зальная планировка, известная сегодня как «универсальное пространство». Причем у нас оно было создано в 1931 году, в то время как автором этой идеи считается фламандец Мис ван дер Роэ, который пришел к ней лишь в 40-е годы.

Сооружения этого типа считаются памятниками не просто советской архитектуры, но и архитектуры современной, единой, интернациональной. Видно, что хороша была и площадь перед клубом. У нее был красивый, легкий, ладно выстроенный план. Как хорошо темперированный клавир, был «отыгран» малейший перепад рельефа. Пластический замысел площади вроде бы ясен — в нем легко ориентироваться, но эта легкость обеспечивает такое количество пространственных ощущений, что получаешь особое удовольствие от самого процесса «чтения» пространства, от прогулки. Сейчас клуб в аварийном состоянии, и компетентные комиссии считают, что дешевле будет построить новый, чем реконструировать старый. Тем более, что стоит клуб на грунтах-плавунах. Сносить наш клуб, конечно, надо. Но все-таки хорошо бы помнить, что сносить будем памятник советской архи-

тектуры, очень значительный в контексте истории нашего города. Конечно, было бы хорошо построить такой же и на том же месте. В крайнем случае в другом, но такой же. Памятники советской архитектуры... Что это означает? Всего лишь временную принадлежность или некую их особенность?

Увидеть историческую дистанцию непросто. И все же нельзя изымать памятники советской архитектуры из современной жизни. К ним стоит относиться с особой бережностью, поскольку памятником, в полном смысле слова, произведения советской архитектуры смогут стать по прошествии более длительного срока. Их назовет сама История.

P.S. 25.09.2007 г. клуб был снесен.

Александр Сахнов
Из рукописи «Коммуна». 2002 г.

Большой вклад в работу нового клуба внес его первый директор — Алексей Чекмазов. Алексей Михайлович написал целый ряд сценариев постановок и концертов. Коллективы трех театров коммуны: ТЮЗа, драмкружка и ТРАМа — осуществили постановки, которые шли на сценах крупнейших профессиональных театров столицы. Среди них: «Лауренсия», «Слуга двух господ», «Гибель эскадры» и другие.

В 1935 году эти театральные коллективы были объединены в единый театр, который впоследствии осуществил целый ряд постановок под руководством артиста и режиссера московского драматического театра имени Бау-

Сцена из спектакля «Слуга двух господ». 1935 г.

«Игра интересов». II действие

мана Николая Николаевича Виноградова. Театр Виноградова открыл много замечательных звезд. И среди них, в первую очередь, нужно назвать имя жительницы нашего города Марии Тимофеевны Проворовой, в то время Маши Мамоновой (см. материал в главе «Люди и судьбы»).

Подведомственность трудкоммуны ОГПУ НКВД, безусловно, сильно сказывалась на подборе репертуара. Все без исключения кружки должны были заниматься политической работой. Такая работа активизировалась в дни, предшествовавшие проведению партсездов, и после них. Практическое осуществление такой работы, судя по всему, курировалось центральными профсоюзными органами. И это не удивительно. Стать членом профсоюза и получить профсоюзный билет было для коммунара задачей номер один, и не меньшей, чем получить партбилет. Без профсоюзного билета выпуск из трудкоммуны был невозможен.

В 1934 году по решениям XVII съезда партии клуб рапортовал о «даче 400 ворошиловских стрелков» и проведении 17 политвикторин, в которых приняли участие 150 человек. Хроника тогда отметила и игнорировавших такую работу: «за бездеятельность и невыполнение указаний ЦКПС, за отсутствие работы по подготовке к политбою по решениям XVII Партсъезда распущены бюро: ТРАМА, кружка пианистов, ансамбля красноармейской песни и группы духового оркестра».

ТРАМ — театр рабочей молодежи — являлся центральным среди театров коммуны. Этот театр подвергся тогда критике не совсем обоснованно, так как уже через месяц он осуществил постановку пьесы В. Шкваркина «Чужой ребенок».

Пьеса «Чужой ребенок» затрагивала известную еще в дореволюционной литературе тему быта молодежи, но интерпретированную в плане советского быта.

Роли родителей Карауловых исполнили: отца — музыканта — Н. Заливахин, матери — Н. Малышева. Им предстояло показать извечные переживания родителей за будущее их детей. С большим волнением Н. Малышева, а также впервые играющая Л.П. Кузьмицкая старались перевоплотиться в образы своих героинь.

Из газеты «Дзержинец», ноябрь 1937 г.

НА НАШЕЙ СЦЕНЕ

С 1933 г. по 1935 г. коммуна имела три основных театральных коллектива: ТЮЗ, ТРАМ и центральный драматический кружок, — из которых каждый работал самостоятельно. Этими коллективами были поставлены пользующиеся большим успехом не только у коммунаского зрителя, но и у зрителя московских рабочих клубов, постановки «Междубурье», «Игра интересов», «Слуга двух господ», «Лауренсия», «Бастилия Божьей матери», «Гибель эскадры» и др.

*Спектакль «Мальва»
В. Кабанова и П. Мысин*

С целью дальнейшего повышения качества своей работы, в 1935 г. эти три кружка объединились в один мощный коллектив — самодеятельный театр коммуны, который в течение 1935–1936 гг. показал интересные постановки: «Интервенция», «Человек с портфелем» и пушкинский спектакль, составленный из отрывков <произведений>: «Борис Годунов», «Цыганы», «Полтава».

За этот же период наши кружковцы прошли шестимесячные курсы теоретического изучения актерского мастерства. Теперь коммуна может сказать, что у нее крепкие кадры любителей драматического искусства.

Для Абрама Маркова, Саши Ярилова, Пети Мысина и ряда других трехлетнее пребывание в драматическом кружке было не только периодом развития их способностей, но и периодом перековки в сознательных, культурных, политически грамотных советских граждан. Продол-

*Сцена из спектакля «Игра интересов»
В роли доньи Сирены В. Кабанова*

жая работать над собой, они усиленно готовят новый спектакль — пьесу Виктора Гусева «Слава». Кроме этого, коллектив поставил задачей к празднованию 10-летия нашей коммуны показать пьесу любимого писателя советской молодежи Николая Островского «Как закалялась сталь».

А.Я. и П.М.

За время своего существования драмколлектив поставил множество произведений из классического репертуара и немало так называемых «злободневных» пьес, авторы которых, впрочем как и сами спектакли, ныне забыты. Это были идеологически необходимые спектакли, на героев которых должны были равняться коммунары. — Н.Д.

Из газеты «Дзержинец», 19 декабря 1939 г.

«ПАВЕЛ ГРЕКОВ»

«Павел Греков» — замечательная патриотическая пьеса. И один тот факт, что драмколлектив нашего клуба избрал ее для своей постановки, является серьезным шагом в творчестве драмколлектива.

К постановке драмколлектив много и кропотливо готовился. За два месяца кружковцы хорошо изучили роли, характеристики действующих лиц и

дикцию. И неслучайно поэтому постановка имела большой успех у зрителей. В зале нередко раздавались аплодисменты.

Роль Павла Грекова играл Петр Мысин. Он с успехом справился с самой трудной и сложной задачей. Созданный им образ обаятельного, твердого и, вместе с тем, простого человека является образом настоящего большевика, который не пасует перед трудностями, встречающимися на его пути. Особенно зажигательна его речь на заседании парткома, где враги народа сделали Павлу явную ловушку, приписав ему ряд несправедливых обвинений.

Дело доходит до того, что враги, пробравшиеся на стройку, исключают Грекова из партии и отбирают у него самое дорогое — партийный билет.

Павел Греков продолжает борьбу с врагами. Он не считал и не считает себя виновным и добивается полного разоблачения врагов.

Здесь необходимо отметить роль жены Маши — доброго, искреннего человека, которая во многом помогла Павлу. Это яркий тип нашей советской женщины — твердой, решительной и обаятельной. Искренна ее любовь. Она действительный друг Павла. Несмотря на то что враги всячески убеждали ее разойтись с Грековым, потому что он, мол, человек конченный, Маша остается верным другом Павла в самую трудную для него минуту. Роль Маши с успехом играет Валентина Жарская.

Надолго запоминается образ, казалось бы, совсем незаметной роли в спектакле — это образ курьера райкома Исмаила. Эту роль хорошо исполняет Аля Турова.

Несколько бледнее исполнены роли Сеньки Абрамова (исполнял т. Иванов) и Стеценко (исполнял т. Климов).

Роль Ковалева с успехом изучил т. Поляков. Мужественный, правдивый, он с первого же появления на сцене был хорошо понятен зрителю. Это стойкий большевик, заботливый руководитель. Но т. Поляков еще слабо знает текст. Нередко забегает вперед, что крайне вредно.

Хорошо запоминается роль соседки Настасьи Петровны (исполняла т. Михина) и начальника НКВД (исполнял т. Исаков).

Неплохо показаны и отрицательные герои спектакля. Образы Нарзулаева, Сорокина и Карася — это образы презренных врагов народа. Драмкружковцы сумели и здесь показать коварные приемы глубоко ненавистных нам людей. Роли исполняли: Нарзулаева — т. Аронов, Сорокина — т. Илюнин и Карася — т. Карчагин.

Особенно выпукло показаны роли старика-проходчика (исполнял т. Бамбуров) и Мир-Ахметовой (исполняла т. Соболева).

Хорошо исполнена роль секретаря парткома Рыдая (исполнял т. Щеглаков). Неплохо показаны образы Звонковой (исполняла т. Зверева), проводника (исполнял т. Волков).

К недостаткам спектакля нужно отнести, во-первых, то, что еще недостаточно отработаны входы и выходы действующих лиц. Особенно это относится к выходам. Нужно прямо сказать, что кружковцы играют только на сцене, а когда выходят, то совсем забывают о том, что сходят со сцены. Выход — это тоже игра, и кружковцы должны в дальнейшем обратить на это особое внимание.

Драмколлектив клуба спаянный, здоровый. Он с успехом может работать и над серьезными вещами. Нужно лишь серьезнее и глубже изучать свои роли. С этой задачей коллектив может справиться вполне, ибо он работает под руководством опытного артиста Виноградова Н.Н., хорошо знающего театральное искусство — артиста московского драматического театра им. Баумана, и художника — артиста того же театра — Тродоимова.

Драмколлектив ставил постановку «Павел Греков» уже шесть раз и везде, где бы он ни выступал, он всюду имел вполне заслуженный успех. Все это говорит за то, что драмкружковцы с любовью относятся к своему делу, кропотливо работают над собой.

Сейчас драмколлектив работает над новой вещью. Скоро они будут показывать новую комедию Шкваркина «Страшный суд». Нужно надеяться на то, что кружковцы серьезно отнесутся и к этой постановке и покажут нам лучшие образцы своей работы. Премьера состоится 30–31 декабря в клубе поселка.

Мих. Дворянкин

Осмелюсь предположить, что эта пьеса была одним из картонных кошмаров, которые плодились в те годы в большом количестве. Писавшие их люди получали государственные премии, льготы и немалые деньги, но лет через 5–10 начисто стирались из памяти и сами пьесы, и имена авторов. Коммунары были воспитаны хорошими педагогами и на хорошей классической драматургии. В маленькой «критической» статье Мих. Дворянкина чувствуется, что у актеров театра попросту «не лежала душа» к этой пьесе. Многие классические пьесы коммунары пронесли через всю жизнь, ставили их даже в сталинских лагерях и ссылках. — Н.Д.

Владимир Митюшкин

*Из статьи «Смелянские»
«Угрешские вести». 16 августа 2001 г.*

В 1938 году заместитель управляющего коммуной Ефим Павлович Смелянский был арестован и вскоре расстрелян. Его жена Александра Демьяновна «была арестована и направлена в северный лагерь сроком на 10 лет без права переписки. Она мужественно пережила утрату мужа. Много, что она приобрела и видела ранее в коммуне, ей очень помогало переносить все лишения и тяготы лагерной жизни, в том числе и в строительстве дороги. Но особенно ей пригодилась профессия, приобретенная на курсах кройки и шитья. Даже там, в заключе-

*А.Д. Смелянская–Соколовская
после лагеря. 1955 г.*

нии, она продолжала свою активную общественную деятельность. Когда узнала, что бывший артист Киевского русского театра Болеслав Антонович Соколовский организует в лагере театральную труппу, она охотно записалась в нее и играла в спектакле «Горе от ума» и др.

В театре Александра Демьяновна сыграла ряд больших и малых ролей: Феи в «Золушке», Эмеральдины в спектакле «Слуга двух господ», и др. Эти спектакли ставились в коммуне, в ТЮЗе и других театрах, их она хорошо знала и, надо полагать, была сорежиссером Соколовского в труппе лагерного театра. Безусловно, она была и костюмером и шила для артистов костюмы».

А.Д. Смелянская на сцена драмтеатра г. Кинешмы

Схожесть судеб сблизила их. Александра Демьяновна освободилась на год раньше. Она поселилась в Северодвинске и стала ждать Б. Соколовского. После его освобождения они переехали в Кинешму и стали работать в драматическом театре.

Александр Сахнов
Из рукописи «Коммуна». 2002 г.

Наступил новый период в коммуне № 2 ОГПУ им. Дзержинского — второе пятилетие существования коммуны.

На страницах коммунарской прессы стала разворачиваться дискуссия об организации нового самодеятельного театра коммуны на базе ТЮЗа, ТРАМА и драмкружка, «которые будут распущены». Им в вину поставили, что наиболее талантливые члены этого театра «варятся в собственном соку», да и в неполадках с репертуаром. Даже наиболее красочная постановка «Робин Гуд», — понравившаяся детям, оказалась слабой постановкой с «идеологической стороны». Упрекали и в несоответствии спектаклей детскому восприятию.

Во втором пятилетии существования коммуны, значительно усложнились не только задачи производства, но и художественной самодеятельности. Начальник Административно-хозяйственного управления НКВД Иосиф Маркович Островский незадолго до участия коммунаров в программе нового Театра народного творчества провел экстренное совещание руководителей самодеятельных кружков Болшевской и Угрешской коммун. Он поставил перед ними вопрос о «совершенно недопустимом отставании самодеятельного творчества коммун». На совещании руководителям производств строго рекомендовалось беспрепятственно отпускать кружковцев на занятия. Изгнать из коммунарской самодеятельности кустарщину и однообразие стало главной задачей руководителей кружков.

28 февраля и 3 марта в клубе Болшевской коммуны состоялся закрытый просмотр художественной самодеятельности коммун отборочной комиссией во главе с художественным руководителем Театра народного творчества Н.П. Охлопковым. По-видимому, наша коммуна просматривалась второй, то есть 3 марта. Комиссия особенно отметила танец «Метелица», «Икарийские игры» и хор красноармейской песни. К недостаткам были отнесены номера, рассчитанные на детский возраст, номера, повторявшие исполнение московских артистов. Ряд замечаний получили и акробаты Лебедев, Пичугин и Литвинов.

Важным событием было выступление в коммунарской газете Николая Павловича Охлопкова со статьей «Развивать вкус». В ней он высказал несколько пожеланий и наставлений о вкусе. Он писал: «Просмотренные мною два раза выступления художественной самодеятельности Трудкоммуны им. Г.Г. Ягоды и второй убедили меня в наличии хороших дарований, недюжинных творческих способностей у выступающих.

Это значит, что участники художественной самодеятельности могут найти не только для себя радость работы в искусстве, но и поделиться этой радостью с другими, а это самое важное в искусстве...

Надо сделать еще так, чтобы твое искусство было умным, интересным, подлинно веселым и жизнерадостным. Для этого надо не только тренировать свои ноги, руки, бицепсы, горло и пр., но и, прежде всего, повышать свой вкус.

К сожалению, я очень мало знаком с жизнью трудкоммун. Но мне кажется, что надо устраивать экскурсии в музеи, в картинные галереи (Третьяковская, Музей изящных искусств, Музей западной живописи и т.д.), надо ходить на симфонические концерты, в театры и т.п.

А главное, надо больше читать. Это разовьет вкус, сделает человека умнее и талантливее.

Коммунары — талантливый народ. Но с одним талантом далеко не уедешь. Художественные запросы читателей, зрителей, слушателей растут, значит, должны расти и художественные вкусы тех, кто выступает в художественной самодеятельности.

Для этого надо развивать свои вкусы. А чтобы развивать вкус, надо учиться у хороших художников, композиторов, режиссеров, надо учиться по тем произведениям, которые оставили нам гениальные художники прошлого, надо читать лучшие книги, стихи, прозу, надо разучивать лучшие песни.

Я не сомневаюсь в том, что художественная самодеятельность трудкоммун может занять одно из самых первых мест в соревновании с другими коллективами. Этого во что бы то ни стало надо добиться. Не сомневаюсь я в том, что коммунары этого добьются. Повторяю: способностей и талантов на это хватит, надо только систематически и упорно работать над собой».

Важным событием в жизни коммунаров в 1936–37 гг. было их участие в представлениях Московского Театра народного творчества. Лидером программ, бесспорно, был танцевальный коллектив, с которым работал балетмейстер Гейбер. Он около 30 лет проработал в Большом театре. Об этом коллективе москвичи уже знали по его выступлениям в Зеленом театре Парка культуры и отдыха.

Танцевальная группа трудкоммуны. Танец «Метелица». 1935 г.

Театр народного творчества (*ныне театр Сатиры — Н.Д.*) был необычным театром. Идея подобного театра разрабатывалась еще до революции. Но воплотилась в жизнь лишь в 1936 году. Как в знаменитой сказке «Золушка», происходило перевоплощение: вчерашние зрители вдруг становились артистами, но закрывался занавес, смолкали аплодисменты и они снова превращались в зрителей. Для руководства этим новым московским театром был приглашен популярный артист Н.П. Охлопков. А директором был назначен небезызвестный в актерском мире Б.М. Филиппов, хорошо известный своими «Записками домового». Театр возглавили: режиссер Малого театра С.П. Алексеев, А.В. Богатырев, Н.Г. Фрид и С. Михоэлс.

Музыкальной частью руководил композитор Л.К. Книппер, хореография осуществлялась еще мало известным в то время Игорем Моисеевым, физкультурно-акробатическим отделом занялся М.М. Марголин. Кроме того, в эту руководящую группу был включен искусствовед А. Эфрос.

Побывали они и в трудкоммуне № 2.

В результате творческого содружества видных деятелей культуры и наших самодеятельных артистов родились блистательный номер «Снежинки», вихревой танец «Метелица» и др.

Программы в Театре народного творчества менялись каждые пять-десять дней. Дебют нашей программы «Перековка» был настолько удачным, что, по рассказам отдельных его участников, эта программа и выставка художников-коммунаров, экспонировавшаяся в это время в театре, по просьбам москвичей были продлены. О том, что привлекало зрителей в программе наших коммунаров, красноречиво говорилось в одной из рецензий 1937 года: «Театр стремился к сюжетным программам. Но лишь о немногих можно говорить как об удаче. Лучшей из них явилась «Перековка» показ самодеятельности Болшевской и Люберецкой трудкоммун Наркомдела. Задачей постановщика С.П. Алексеева было не только продемонстрировать художественная самодеятельность членов коммуны, но показать зрителю их самих, людей, прошедших школу перевоспитания в системе НКВД. Это определяло и форму организации материала. Спектакль на тему о перевоспитании человека состоял из трех подтем: прошлое людей, их положение в производстве сегодня и художественная самодеятельность. Если последняя подтема требовала только отбора готовых номеров, доработки их внешнего оформления, то в первых двух подтемах постановщик не располагал готовым художественным материалом. Рассказ об истории возникновения коммун, с которого спектакль начинался, сопровождался демонстрацией отрывков документальных фильмов. Вслед за кино — две театрализованные сценки из быта беспризорных и воров, затем — вновь рассказ об их сегодняшнем дне, подкрепленный документальными кино кадрами о Болшевской коммуне.

Как прямое продолжение того, что показывается на экране, через весь зал прошли участники спектакля, несущие продукцию своих предприятий. Дальше все шло по обычному рецепту театра. Но организованность и дисциплина исполнителей и, в первую очередь, прекрасное качество номеров и их особо осмысленная подача отличали «Перековку» от всех спектаклей Театра народного творчества.

СКУЛЬПТУРНАЯ СТУДИЯ

Александр Сахнов

Из рукописи «Коммуна». 2002 г.

Производство гипсовой бытовой пластики было освоено до прибытия в 1928 г. коммунаров из Звенигорода. Алексей Максимович Горький, не сообщая имени руководителя скульптурной студии, говорит, что «их обучает молодой художник, приглашенный из ДОПра, где он сидел, кажется, за растрату. Преподавательская работа его, конечно, оплачивается, и ему сокращен срок заключения. Мальчики делают пепельницы, лепят различные фигурки, портреты Льва Толстого, все это ярко раскрашивается и находит сбыт в кооперативной лавке колонии».

Выпуск стандартной, пусть даже однообразной продукции был вызван повышенным спросом на практически любые товары после долгих лет разрухи. Товары скульптурной студии охотно раскупались как самими коммунарами, так и жителями окрестных сел и деревень. Сознывая себя общественно полезными, коммунары получали удовлетворение от творческого труда.

Горький и Кольцов в своих очерках довольно ярко рассказывали о работах никола-угрешских «ваятелей». Но на этом фактически обрывается информация об их творчестве. Многочисленная бытовая пластика, осевшая в избах сельских жителей, да исчезнувшие скульптуры, некогда украшавшие сады и парки коммуны, являлись косвенными свидетелями работы скульптурной студии.

Преобладающим материалом у студийцев был гипс. Но встречались и глиняные обожженные статуэтки. Например, одна из них изображала пузатого помещика, стоявшего у столика с огромным куском масла. Как правило, такие изделия были одноцветными. Зато не было предела фантазии студийцев при раскраске многочисленных гипсовых амурчиков, копилков в виде животных и т.д. Учитывая, что Горький и Кольцов видели произведения коммунаров в трудкоммуне, функционировавшей всего несколько месяцев, можно утверждать, что скульптурная студия возникла гораздо ранее, когда еще существовал Красный детский городок.

Одной из главных причин внезапного исчезновения скульптурной студии в трудкоммуне нужно считать развернувшуюся в те годы в стране кампанию по борьбе с «принципиальной беспринципностью» в изобразительном искусстве, что считалось не только позором, но и идеологической опасностью. Известный в то время критик А. Курелла отмечал: «При посещении наших универмагов или магазинов, будь то частные, кооперативные или государственные, всякому бросается в глаза все возрастающее количество того, что у немцев называется «тихий ужас». В витринах и внутри на полках вас поражает обилие так хорошо всем известных пастушков, голых женщин с выставленной правой или левой ногой, негров с цветочными ваза-

Памятник В.И. Ленину на территории завода № 1

Бюст Ф.Э. Дзержинского. 1937 г.

Афродита

ми на плече, большеголовых ребят с нежными глазами, дамочек в тюлевых юбочках, чернильниц с изображениями крестьян и рабочих из гипса...» Эти произведения, а также другой ширпотреб с изображением вождей, подчеркивал критик, приобретались благодаря появившимся у рабочих и крестьян некоторым «излишкам» в бюджете.

Нельзя забывать, что коммуна № 2 была подведомственная ОГПУ, и подобное искусство, как говорилось, было вырублено на корню, возможно даже, после критических замечаний Горького и Кольцова. К сожалению, мы не знаем, кто руководил этой студией. И все же, несмотря на это, деятельность скульпторов не осталась бесследной. По крайней мере, именно педагог и учащиеся студии были авторами первого памятника — бюста Ф.Э. Дзержинского, установленного в парке перед монастырем.

Кроме бюста Дзержинского, в ряде скверов и парков коммуны были поставлены и другие бюсты, в том числе и Горькому. Коммунары любовно ухаживали за садами и парками и устроили там фонтаны. Центральное место занимал фонтан в нижнем парке коммуны — его украшала скульптурная группа с Афродитой в центре.

У скульптуры «Олень»

Вполне возможно, что этот фонтан, находившийся в банях на Петровке, попал в Николо-Угрешский монастырь не без помощи работников ОГПУ в конце 20-х или начале 30-х гг. Украла «Афродиту» в сентябре 1990 года.

Была в коммуне и еще одна скульптура — «Олень». Она была установлена в монастыре на большом камне-песчанике. У этой скульптуры любили фотографироваться и коммунары, и гости, благодаря чему мы имеем возможность иметь о ней представление. Но и она был утрачена в 40-е годы.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СТУДИЯ

А.П. Хотулев в изостудии. Неизвестный художник. 1932 г.

*Александр Сахнов
Из рукописи «Коммуна». 2002 г.*

Среди многих творческих коллективов угрешской трудкоммуны, где коммунары могли приобщаться к разным видам искусства, особое место принадлежало изостудии, которой многие годы руководил Анкита Петрович Хотулев. Ныне современник и ученик Ильи Ефимовича Репина незаслуженно забыт, а эпизодические упоминания о нем даже у искусствоведов содержат порой по несколько ошибок в имени и фамилии.

Анкита Петрович родился в 1872 году в Можайском районе, в деревне Макаровка. В одиннадцать лет юноша был отдан в ученье к одному из московских художников. С ним он участвовал в росписях и занимался иконописью. Полученные им навыки художественного мастерства позволили ему поступить в Училище живописи, ваяния и зодчества. Он его окончил в 1895 году. В 1896 году он прибыл в Петербург и поступил в Академию художеств, где занимался в мастерской И.Е. Репина.

У Репина молодой художник научился точно передавать характер изображаемых людей. Научился видеть натуру. Тонко моделировать лицо. По окончании в 1900 году Академии художеств А. Хотулев, очевидно, сблизился с писателями, поэтами, художниками — разночинцами. После декабрьских событий 1905 года А.П. Хотулев становится ответственным редактором издаваемого Г.М. Нарышкиным журнала «Светает». Уже первый номер за 1906 год поразил читателей невиданной для того времени смелостью. На обложке были изображены сидящие на ветке хищные совы, держащие в лапах повешенных на нитках птиц.

Второй номер журнала, вышедший 5 марта, был еще более резок. На обложке изображен в карикатурном виде солдат, держащий в руках отрубленные человеческие головы. На других страницах — изображение человека за решеткой, изображение у забитой досками бесплатной столовой полицейских и на первом плане — женщины с детьми. На последней странице журнала рисунок кладбища с надгробиями. На них надписи: «здесь покоится... свобода». Внизу написано: «Все свободы родились 17 октября и скончались 17 октября». Во втором номере были впервые опубликованы фамилии известных писателей, поэтов и художников, которые должны были сотрудничать в журнале. Среди них Александр Куприн, Федор Сологуб, Николай Фешин и другие.

Вскоре А.П. Хотулев был арестован и заключен в известную в Петербурге тюрьму «Кресты». Выйдя на свободу, он едет в Москву и организует классы рисования и живописи, с головой окунается в педагогическую деятельность. В советский период он совершил много поездок в различные центры богатейшей русской художественной культуры, где производил учет произведений искусства, организовывал их охрану и собирал музейный фонд.

В 1926 году А.П. Хотулев прибыл к воспитанникам Красного городка МОНО на Угреше и организовал студию живописи. Кроме нашей студии в трудкоммуне он, по-видимому, вел еще одну — в Москве. Она преобразована из классов рисования и живописи, созданных им еще до революции, после освобождения из тюрьмы и переезда в Москву. В 1928 году ей было присвоено имя Репина.

Наряду с этим художнику приходилось в течение ряда лет преподавать рисунок в инженерно-строительных и архитектурных техникумах и вузах.

Добираться на работу в трудкоммуну А.П. Хотулеву было нелегко, тем более что студия, по рассказам бывших студийцев-коммунаров, работала ежедневно. До Люберец он ездил на поездах, которые ходили редко, но еще труднее было добираться до Угрешы — по грунтовой дороге, пешком, а если были деньги, то и на линейке. Шоссе и железной дороги тогда не было и в помине.

Анкита Петрович пользовался линейкой, которой правил гремячевский крестьянин Николай Маслов. Дружеские отношения, видимо, сложились у них надолго. Благодаря этому нам представляется возможность увидеть графический портрет Н.С. Маслова, выполненный Хотулевым 5 января 1933 года.

А.П. Хотулев проработал в трудкоммуне № 2 шесть лет до 1932–33 года. Петр Андреевич Кузнецов, его соратник, утверждал, что он работал до 1936–37 года. Возможно, это более верно, так как преемник Хотулева — художник Б.В. Иогансон — впервые посетил изостудию лишь в 1936 году.

Вначале изостудия, как и скульптурная студия, располагалась в помещениях гостиничного комплекса монастыря. Недостаток помещений для занятий с лихвой восполнялся, в особенности в летнее время, пленэрным характером занятий. Исключительная живописность монастыря и окружающей его природы привлекла, прежде всего, к натурным зарисовкам. Пейзаж был самым распространенным и наиболее любимым жанром студийцев.

Первозданная, заповедная природа, не тронутая еще дорогами, шоссевыми и железными, индустриализацией и массовым строительством, влекла сюда как известных художников, так и начинающих. Местность от монастыря вплоть до рязанской железной дороги была настоящей мечтой для художников. Наши места привлекали не только разнообразными природными мотивами и наличием многих деревень, где на лето можно было за небольшую цену снять дом или комнату. Они были тогда популярны хорошо организованным паломничеством к архитектурно-художественному ансамблю Николо-Угрешского монастыря, еще неперестроенного.

В этом отношении особенно любимой у художников была так называемая «Ждановская» дача, которая располагалась в самом начале деревни Гремячево. По рассказам старожилов, долгое время ее снимала какая-то художница и там останавливался Нестеров. Близ Краскова писали свои этюды Коровин и Поленов. Возле Жилино можно было видеть братьев Аладжаловых. Сюда любил наведываться художник и искусствовед Игорь Грабарь. После поездки в Америку он, по-видимому, открыл для себя, «что лучше и живописней, чем Россия и наши места в особенности, нет!» Он написал множество этюдов у косинских озер и в Жилино, которые ныне хранятся во многих музеях России. Бывал здесь и известный художник-педагог Крымов.

Художники, приезжавшие в наши места, были притягательным примером для сельских мальчишек и, безусловно, для наших колонистов и коммунаров. Они обучались не только у своего руководителя Анкиты Петровича, но учились и у маститых художников, наблюдая за их работой. С возникновением и ростом коммуны задачи изостудии постоянно усложнялись, так как студийцы занимались не только «чистым» ремеслом, но и принимали самое активное участие в жизни коммуны. Это была работа над декорациями к многочисленным спектаклям, оформление праздничных колонн, площадей, стадиона, монументально-декоративное оформление заводских, клубных и других общественных зданий и помещений в них.

Естественно, для занятий в студии и оформительских работ требовались краски, кисти, холсты и другие материалы, и для их приобретения коммунарам выдавали деньги.

Масштабы работ изостудии стали настолько велики, что очень скоро возникла острая потребность во вспомогательном подсобном помещении — складе. И было решено рядом с клубом возвести такой двухэтажный флигель за левым крылом клуба, во дворе напротив окон библиотеки. В этом

В студии

флигеле хранили декорации, картины коммунаров, ведь у многих не было своего жилья. В 1941 году, когда немецкие самолеты бросали «зажигалки» на наш поселок, этот флигель сгорел от прямого попадания.

Анкита Петрович Хотулев внимательно относился к каждому из своих воспитанников, стараясь развить заложенное в них природой. Некоторые студийцы стали впоследствии профессионалами, некоторые избрали другую профессию, но никто из них не расстался с живописью.

Анкита Петрович Хотулев, несмотря на большую педагогическую деятельность, много работал как рисовальщик и живописец. В период работы в изостудиях Москвы и Угреше он совершил в 1932 и 1935 годах творческие поездки на Север и в Ростов Великий. Эти поездки он мог совершить вместе с руководителями трудкоммуны в места заключения, в том числе в известные Соловки, для отбора и «перековки» в трудкоммуне нового контингента.

Между древнейшими монастырями на Соловках и Угреше как бы оживала средневековая связь. Крепостные сооружения этих монастырей служили в разные столетия тюрьмами. Но теперь некоторых соловецких заключенных ждала свобода на Угреше.

Во время первой поездки А.П. Хотулев написал много пейзажей, среди них «Север», «Хибины», «Кандалакша», «Село Онега», «Рыбаки Приморья». Еще более плодотворной была вторая поездка, во время которой он

создал цикл работ, посвященных архитектурным ансамблям Ростова Великого.

Помимо несомненно талантливого педагога А.П. Хотулева, выстраивается цепочка других художников, занимавшихся со студийцами Угрешской трудкоммуны: Северденко, Иогансон, Щегаль и Танклевский. Все они, безусловно, работали в нашей коммуне значительно меньше, чем Хотулев. Примерно в период с 1936 по 1941 год все они внесли определенный вклад в обучение наших студийцев.

Одним из наиболее важных событий в жизни болшевских и Николо-Угрешских коммунаров стал своеобразный творческий отчет, проходивший в апреле 1936 года в Театре народного творчества в Москве.

В этом театре была развернута обширная выставка картин и рисунков художников двух трудовых коммун. Она разместилась в нижнем и в верхнем фойе, буфете и других помещениях театра. Каталог выставки, выпущенный восьмьютысячным тиражом, свидетельствует о популярности этой выставки.

Перечислим участников выставки нашей коммуны и их произведения.

Герасимов Б. представил 8 работ: «Портрет старика» (масло), «Голова старика» (сепия), ряд натюрмортов, картина «Девочки» (масло).

Горлов Н. представил 29 работ маслом, карандашом, углем, пером. Среди них: «Музыкальная фабрика», эскизы картины «Не дадим погибнуть» — судя по названию, о беспризорниках. Кроме того, пейзажи деревни, карьера, а также акварель «В бильярдной». Привлекли внимание зрителей его портреты и натюрморты.

Иваньков П. представил 12 работ. Среди них: эскиз к картине «В общезитии вечером», картины «В коммуне», «Мальчик у стола» (масло), акварельные и карандашные портреты, пейзажи и другие работы.

Ильин А. — три работы: «Портрет мальчика», «Этюд», «Солнечный день».

Кузнецов П. — 15 работ маслом, 5 акварелей и работу углем «Девушка». Пейзажи маслом — «Деревня Кишкино», «Вязы», «Опушка леса», «Околица», «Осень в парке», «Дворник», «Сарай» и ряд этюдов; портреты подростка, старика и женщины. Кроме того, акварельные пейзажи Москвы-реки.

Малышев С. Один из самых трудолюбивых студийцев. Он писал пейзажи для малого зала клуба, много декораций к спектаклям коммунаров. На выставку представил 10 работ: картины «Свежая газета», «Дворник», «Портрет старика», «Портрет подростка» и натюрморты — все маслом; карандашные портреты мальчиков.

Политов И. — 12 работ. Портреты маслом, в том числе портрет студийца Н. Пушкина, пейзаж «Москва-река», этюды и натюрморты маслом.

Пушкин Н. — 7 работ: маслом — картины «В парке», «Перед дождем», «Уголок коммуны». Кроме того, рисунок пером «Морж» и этюды.

Сорокин В. — 16 работ. Картины маслом: «Беспризорники», «Яблоки», «Дворник», пейзажи и натюрморты; графические работы, зарисовки пастелью и сепией, а также автопортрет.

Чернышев И. — 9 работ. Портреты старика, мальчика, наброски, натюрморт, а также жанровую картину «В шалмане. Проигрался».

Все работы датированы преимущественно 1934–35 гг., т.е. когда студийцы прошли основательную художественную школу А.П. Хотулева. На выставке не было работ двух студийцев из Угрешы — Сергея Львова и Егора Поднебесного, которые уже с осени 1935 года учились в ленинградской Академии художеств в мастерской И.И. Бродского.

Владимир Митюшкин
Из статьи в газете «Угрешские вести»

КОММУНАРЫ — ХУДОЖНИКИ

Я вспоминаю разговор с художником Н.Н. Горловым у него на квартире. Он с упоением рассказывал о коммунарах, которые, по его мнению, были честнее на «три головы» обычных людей. «По тому времени, — подчеркивал он, — мы жили как аристократы. Пацанами попав в коммуны, мы окунулись сразу в большой мир искусства. Мы впитали в себя все самое лучшее. Днем мы писали в саду этюды или ехали с Иогансоном в Третьяковскую галерею или Абрамцево, а вечером я, например, играл в симфоническом оркестре пятую симфонию Бетховена. Мы жадно стремились к культуре, и нам ее давало государство и безумно талантливые люди. Порой нам казалось, что мы в лицее Пушкина».

При этих словах мне вдруг невольно вспомнился портрет А.С. Пушкина, исполненный сухой кистью. Он висел в конце коридора в школе рабочей молодежи, где я учился в 50-х годах. Внизу на портрете имелась подпись, свидетельствующая, что его нарисовал Федор Ступников, воспитанник изостудии. Впоследствии Федор Андреевич рассказывал мне, что его в изостудию «завел» брат Иван Андреевич (погиб в начале войны — *прим. авт.*).

Ф.А. Ступников родился в 1922 году. В коммуне находился с 1936 года. Ушел добровольцем на войну, освобождал Прагу. После войны, с 1947 по 1951 год, руководил изостудией вместе с товарищем-студийцем Кузнецовым Петром Андреевичем. Но это был уже новый пласт в истории города, который завершился радостным событием для горожан и Федора Андреевича, подарившего городскому музею на первом Дне города свою картину с видом Николо-Угрешского монастыря.

К сожалению, мы знаем далеко не все имена и фамилии студийцев. П.А. Кузнецов назвал мне некоторые: Николай Кудрявцев — родственник заместителя управляющего коммуной Смелянского, Володя Миронов, Сапенко, Малышев Сергей Ильич.

Важные дополнения внес бывший студиец с 1928 г. Петр Михайлович Усов. Он назвал еще фамилии: Чернышев, Иванов, Г. Барсуков, погибший в войну, и Герасимов, умерший в 1943 году от туберкулеза.

Еще он рассказал, что студия работала ежедневно с 10 до 15 часов. Академический час был 45 минут. Ребятам управляющий коммуной П.С. Перепелкин разрешал писать этюды в саду, располагавшемся за сте-

ной между Архиерейским домом и скитом.

Важно упомянуть еще одного художника из д. Жилино, у которого останавливались многие художники, в том числе и И.Э. Грабарь. Это Александр Иванович Важнов. В 1925 году он поступил на рабочий факультет искусств им. А.В. Луначарского во ВХУТЕМАСе. Газета ВХУТЕМАСа «Красный Октябрь» отмечала работы Важнова как одни из самых красочных, они отличались хорошей композицией и зрелостью.

По окончании рабфака Александр Важнов продолжил обучение в Ленинграде, в мастерской И.И. Бродского. Там он учился вместе со ставшими впоследствии известными художниками: Непринцевым, Лактионовым, Яр-Кравченко.

А. Лактионов выполнил однажды литографический портрет А. Важнова и подписал: «Саша Важнов. Соученик по мастерской Исаака Израилевича Бродского. А. Лактионов». Так деревенский паренек вошел в историю искусства. Рассказал я эту историю потому, что путь в искусство А. Важнова мог стать заразительным для наших коммунаров. Иначе нельзя объяснить странное поведение студийцев А.П. Хотулева, решившихся вдруг пригласить преподавателей Московского художественного института в свою студию.

П.А. Кузнецов рассказывал, что последние полтора–два года А.П. Хотулев преподавал, а Иогансон и Щегаль наведывались как шефы, а «потом Хотулев отошел, а они взяли студию в свои руки». С.С. Киселева, автор альбома о Сорокине, допустила в нем одно из странных высказываний: «Было бы преувеличением утверждать, что Хотулев обладал какой-либо стройной системой педагогики». Эти два факта заставляют предположить, что смена руководителей изостудии прошла небесконфликтно.

Итак, помимо несомненно талантливого педагога А.П. Хотулева, выстраивается цепочка других художников, занимавшихся со студийцами Угрешской трудкоммуны: Северденко, Иогансон Б.В., Щегаль Г.М. и Леонид Захарович Танклевский. Все они, безусловно, работали значительно меньше А.П. Хотулева. Примерно в период с 1936 по 1941 год все они сделали определенный вклад в обучение наших студийцев, особенно большое влияние на работы студийцев оказал весьма опытный Григорий Михайлович Щегаль.

К такому выводу я пришел неожиданно, когда обратился в 1979 году к поиску художников Кукрыниксов, якобы неоднократно бывавших у наших студийцев. Поиск затянулся надолго. Я связался с 94-летним Н.А. Соколо-

*П.С. Перепелкин
в яблоневоm саду. 1930 г.*

Вид на поселок с колокольни. 1938 г.

вым, который категорически заявил, что ни он, ни Михаил Куприянов никогда не были на Угреше. Они многие годы жили поблизости, в Вешняках, и ездили в Малаховку смотреть кино, но к нам никогда не приезжали. Так осталась неподтвержденной информация, полученная мною от Порфирия Николаевича Крылова, второго из известного словосочетания — «Кры».

Из моей беседы с Крыловым, состоявшейся 17 ноября 1979 г., выяснилось, что он в этот день вместе с Щегалем посетил нашу студию. Он рассказал: «Я вспоминаю, там была группа молодых ребят, одеты были плохо, да, собственно, и мы были одеты не лучше. Григорий Михайлович показал мне работы ребят. Особенно мне запомнился натюрморт Горлова Николая. Что можно сказать? Чувствовалось, что студия была дружная — одна семья. Ребята отнеслись к нам тепло. Они во время моего рассказа смотрели прямо в рот».

Порфирий Крылов рассказал угрешским коммунарам об изостудии, организованной в Туле, на патронном заводе, в 1919 году, руководил которой Г.М. Щегаль, работавший теперь в трудкоммуне имени Дзержинского. О нем он отзывался как о самом опытном педагоге.

По словам Ф.А. Ступникова, нашу коммуну посетил и художник Г. Нисский, и многие другие. Возможно, со временем появятся и новые сведения о наших студийцах.

СПОРТ

Александр Сахнов

Из рукописи «Коммуна». 2002 г.

Еще в XIX веке при постройке Николо–Угрешского народного училища значительная часть территории к югу от него была отведена для занятий физкультурой. На обширной площади перед домом зрителя и учителей, окаймленной с трех сторон березовой рощей, разместились спортивные сооружения и карусель.

Этот своеобразный спортивный комплекс вряд ли претерпел какие–либо изменения вплоть до 1928 года. Скорее всего, к этому моменту коммунары уже освоили производство отдельных видов спортивного инвентаря, футбольных мячей, обуви. Об этом упоминал в своем репортаже Михаил Кольцов.

С организацией трудкоммуны на Угреше спорт становится одним из приоритетных видов воспитания коммунаров и молодежи окрестных деревень.

Немало труда вложили в популяризацию и развитие спорта в трудкоммуне председатель совета спортивного общества «Динамо» Николай Викторович Ерарский, Борис Валентинович Куликовский и особенно Дмитрий Корнильевич Осипов, замечательный педагог–спортсмен.

С началом их работы в коммуне бывший монастырский спортивный комплекс получил свое дальнейшее развитие. К северу от хозяйственных зданий монастырского гостиничного комплекса был возведен стадион с футбольным полем и беговыми дорожками. «Трибунами» служили с южной стороны скамеечки, а с северной — склон земляной трассы. Планировка

Д.К. Осипов с воспитанниками. 1939 г.

На футбольном поле. 1935 г.

Волейбол в трудкоммуне. 1935 г.

этого стадиона коммуны хорошо сохранилась до настоящего времени, и молодые жители города, гуляя в парке Победы, там, где скульптура мальчика, даже не догадываются, что они ходят по футбольному полю. Кроме этого, были возведены теннисные корты, баскетбольная, волейбольная и городошные площадки, а также здание совета ДСО «Динамо», где размещались администрация и раздевалка для спортсменов. Там же выдавали спортивный инвентарь.

Юные спортсмены и спортсмены со стажем — «старички» — проводили на спортивных площадках тренировки и календарные встречи. Особенно торжественно было в дни Спартакиад, когда на открытии стали развеваться на ветру динамовские флаги.

С началом проведения футбольных игр приток зрителей и гостей на первый стадион значительно увеличился, и перед руководителями коммуны возник вопрос о строительстве нового стадиона «Динамо» с трибунами. И такой стадион стали возводить среди березовой рощи у крутого берега полноводной в то время речки Угреши (ныне стадион «Орбита»). Его футбольное поле выполнили по тем же самым размерам, какие имело футбольное поле московского стадиона «Динамо».

Особенно много работы было на стадионах в дни подготовки к физкультурным парадам в Москве. Такая подготовка длилась целый месяц и была серьезным экзаменом для тренеров и юных спортсменов. Одновременно на каждом стадионе отработывали четкий шаг и разные упражнения более сотни человек. Не пустовали и спортивные залы коммуны в клубе и в соборе.

Большой успех в коммуне имели выступления гимнастов. Опытнейший педагог Дмитрий Корнильевич Осипов закончил два вуза: медицинский и физкультурный. Он с большим вниманием и тактом подходил к каждому юному спортсмену. Лидия Илларионовна Ваваева рассказывает, что у нее в детстве было слабое сердце и она без конца болела. И вот однажды Дмитрий Корнильевич обратился к ее родителям: «Дайте мне девочку, я из нее сделаю человека!» Так она попала в группу гимнасток, среди которых бы-

Физкультурный парад на 1 Мая. 1935 г.

ли Татьяна Николаевна Рудко и Варвара Александровна Базарова. Они с нетерпением ждали каждого занятия, после которого радостные бежали купаться на пруд или уходили с тренером в Петровский лес и собирали ландыши.

Занятия гимнастикой помогли Лидии Илларионовне не только излечить свой недуг, но и стать вскоре чемпионкой Московской области. Не отставали от нее и ее подруги и друзья: Коля Рогов, которому довелось играть в теннис с его тезкой Николаем Озеровым, ставшим впоследствии известным спортивным комментатором, Гриша Чаплыгин, Сева Рудинский, Андрей Калинин, Витя Базаров, Коля Алямовский, Вячеслав Захавин и др.

В апреле 1937 года на открытии 2-х Всесоюзных гимнастических соревнований в Москве юный динамовец из трудкоммуны № 2 Витя Базаров поднял флаг соревнований. Команда юных гимнастов Московской области состояла тогда почти полностью из питомцев Николо-Угрешской трудкоммуны и заняла первое место в соревнованиях. 12 июня 1937 года 350 юных динамовцев-коммунаров приняли участие в параде физкультурников на Красной площади в Москве. Крепкие, загорелые, маршем прошли они по улицам Москвы на Красную площадь. В их рядах были и гимнасты.

В коммуне была и боксерская школа, тренером которой был чемпион Московской области в среднем весе Ключков. Спортивной ареной становились и Москва-река, и пруды, где состязались пловцы. 30 мая 1937 года на Москва-реке происходили соревнования глассеров с подвесными моторами. Первое место занял водно-моторный клуб им. Баранова, второе — «Спартак» и третье — «Динамо», команда трудкоммуны им. Дзержинского. Наши коммунары особенно гордились этим почетным местом, так как на их глассере стоял мотор ЗК-500, собранный в отделении лодочных моторов нашего завода «Спартак».

Большой вклад в организацию спортивной работы в трудкоммуне внес председатель совета ДСО «Динамо» Николай Викторович Ерарский, в спортивном мире Москвы фигура известная. Спортивное хозяйство коммуны было большое, и для его успешного функционирования с северо-западной стороны первого стадиона было выстроено здание совета ДСО с обширной пристройкой. В нем размещались комнаты председателя и секретаря — Екатерины Михайловны Петровой, а также бухгалтерия.

Бурное развитие спорта в коммуне требовало энергичных усилий Николая Викторовича. Вне всякого сомнения, хорошая организация спортивной работы — подбор тренеров, формирование футбольных команд, строительство стадионов со спортивными объектами, организация футбольных и хоккейных встреч с известными в то время клубами Москвы и других городов, других спортивных соревнований — его заслуга. Проводилась эта работа при самой активной поддержке руководителей коммуны и всех коммунаров.

Ерарский приехал в трудкоммуну в 1931 году. Наряду со спортивной деятельностью, Николай Викторович работал с 1932 г. в Кишкинском сельсовете. Впоследствии работал секретарем у Смелянского. Был на войне, работал с Василием Сталиным. В звании подполковника был уволен в запас. В последние годы был директором Центрального московского трамплина. Ну а сестру его жены Зои Михайловны — Екатерину Михайловну — старожилы хорошо знают как председателя Дзержинского поссовета.

Зарождение общества «Динамо» в нашей трудкоммуне нужно отнести к концу 1920-х годов, когда в мастерских, находившихся рядом с первым стадионом, было положено начало поточного производства спортивной обуви. И надо полагать, что немалой популяризации футбола в нашей коммуне

способствовали сопредельные районы тогдашней Москвы, охваченные футбольной страстью, — у Рогожско-Симоновской заставы. «Занести» футбол в Угрешу могли и воспитанники Красного детского городка, прибывшие из детских домов Салтыковки и соседних «футбольных районов» — Новогиреева и Орехова-Зуева. Не в загоне был футбол и в соседних Люберцах.

Футбол в Николо-Угрешской трудкоммуне существовал, по-видимому, с первых дней ее создания. И казалось, что команда коммунаров, по их головному предприятию «Спартак», так и должна была именоваться. Но решающую роль сыграла ведомственность. Команда трудкоммуны не могла называться иначе как «Динамо». Запись в

Татьяна Рудко. 1938 г.

Д.К. Осипов и Е.Я. Рудинский. 1938 г.

спортивное общество «Динамо» проводилась в августе–сентябре 1936 года. До этого периода был физкультурколлектив трудкоммуны № 2. Он находился в ведении сектора физкультуры, заведующим которого был Н.В. Ерарский, старшим инструктором — Д.К. Осипов.

Футболистов, прибывающих в коммуны в качестве вольнонаемных, трудоустроивали на работу в цеха предприятий. Они составляли костяк основной, первой команды. Наиболее опытные футболисты являлись инструкторами (тренерами) других команд коммуны. Команд было много, но в официальных играх принимало участие пять. Когда в коммуне был один стадион, то начинали играть утром и заканчивали нередко вечером при электрическом освещении.

Степан Захарович Скрынин — старейший судья всесоюзной категории — с печалью и улыбкой рассказывал: «Еще тяжелое было время. 1932 год. После футбольного матча коммунары нас покормили и показали свою коммуны, размещавшуюся в бывшем Николо-Угрешском монастыре». В то время коммуна действительно располагалась в монастыре и его гостинично-хозяйственном комплексе.

Время было тяжелое. Страна голодала. Но в коммуне этого не чувствовалось. Коммуна в то время была особой зоной со своим хозяйством, своими деньгами-бонами, а самое главное — фабрикой-кухней. Многие команды охотно ездили на футбольные матчи в Николо-Угрешскую коммуны, чтобы потом там поесть.

К сожалению, за отсутствием архива коммунаров, не представляется возможным точно воспроизвести хронологию футбола в коммуне, особенно в период ее зарождения. Лишь отдельные фотографии с записями дат и результатов встреч позволяют частично восполнить этот пробел.

Если об играх наших футболистов в 1932 году мы располагаем самыми незначительными сведениями, то о 1933 годе вообще никакой информации не найдено. Надо полагать, что команда коммунаров еще находилась в стадии становления. Видимо, не без стараний Н.В. Ерарского в нашу команду стали приходить из других клубов более опытные игроки: Капелькин, Чибисов, Кузнецов, Глазунов и др.

С приходом зимы расположенная среди лесов трудкоммуна превращалась в сказочное царство. И тут у физсектора было особенно много работы. На футбольных полях заливались катки. А так как хоккейных команд было больше, чем футбольных (прибавлялись еще две женские команды и

Ныряльщики трудкоммуны. 1935 г.

несколько детских), то в спортивные арены превращались и замерзшие пруды, которые нужно было вовремя расчищать от снега. Конечно, центральной зимней ареной по-прежнему являлся первый стадион коммуны, где наряду со спортивными играми устраивались зимние праздники.

Особенно красочной была ледовая арена в новогодние праздники. Наличие в коммуне электро- и радиозаводов сыграло не последнюю роль в их оформлении. Разноцветная иллюминация и музыка очаровывали приходивших вечером после работы или в воскресенье и праздничные дни коммунаров. Ведь это было в то время, когда еще не везде были радио и электричество. И елка, зажигаемая Дедом Морозом, казалась настоящей сказкой даже для взрослых. Такую елку ставили посреди катка, на льду которого отражались высокие сосны с гирляндами огней.

Но особенно было радостно и весело, когда устраивали маскарад и объявляли конкурс на лучший костюм. Коммунары брали костюмы в клубе или шили сами. Особенно много фантазии и выдумки проявляли учащиеся школы. Татьяна Николаевна Рудко вспоминает: «Костюмы были необыкновенно чудесны. Особенно запомнилась Ночь — девушка в черном костюме с блестящими звездами на голове. Под звуки музыки все кружились в хороводе. Особенно все были очарованы катанием Николая Чибисова. Красивый, румяный, он плавно, в такт музыке кружил по скользкому льду, вызывая улыбки у одних и вздохи у других девушек из соседних деревень, пришедших посмотреть праздник».

Не обходилось и без сюрпризов. Первый приз был как-то вручен юноше, костюм которого состоял из одних трусов и вот в таком костюме он несколько часов катался на коньках, изображая «очень закаленного спортсмена».

Судя по фотомонтажу, помещенному в журнале «СССР на стройке» за 1934 год, со стадиона коммуны брали старт лыжные пробеги, причем не только по окрестным деревням и селам, но и на более дальние расстояния, например до станции Раменское 23 февраля 1935 года. В то время были модны агитпоходы, а расстояния не смущали руководство спортсектора и коммуны.

Принимая участие в футбольном первенстве Москвы, наши команды участвовали и в играх по хоккею с мячом. В большинстве своем играли те же самые футболисты.

Спортивные площадки, тир, танцплощадка были удачно рассредоточены на обширной площади среди березовых и сосновых рощиц. Большой пруд с запада в летние месяцы существенно расширял границы спорткомплекса. Плеск воды, радостные крики купающихся сливались в единое царство радости и веселья, дополняемое мощными аккордами возгласов футбольных болельщиков, когда наша команда забивала мячи именитым московским командам.

Примыкавший с востока клуб направлял в спорткомплекс, ставший своеобразным зеленым театром коммуны, свои лучшие оркестры, танцоров и чтецов, веселых затейников. В свою очередь, сам клуб открывал двери малого зала, где могли тренироваться футбольные команды, зал для тренировок гимнастов и помещения для шашистов и шахматистов.

Сохранила свою преемственность и площадка для молодняка. Уцелевший от пожара 1919 года двухэтажный домик учителей и смотрителя стал детской технической станцией. Там дети коммунаров находили себе занятия по душе в одном из кружков: авиамodelьном, фото и др. Мальчики к па-

Купание в верхнем пруду. 1935 г.

*Выступление сатириков на сцене
зеленого театра. 1935 г.*

радам в коммуне мастерили себе броневики, а девочки под руководством Надежды Ивановны Данилиной мастерски изготовляли цветы.

Оживление в спорткомплексе царило с утра до позднего вечера. Когда темнело, на площадках вспыхивали яркие огни. А где-то рядом прорезал темноту луч кинопроектора и на висящем между деревьев экране вспыхивали титры только что привезенного фильма.

Событием для коммунаров стало введение в строй нового стадиона «Динамо». На большом пространстве, хорошо обозреваемом с трибун, маршировали спортсмены, готовясь к парадам в Москве или праздникам в коммуне. Безусловно, изюминками таких праздников были гимнастические художественные композиции, поставленные Д.К. Осиповым и А.М. Забозлаевым.

Одна из таких композиций, с которой выступали наши гимнастки на Красной площади, — живой цветок, с распускающимися и закрывающимися лепестками-девушками, покоряла сво-

ей красочностью всех присутствующих. Центральную часть подвижной вышки заключала фигура Вари Базаровой с флагом. Вознесенная ввысь фигура Вари, устремленные в небо взгляды девушек-лепестков как бы символизировали время, которое призывало к подвигам.

Разлив Москвы-реки. 1933 г. Фото члена фотокружка трудкоммуны

Евсей Рудинский
Из рукописи
«Трудкоммуна № 2 им. Ф.Э.Дзержинского.
О спорте в 1935–1940 гг.»

В трудкоммунах № 2 (наша) и № 1 (Болшевская) одним из методов перевоспитания бывших правонарушителей было вовлечение в занятия многими видами спорта, в числе которых футбол, русский хоккей, легкая атлетика, лыжи, коньки, гимнастика, теннис, волейбол, спортивная стрельба и др.

Для этого была создана и необходимая материальная база, привлекались высококвалифицированные тренеры, выделялись немалые денежные средства.

В нашей коммуне им. Дзержинского было 2 стадиона с трибунами, причем на верхнем стадионе была современная по тем временам 400-метровая гаревая беговая дорожка, сектора для прыжков в высоту и длину, сектора для всех видов метания (кроме молота), 2 теннисных корта с тренировочной стенкой. За трибунами была раздевалка и душевые кабины. Зимой оба поля заливались под катки, на которых проводились конькобежные соревнования, игры в русский хоккей и которые служили для массового катания на коньках всех, кто хотел. На Москве-реке была лодочная станция, на верхнем пруду — вышка для прыжков в воду. Примерно в 1937 г. (точно не помню) был построен лыжный трамплин высотой до 24 м с соответствующей горой приземления. Был построен и постоянно работал тир.

Рядом с верхним стадионом в зимнее время работала лыжная станция, которой руководил Николай Зернов. Лыжи и лыжная обувь содержались в отличном состоянии и выдавались бесплатно всем желающим.

Все, что делалось в спортивном плане в коммуне, безусловно переплеталось с огромным развитием массового спорта в стране, теперь уже в далекие 30-е годы.

Первые заслуженные мастера спорта СССР — Яков Мельников, Мария Шаманова. Сдача норм комплекса ГТО 1 и 2 ступени, БГТО, «Ворошиловский стрелок», ПВХО, ГСО, международные встречи по футболу (Турция, Чехословакия, приезд басков и др.). Международная рабочая олимпиада в Антверпене (победители в спортивной гимнастике Николай Серый и М.Тышко)... Я хорошо помню, каким престижным было это отличие — значок ГТО. Физкультурный комплекс получил признание всех народов СССР.

В 30-е годы образовалась ведущая группа, которая готовилась к соревнованиям на первенство Московской области. Почти все призовые места в группе девочек и мальчиков и одно призовое место в группе юношей заняли представители школы Осипова Д.К.

Я перечислю тех, кто составил костяк сборной команды по гимнастике Московской области на I Всесоюзных юношеских соревнованиях: Шура Макушина, Абрам Нейстат, Андрей Калинин, Коля Алямовский, Лида Петрова, Витя Базаров. Это был март 1937 г.

В 1938 г. на 2-ых Всесоюзных соревнованиях по гимнастике в сборную команду от Московской области (4 мальчика до 16 лет, 4 девочки до 16 лет, 4 юноши до 18 лет и 4 девушки до 18 лет) вошли наши гимнасты: Шура Макушина, Лида Петрова, Варя Базарова, Витя Базаров, Сева Рудинский, Андрей Калинин, Коля Алямовский.

Бег по гравейной дорожке. 1935 г.

В 1939 году на 3-их соревнованиях команда Московской области была представлена от нашей гимнастической школы Шурой Макушиной, Ниной Грушенковой, Лидой Петровой, Соней Ямницкой, Витей Базаровым, Колей Роговым, Андреем Калининком, Севой Рудинским.

В 1940 г. на Всесоюзные соревнования в команду Московской области вошли: Шура Макушина, Нина Трушенкова, Соня Ямницкая, Рая Григорьева, Коля Рогов, Витя Базаров.

Наибольших успехов в гимнастике добились:

Шура Макушина — 2 раза чемпионка Московской области в разряде девочек, 2 раза чемпионка Московской области в разряде девушек, 2-е место по СССР в разряде девочек, чемпионка «Динамо» в 1939 г. — в разряде девушек;

Юные гимнасты. 1939 г.

Витя Базаров — 2 раза чемпион Московской области в разряде мальчиков;
Соня Яницкая — 1 раз чемпионка Московской области в разряде девочек;
Нина Трушенкова — 2 раза чемпионка Московской области в разряде девочек;

Сева Рудинский — 2-е место по Московской области в разряде мальчиков;

Андрей Калинин — 2-е место по Московской области в разряде мальчиков.

Все перечисленные участники Всесоюзных соревнований по гимнастике в командных городских и областных соревнованиях входили в призовую тройку городов и областей. Вот какую сильную команду юных гимнастов сумел за несколько лет создать Д.К. Осипов. При довольно развитой в то время детской гимнастике в таких городах Московской области, как Ногинск, Раменское, Орехово-Зуево, Коломна, Люберцы, сборная команда Московской области более чем наполовину была представлена школой гимнастики при небольшой по численности трудкоммуне № 2 им. Э. Дзержинского.

Многие из упомянутых мною ребят и девушек навсегда связали свою жизнь со спортом. Поступили и закончили Московский ордена Ленина институт физической культуры: Александр Коротков, Александр Пекарев, Владимир Мартынов, Вячеслав Захавин, Александра Макушина (с отличием). Спортивный факультет МОПИ окончил Андрей Калинин. Физкультурный техникум окончили Нина Трушенкова и Соня Яницкая.

Вячеслав Захавин занимал большие должности в спортивном движении. Он был 1-м заместителем председателя комитета по делам физкультуры и спорта при Совете Министров СССР, председателем федерации лыжного спорта СССР, неоднократно возглавлял нашу делегацию на зимних олим-

На стадионе. 1935 г.

пийских играх. Владимир Мартынов возглавлял комитет физкультуры и спорта Полтавской области.

Все получившие спортивное образование многие годы посвятили преподавательской и тренерской работе. Многие их ученики стали мастерами спорта, участниками Олимпийских игр.

Все перечисленные мною были участниками Великой Отечественной войны. Многие на ее фронтах погибли: Федор Соколов, Абрам Нейстат, Валентин Мальцев, Валентина Трушенкова. От полученных многочисленных ран вскоре после войны скончался Лев Репин.

К сожалению ушли уже из жизни Александр Коротков, Александр Пекарев, Владимир Мартынов, Вячеслав Захавин, Александра Макушина-Рудинская, Николай Рогов, Андрей Калинин.

Я уже упомянул, что Валя Трушенкова была очень сильной лыжницей и легкоатлеткой. Всегда веселая и жизнерадостная, верная в дружбе, она пользовалась большим авторитетом и любовью буквально у всех, кто ее хорошо знал или просто был с ней пусть даже немного знаком. Помню, что за победу в одних из соревнований по бегу на лыжах она из рук прославленного летчика Валерия Павловича Чкалова получила очень красивый кубок. Валя гордилась этой наградой.

В 1940 г. она поступила в Московский физкультурный техникум, отлично училась. Но настал июнь 1941 г. Окончив краткосрочные курсы медсестер, Валя стремилась попасть на фронт, но была направлена на Тихоокеанский флот. После многочисленных рапортов она все же добилась своего и уже в начале 1942 г. принимала непосредственное участие в боях Великой Отечественной войны.

В феврале 1942 г. мужественная девушка, прекрасная спортсменка Валентина Васильевна Трушенкова погибла смертью храбрых.

Рассказывая о спорте в трудкоммуне № 2 им. Дзержинского, нельзя не вспомнить о тех, кто много сделал для массового вовлечения жителей коммуны в занятия физкультурой и для достижения спортивных успехов.

Это конечно управляющие коммуной Павел Степанович Перепелкин, Ефим Павлович Смелянский, Дмитрий Корнильевич Осипов, работники 22-го райсовета ДСО «Динамо»: Борис Валентинович Куликовский (погиб в ВОВ), Екатерина Михайловна Петрова.

Много сил и знаний отдали спортсменам прекрасные тренеры, выходцы из нашей коммуны: Серафим Семенович Лукьянов, Владимир Семенович Лукьянов, Александр Михайлович Забозлаев.

О том что спорт был действительно массовым, говорит хотя бы следующее: в первенстве Московской области по футболу от нашей коммуны выступало 7 команд; была женская хоккейная команда (помню, что особенно выделялись Клава Титова и Люда Дорофеева).

Я упомянул, конечно, далеко не всех, кто составлял гордость 1-й футбольной команды. Это Сергей Капелькин, Николай Калгушкин, Иван Чибисов, Николай Федоров (Майор), Федор Плакшенов, Михаил Львов, Пугачев, Константин Романов (2-я ком.), Александр Кузнецов (2-я ком.), Владимир Глазунов, Зверев (Ходя), Захаров, Зенкин.

Были у нас и энтузиасты планерного спорта. На том месте, где сейчас стоят дома по Клубному переулку (ныне ул. Бондарева), делали свои первые полеты Иван Устинов и всеобщий любимец Иван Зиборов.

Физическая закалка, полученная в детстве, безусловно, помогла многим из нас перенести многие трудности военного времени.

Вячеслав Захавин. 1968 г.

В 1940 г., будучи курсантом Мелитопольского Военно-авиационного штурманского училища, я получил 1-й разряд по гимнастике и стал готовиться по программе мастеров. Война помешала осуществить заветную мечту — стать мастером спорта по гимнастике, но зато мастером спорта стала моя жена Шура Макушина. Кандидатами в мастера спорта стали Нина Трушенкова, Софья Ямницкая, Андрей Калинин. 1-е разряды по легкой атлетике имели упомянутые выше Коротков, Пекарев, Мартынов.

Многие годы я пробыл на летной работе в ВВС. Во время ВОВ летал на пикирующем бомбардировщике ПЕ-2. Недавно отметил свое 92-летие. Продолжаю работать. По-прежнему люблю спорт. Утреннюю зарядку делаю обязательно.

Владимир Митюшкин
«Угрешские вести» 11 сентября 1997 г.

ПУТЬ В АВИАЦИЮ

Романтика 30-х годов, овеянная легендами и былями дальних странствий, новых открытий и поисков, будоражила и звала молодежь в неизведанное: в непроходимые дебри тайги, в ледяные просторы Арктики и барханы южных пустынь, в неприступные горы и подводные глубины океанов и морей. Еще до прибытия в Николо-Угрешскую коммуну многие будущие коммунары вкусили, правда, несколько иной дух романтики, и, понимая это, руководители коммуны старались свою работу поставить таким образом, чтобы их мир открытий и мечтаний детства воплотить в жизнь.

Вспоминая о том времени, Анна Ивановна Белякова, тогда Аня Кнutowa, говорит: «Мы особенно загорелись мечтой, когда прозвучал клич «Молодежь, на самолеты!» Аня тринадцатилетней девочкой приехала в 1931 году в коммуну из небольшого городка Лебедянь Липецкой области. Приехала к сестре Е.И. Мотасовой, работавшей здесь мастером-кондитером. Училась в школе рабочей молодежи, размещавшейся тогда на первом и втором этажах церкви Успения, и работала на заводе Р-4. В 1933-34 годах занималась художественной самодеятельности.

Однажды в день авиации в 1934 году для активистов трудкоммуны были устроены «катания» на У-2, построенном на средства коммунаров и вольнонаемных. Его стоянка была в ангаре люберецкого аэродрома, и в этот день

он прилетел на летное поле трудкоммуны, располагавшееся между деревней Кишкино и шлюзом. Около десяти человек удостоились чести полетать с летчиком по кругу: Коломна, Молоково (Ирининское), кишкинский луг. В числе их была и Аня Кнutowa.

Страстно бились сердца ребят во время полетов, и они решили связать свои судьбы с авиацией. По инициативе Андрея Литвинова и других ребят, не раз паривших на планерах над кишкинским лугом, было решено организовать первую в районе парашютную школу. В 1935 году они поехали в Тушино в Центральный аэроклуб им. А.В. Косарева и обратились к известному мастеру парашютного спорта Якову Давидовичу Мошковскому. Он с 1933 года являлся начальником Высшей парашютной школы. Видя го-

Справа Анна Кнutowa. 1934 г.

Подготовка к полету с инструктором. 1934 г.

Занятие в любительском аэроклубе. За штурвалом Анна Кнutowa. 1935 г.

Федор Сметанин. 1936 г.

рячее желание ребят заниматься в школе и изучать парашютное дело, он, несмотря на то что уже основная группа была укомплектована москвичами, распорядился о создании дополнительной группы слушателей от Ухтомского района — из трудкоммуны № 2. В нее вошли: Устинов И.Ф., Литвинов А.А., Фаевцов Ф., Вербин В., Захарьев Е., Кнутова А.И., Серебренникова Т. и др.

В выходные дни наши ребята ездили в тушинский аэроклуб и изучали парашютное дело, отработывали движения, изучали устройство самолета непосредственно на аэродроме.

Радостным днем для А. Кнутовой стало 12 февраля 1936 года, когда она в Тушино с самолета Р-5 совершила свой первый прыжок с парашютом. Движение в стране за освоение авиации разрасталось. Многие тогда хотели стать летчиками и парашютистами. Наши коммунары пригласили однажды к себе в клуб Я.Д. Мошковского и других гостей.

Зал клуба заполнили до отказа мальчишки и будущие допризывники. На одном из таких собраний Ане Кнутовой вручили значок парашютиста. За первой группой парашютистов, в которой была Аня, последовали другие. Их теоретические занятия стали проходить с 1936 года уже в Ухтомском аэроклубе, располагавшемся в двухэтажном деревянном здании на Октябрьском проспекте недалеко от перекрестка.

Практические занятия осуществлялись на летных полях Краскова и Люберецкого аэродрома, интенсивно застраиваемого ныне новыми жилыми кварталами Москвы. Начальником Ухтомского аэроклуба был Сукоркин Александр Иванович. После получения теоретической подготовки курсанты отправлялись на практические занятия в Красково. Там тогда находился ангар для нашего У-2 и ангар для Р-5 самолета Бауманского аэроклуба Москвы.

Также были помещения для курсантов. Ухтомский аэроклуб функционировал с 1936 года и подготовил много летчиков запаса РККА. Слушатели курсов после этого могли продолжить свое обучение в гражданских и военных летных училищах. Бывшие питомцы Ухтомского аэроклуба храбро сражались на фронтах Отечественной войны, некоторые из них стали Героями Советского Союза.

Федор Иванович Сметанин. 1975 г.

Начальником летной части Ухтомского аэроклуба был Серебренников. Он обучал всех наших коммунаров — учлетов и инструкторов. Многие парашютисты трудкоммуны стали тогда летчиками-инструкторами: Березовский, Мушко, член коммуны Цивкин, Устинов и другие.

Иван Федорович Устинов начал свой путь в авиацию со своим другом Иваном Зиборовым с освоения планеров, на которых они сначала слетали с пологих холмов там где впоследствии был построен Клубный переулок. Затем — взлеты с кишкинских высот и, наконец, осуществление его мечты — он летчик-инструктор. Эту профессию он совмещал с работой в коммуне до самой войны. Когда пришла война, он ушел на фронт и мужественно сражался с врагом. Его храбрость была высоко оценена, и он был награжден многими правительственными наградами.

Курс Ухтомского аэроклуба закончил Сметанин Федор Иванович, работавший на электротехническом заводе коммуны.

Не обошлось в Ухтомском аэроклубе и без романтической истории. Федор Сметанин был безответно влюблен в Аню Кнutowу. Ухаживал за ней он по-рыцарски красиво: все цветы от Угрешы до Ухтомки принадлежали только Ане. Наконец он сделал ей предложение руки и сердца и получил отказ. «Зачем же мы будем плодить нищету, — ответила практичная Аня, — учиться надо!» Федор Иванович был не из тех, кто просит дважды. Он уехал из ставших родными мест и поступил сначала в летное училище, а потом началась война... Наши герои совсем потеряли друг друга из вида. — Н.Д.

Федор Иванович Сметанин сражался на фронтах Великой Отечественной войны, получил боевые ордена и медали. Впоследствии его направили на учебу в военную академию, по окончании которой он по-прежнему был связан с авиацией и стал генерал-лейтенантом.

Анна Кнutowа стала Анной Ивановной Беляковой, выйдя замуж за начальника транспортного цеха Василия Белякова, была председателем поссовета пос. Дзержинского, потом долгие годы депутатом Дзержинского поссовета... Сметанин тоже женился, родились дети, окончили МГИМО. Федор Иванович всю жизнь дружил семьями со Степаном Микояном...

Встретиться со своей первой любовью ему все-таки очень хотелось. И когда в городе Жуковском, где жил Сметанин, праздновали 60-летие ДОСААФ, Федор Иванович пригласил на праздник Анну Ивановну Белякову. Она увидела перед собой не мальчишку из Ухтомского аэроклуба, а боевого генерал-лейтенанта. «Что ж, не судьба, значит, мне генеральшей быть», — сказала Анна Ивановна. — Н.Д.

В авиацию шли и наши спортсмены. Евсей Яковлевич Рудинский поступил в 1940 году в Мелитопольское военно-авиационное штурман-

ское училище. С начала войны он служил на Севере. С 1943 года вплоть до окончания войны его пикирующий бомбардировщик ПЕ-2 совершал рейды на захваченные немцами города Белоруссии, затем — Брест, Варшава, Познань. Наступил долгожданный 1945 год. Евсей Яковлевич 27–29 апреля летал на Берлин, а 30 апреля был последний вылет на Потсдам. Он имеет около 20 наград.

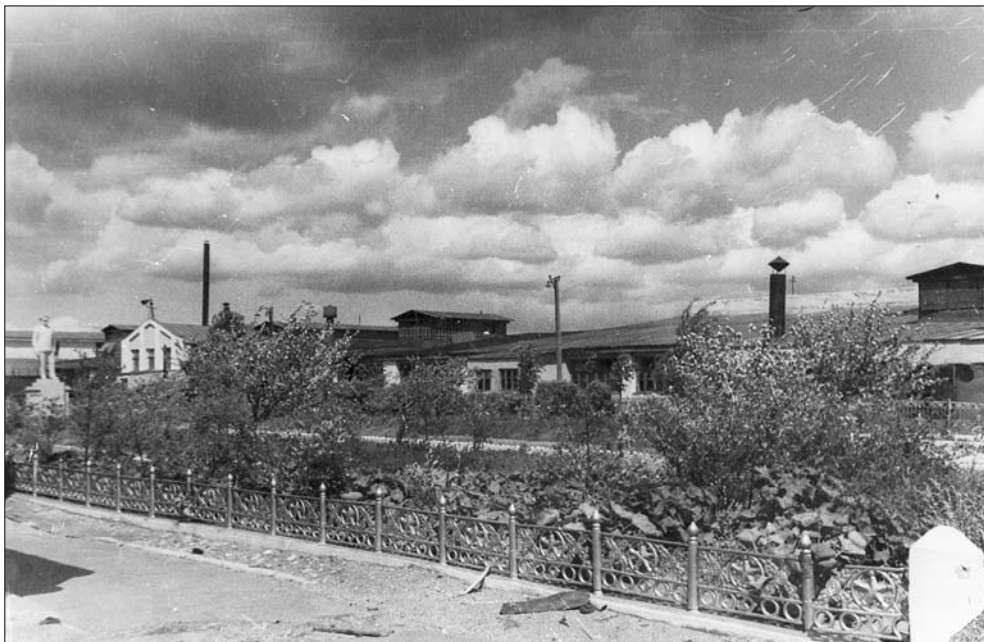
Владимир Митюшкин

ИТОГ ЭПОХИ ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ

Из материалов, опубликованных в газете «Угрешские вести»

Руководство коммуны опиралось на работу активов. Они играли важную роль в учебно–воспитательном и производственном процессах. И в Болшевской коммуне, и в нашей их работой руководили центральные бюро (ЦБА). В такие бюро наряду с воспитателями входили представители активов заводов и фабрик, учебных заведений и клубов.

Успешная работа активов первой и второй коммун осуществлялась вплоть до начала 1937 года, когда наступил особенно сложный и противоречивый период, известный как репрессивное время. Время переоценки ценностей, время огульного охаивания и пересмотра работы трудкоммун. И все это происходило в то время, когда наши коммунары добились особенно больших успехов на производстве, в культуре и спорте!

Статуя И.В. Сталина в пос. трудкоммуны. 1937 г.

*Памятник Ф.Э. Дзержинскому
Установлен в 1938 г.*

На страницах периодической печати коммун развернулась суровая критика в отношении деятельности центральных бюро активов, которые вместе с самими активами предлагалось ликвидировать как организации. В укор членам бюро ставилось то обстоятельство, что такие важные вопросы, как подбор кадров, осуществление нововведений и изменений в коммуне, обсуждались и утверждались на бюро без учета мнений профсоюзной и партийной организаций. А это, как подчеркивали авторы статей, развивало у работников актива пренебрежительное отношение к этим организациям. При этом в расчет не бралась специфичность коммунарских условий. По мнению авторов «перестройки» коммун, от работы в активах должны были быть освобождены все старые члены коммун — выпускники, их предлагалось переключить на общественную работу по профсоюзной линии. Актив коммун предлагалось «омолодить» за счет новых коммунаров.

Стараясь «подпевать» в унисон кампании «разоблачения» врагов народа, авторы-критики клеймили позором Ягоду, Погребинского, Смелянского, Островского и других руководителей ОГПУ, внесших немалый вклад в ликвидацию беспризорности и преступности малолетних. Хотя и они не могли не от-

метить, что «сотни активистов при этом учились, приобретали знания в учебном комбинате, росли, становились гражданами, шли в вузы. <...>

Наверное, работа активов была небесспорной. Но все же нельзя очернять принципы актива, сотни членов этой организации. Нужно уметь отличать плохое от хорошего, вредное от полезного.

Если порочным было старое руководство, то кто отнимет у нас право пересмотреть ряды актива, дать этой организации другое направление в работе...» Как бы подытоживая, критики подчеркивали, что демобилизовать,

отстранять от активной общественной работы сотни коммунаров, по меньшей мере, невыгодно для коммуны.

Отвергая деятельность ЦБА, критики считали, что руководить активами должны воспитательные части на местах, т.е. на производствах, для чего предлагалось проведение общих собраний не менее двух раз в месяц. Не вступая в острое противоречие в связи со структурным изменением работы активов, старший воспитатель воспитательной части коммуны № 2 Рабков в одной из заметок в «Дзержинце» отмечал, что «актив коммуны с центральным бюро упразднены, но это не значит, что у воспитателя не стало актива, наоборот, его стало больше, он стал действенный. Избранные по общежитиям комиссии являются выборным активом, который обязан отчитываться о своей работе перед избирателями. Этот молодой подвижный актив должен быть опорой для воспитателя, который, в свою очередь, должен руководить и направлять работу этого актива. Только тогда будет видна работа».

После февральского Пленума ЦК ВКП(б) черные тучи опустились над Болшевской и Николо-Угрешской трудкоммунами, хотя они достигли к этому времени внушительных успехов, а наша трудкоммуна готовилась отметить десятилетие. И многое было достигнуто не вопреки, а благодаря умелой работе активов. Если в 1930 году на предприятиях коммуны работало 1022 человека, то в 1937 году это количество возросло до 4091 человека. Производительность труда увеличилась в 23 раза. Красноречивы были и другие основные показатели. Если в 1930 году средняя зарплата одного рабочего составляла 1172 рубля, то в 1937 году она увеличилась до 3258 рублей. Сумма в 733 200 рублей, выделенная на культурно-массовые мероприятия в 1933 году, выросла до 2 971 800 рублей в 1937 году. Почти в шесть раз увеличилась сумма, выделяемая на содержание детских учреждений коммуны. Вместо праздничной, юбилейной обстановки на предприятиях коммуны и других объектах нагнеталась атмосфера подозрительности и недоверия. Слишком мало было «разговоров о бдительности», а это был отход от выполнения важнейших решений Пленума ЦК. Газета «Дзержинец» призывала к «беспощадному выкорчевыванию охвостья фашистского подполья в районе, в нашей коммуне... Давайте поглядим вокруг себя строгими, зоркими глазами, предъявим обвинения и потребуем объяснений. Хватит благодушествовать! Враг притаился между нами... Все контрреволюционное охвостье в районе и коммуне должно быть разгромлено. Мы отвечаем за это перед родиной».

Психоз репрессивного времени нанес большой ущерб не только производству, но и культуре, и спорту, а самое главное — людям, в том числе многим коммунарам. И все же, несмотря на это трудное время, а также реорганизацию трудкоммуны в комбинат, работа всех его предприятий, всех его звеньев была немислима без плодотворной работы активов, которые являлись сущностью тогдашней общественной жизни.

Александр Сахнов
Из рукописи «Коммуна». 2002 г.

1936, 1937, 1938 годы были самым тяжелым временем в истории коммуны, когда была репрессирована почти вся верхушка руководства. А.М. Чекмазов выступил в газете «Дзержинец» 23 июля 1937 года. Уважаемый в коммуне руководитель, сложную судьбу которого работники НКВД любили ставить в пример, заявил: «Все эти годы мы выполняли то, что нам предлагало старое руководство НКВД. С нашими возражениями совершенно не считались, а говорили: «Мы так диктуем и быть посему». И диктаторы, главным образом Погребинский и Островский, многих из нас делали снова ворами, т.к. жизнь на полном обеспечении, не дающая ни квалификации, ни твердой закалки к правильному пути и трудовой жизни всей коммуны, возвращала многих на старый путь».

Отгремевшее дело первого секретаря комитета партии П.Ч. Павлова бросило тень на управляющего коммуной Е.П. Смелянского, который окружил заботой и вниманием его родного брата-коммунара. 17 июля 1937 года местная печать сообщала, «что в районе Павлов был не одинок. При его содействии в коммуне укрывался приемный сын расстрелянного обер-бандита Каменева Глебов-Каменев... Брат Павлова жил и работал в коммуне, окруженный заботой, вниманием и покровительством Смелянского».

В конце 1936 — начале 1937 года в трудкоммуну № 2 прибыл в качестве воспитанника за какие-то прегрешения того времени молодой Смеляков (на самом деле его посадили в 1935 году по ложному обвинению в участии в антисоветской группе. — Е.Н.Е.). Он получил назначение на работу в редакцию новой газеты «Дзержинец», которая стала выходить в апреле 1937 года два раза в неделю и являлась теперь органом только одной Николо-Угрешской коммуны.

Смеляков, так же как и Чекмазов, не удержался от призыва к расправе с врагами народа. Он опубликовал в «Дзержинце» свое стихотворение «Воля народа», где поддержал расправу над «мерзавцами», «убийцами», как их называли палачи НКВД:

Памятник Ф.Э. Дзержинскому
Фото 1995 г.

Я. СМЕЛЯКОВ

Поражение мастера

РАССКАЗ

Шахматный кружок завода существовал полгода. На завтра назначили встречу с известным столичным мастером. Он согласился приехать и дать сеанс одновременной игры.

Я не шахматист. Но вечерами, устав от воя духового оркестра, кружения пар в танцевальном зале, грохота биллиардных шаров, упорно не падающих в дузы, как будто им платили за это, — заходил к шахматистам и, пользуясь тем, что в их комнате курли и молчали, покусывая папиросу, подолгу смотрел не столько на доски, как на важные лица игроков.

Я опоздал к началу сеанса. Знаменитый мастер с необычайной для этой медлительной игры быстротой двигал белые фигурки и вновь возникал перед начинавшим ряд бухгалтером на столько внезапно, что бедный не успевал опомниться и лишь бессмысленно жевал приболевшие губы.

Мастер был прекрасен, сосредоточен, молот. Рыжие курчавые волосы венчали его голову и заставляли забывать о маленьком угловатом росте. Слишком короткие брючки позволяли всем увидеть новые шелковые носки, напоминающие расцветкой два коротких выстрела в пол.

Кружковцы первичали, морщили лбы, загорались несбыточными надеждами, несли подвоха в простейших ходах мастера, а самые малодушные, сдерживая биение сердца, сдавались не задолго до середины игры. Я видел, как у розовощёкого мальчишки после каждого хода мастера брови неожиданно взлетали к самой вершине лба. Я видел, как наливались кровью затылки побеждаемых. Слоны пересекали шахматные доски, лошади делали затейливые скачки, пешки валились от усталости и — чего скрывать — многие короли позорно прятались в углубках за купеческие пачки туров, за слабые спины двух — трех равнодушных пешек и робко выглядывали через их головы, ожидая неминуемого ужасного

Мастер стремительно передвигал маленькие ноги и стучал деревянными фигурками. Он не сводил глаз с досок: белые и черные фигурки сшибались в его зрачках.

А за овном простиралась дивная майская ночь. Весенний ветер колыхал ветви деревьев. Из темноты выступали белые кусты черемухи. Кругом прева сирень. Недалеке, почти неслышно, журчала река. Из-за леса на темное небо со свистом влетал рассыпающийся фейерверк. Девушки, опьяненные душным томлением и вздохами, покорно опускали глаза, и под старыми деревьями на низких скамейках там и здесь вспыхивали поцелуи. Невозможно забыть этих ночей в середине мая!

Вот уже сдался слесарь Васяка, обломивший наконец зубы на белых пешках мастера. Тяжело вздохнув, выбыл из строя бухгалтер. Король табельщика Речкина позорно бежал от близкой гибели, покинутый защитниками и подружками. Староста кружка выискивал в листок фамилию очередной жертвы. Мастер неответствовал. Кругом валялись окурки и пепелки. Оставалась неоконченной всего одна партия. Мастер, ожидая ответного хода, под-

нял глаза на партнера и увидел, что над доской, закусив губу, наклонилась девушка. И какая девушка! Черные легкие волосы, ясное нежное лицо, чуть-чуть поднятое плечо — во всем ее облике было столько очарования и здоровья! Он был отделен от нее целым полем, на котором ржали кони, и ляг мечей заглушал голос трубы войны. Я следил за мастером и один во всем мире видел, как стоял он, сутулый, откинувшись назад, расставив руки, и глядел с восхищением в упор круглыми голубыми глазами. А когда и она, оторвавшись от доски, улыбнулась ему в ответ — судьба последней шахматной партии была решена. Мастер поблелел, качнулся, и сдавленным голосом прошептал «сдаюсь», — быстрой рукой смешил фигуры.

Все ахнули! Девчонка, которую обыгрывал каждый, которая месяц назад утверждала, что конь может ходить сразу через пять клеток, дала мат мастеру Союза!

И они прошли мимо нас вдвоем — мастер и женщина — в майскую ночь, под звезды. И перемежая улыбки и вздохи с гамбитами и дебютами, мастер подпрыгивал, как мальчиш, и сиял.

Фотоэтикет А. ПОЗДЕЕВА.

Публикация Я.В. Смелякова в газете «Дзержинец» от 2 июня 1937 года

*И во веки веков, до скончания мира,
Не померкнет сияние наших знамен.
Будь же проклята ложь тухачевских, якиров,
Восьмерых уничтоженных нами имен.*

Поэт, кстати, мог встречать маршала Тухачевского в коммуне, где тот заказывал себе скрипку. Очевидно, стыдясь подобных своих вирш, Смеляков впоследствии никогда не вспоминал о Николо-Угрешской обители.

В действительности, Смеляков помнил об этих годах всю жизнь, чему свидетельством его стихотворения «Машенька» и другие. Подробнее см. стр. 185-218 настоящей книги. По понятным причинам поэт предпочитал не говорить об этом вслух. А вышеприведенные стихи он написал, скорее всего, по приказу главного редактора, не исполнить который не мог, поскольку был членом коммуны и подчинялся ему. — Е.Н.Е.

А беспочвенные обвинения в адрес руководства коммуны нанизывались одно на другое. Привыкшие в эти годы к открытости люди вынуждены были молчать и потворствовать. В результате человек, ставший приемным отцом для сотен коммунаров, был арестован и расстрелян в феврале 1938 года. По сведениям родственников Е.П. Смелянского, его тело было захоронено на общем кладбище в Бутове. Незадолго до этого застрелился Погребинский.

Время «неусыпного поиска врагов народа», научившее людей скрытности, воспитавшее в них боязнь при желании высказаться, серьезно затруднило поиск документов и свидетельств для составления полной подробной истории недалекого прошлого нашего города, где, как ни странно, ничуть не меньше белых пятен, чем в нашем знании древности.

Указом СНК СССР от 30 декабря 1938 года Люберецкая трудовая коммуна им. Ф.Э. Дзержинского была переведена на положение государственных предприятий промышленности, подведомственных НКВД.

Указом ВЦИК от 10 августа 1938 года рабочий поселок, сложившийся вокруг коммуны, был назван и зафиксирован на картах как «Дзержинский рабочий поселок». В том же году на площади напротив монастыря на средства коммунаров и их силами был установлен памятник Дзержинскому.

30 декабря 1938 года Совнарком СССР принял решение о реорганизации Люберецкой трудкоммуны в промышленный комбинат НКВД им. Ф.Э. Дзержинского с включением в него заводов № 1, № 4, «Спартак», лодочных моторов, электрозавода.

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

П.С. Перепелкин в своем кабинете в архиерейском доме. 1930 г.

Начальник транспортного цеха С. Беляков с одним из коммунаров. 1937 г.

МАТВЕЙ САМОЙЛОВИЧ ПОГРЕБИНСКИЙ

М.С. Погребинский — человек-легенда, прототип киногероя Сергеева (артист Н. Баталов) из фильма «Путевка в жизнь», в основу сюжета которого была положена история Болшевской и Люберецкой трудкоммун. Не имея педагогического образования, он взялся за изучение специальной литературы, советовался с педагогами, ездил за опытом к А.С. Макаренко. Ночи проводил среди беспризорников у асфальтовых котлов, выдавая себя за «своего», ходил по камерам домзаков, беседовал с их обитателями. И напряженно размышлял над тем, какой должна быть система воспитания в коммуне. По его мнению, здесь требовалось нечто иное, чем в детских колониях Наркомпроса. В них ребяташек чрезмерно опекают, дают все готовое, а ведь у воров и без того преобладают паразитические наклонности. Нет, в трудкоммуне пусть подростки все для себя делают сами. Главное — труд, приобретение профессии, полная добровольность пребывания в коллективе. Никакой охраны, никаких решеток, никакого принуждения. В деле перевоспитания следует использовать воровские законы, соответственно переориентированные, склонность воров к романтике. Они ненавидят «лягавство» — измену своим. Что если направить эту ненависть против тех из них, кто станет нарушать устав будущего учреждения, то есть воровскую спайку, основанную на страхе, преобразить в чувство товарищества, общности судьбы? Так складывались совершенно новые, еще не виданные в мировой педагогической практике методы воспитания, ставился уникальный эксперимент, потребовавший для своего осуществления уникальных деятелей. Погребинский их нашел. Это были педагог старой школы, заведующий детской колонией беспризорных имени Розы Люксембург в Москве, человек, бесконечно влюбленный в свое дело, Федор Григорьевич Мелихов и деликатный, интеллигентный врач Сергей Петрович Богословский, с которым Погребинский вместе воевал в гражданскую.

*М.С. Погребинский
(1895–1937)*

**ФЕДОР ГРИГОРЬЕВИЧ МЕЛИХОВ,
СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ БОГОСЛОВСКИЙ,
МАТВЕЙ САМОЙЛОВИЧ ПОГРЕБИНСКИЙ**

Федор Григорьевич Мелихов «всегда мечтал о педагогических опытах большого размаха». Во всяком случае, его краткосрочная, но весьма успешная деятельность в коммуне им. Розы Люксембург в 1924 году побудила Погребинского перевести это учреждение под Москву, в качестве ядра будущей трудкоммуны ОГПУ № 1.

Удалось ли Мелихову в Болшеве осуществить свои мечты — неизвестно. Он не оставил ни воспоминаний, ни литературных произведений о своей работе, как это сделал Макаренко. М.С. Погребинский стал автором двух книг о Болшевской коммуне. Поэтому данное учреждение обычно ассоциируется с именем этого чекиста, а фамилия бывшего учителя Мелихова его современникам ничего не говорила; мы даже не знаем, как он выглядел.

Портрет его заместителя с дней основания коммуны — «беспартийного врача», человека с «психологическим чутьем» — Сергея Петровича Богословского, «которого Погребинский знал еще по Сибири как самоотверженного работника, активного борца с сыпным тифом», включен в издание «Болшевы». Его воспоминания сохранились в виде стенограмм бесед с ним от декабря 1933 г. и апреля 1934 г., проведенных в рамках вышеупомянутого проекта книги о коммуне. Богословский заменил Мелихова, по всей очевидности, летом 1927 г., когда последний стал заведующим трудкоммуны ОГПУ № 2 в Николо-Угрешском монастыре.

Горький очень высоко ценил деятельность Погребинского во всех трудкоммунах ОГПУ. В цикле очерков «По Союзу Советов» он называет его, как и Макаренко, «ликвидатором беспризорности». Пролетарский писатель, в 1929 году посетивший Соловецкий лагерь вместе с Погребинским, характеризует его как «человека неисчерпаемой энергии и превосходного знатока мира социально опасных». Он носит рыжую каракулеву шапку кубанских горцев, и «социально опасные» зовут его Кубанка. Он говорит с ними на «блатном» языке тем же грубовато-дружеским и шутливым тоном, как и они с ним.

Наверное, благодаря Горькому с чекистом смогли познакомиться ряд других писателей из его окружения, в том числе А. Фадеев, А. Толстой, Вс. Иванов, В. Киршон, Л. Сейфуллина, с которыми он встречался и состоял в переписке... Так, в одном из писем А. Фадеева к Горькому можно прочесть: «Я живу сейчас на даче под Уфой — много пишу (самому пока что нравится то, что пишу, а это дает хорошее настроение), катаюсь верхом и на лыжах, пью кумыс. Кругом дремучие снега, и целыми днями солнце. Пестует меня Мотя Погребинский, — Вы его знаете — человек, которого я очень люблю... Он человек незаурядный, талантливый и очень добр — в самом конкретном и не пошлом смысле, т.е. небескорыстно добр. Работа его с ворами и беспризорниками — лучшее подтверждение этого».

М.С. Погребинский был человеком неисчерпаемой энергии. Он успевал «курировать» все трудкоммуны в Советском Союзе, приезжая то в одну, то в другую. В Люберецкой трудкоммуне ОГПУ № 2 он был огромное число раз, и каждый его приезд был радостным событием для воспитанников, управляющего и воспитателей.

М.С. Погребинский в феврале 1937 г. был начальником УНКВД Горьковской области; узнав об аресте Г.Г. Ягоды и других чекистов из его окружения, 4 апреля покончил жизнь самоубийством, застрелившись в служебном кабинете. В предсмертном письме он сообщил, что не желает далее «соучаствовать в творимых беззакониях».

Нижегородскому историку-краеведу И.В. Берельковскому, который занимался изучением горьковского периода деятельности Погребинского, удалось найти в Государственном общественно-политическом архиве Нижегородской области некоторые документы о реакции партийных органов на смерть популярного чекиста. Следующие факты, характеризующие положение на месте, заслуживают особого внимания.

5 апреля 1937 г. в связи с самоубийством Погребинского (член ВКП(б) с ноября 1919 г., делегат XVII съезда 1934 г. — «съезда расстрелянных», член бюро обкома партии) состоялось внеочередное экстренное заседание бюро Горьковского обкома ВКП(б) с единственным вопросом повестки дня: «О самоубийстве т. Погребинского М.С.». На этом заседании постановили:

«1. Бюро обкома партии считает позорным и недостойным советского гражданина, тем более члена партии, поступок Погребинского. Совершив самоубийство, Погребинский показал себя малодушным человеком.

Бюро обкома в самой резкой форме осуждает этот поступок Погребинского.

2. Ввиду того что в оставленных записках Погребинский связывает свое самоубийство с отрешением от должности Нар. Комиссара Связи Ягоды, просить центральные следственные органы провести следствие по этому делу».

Тов. Соколов (секретарь Партколлегии Комитета партийного контроля) выступил с такими словами: «По-моему, обком партии, в том числе и я, просмотрели этого врага. Погребинский застрелился, оставил письмо, в котором он связывает свое самоубийство с отрешением от должности и преданию суду Ягоды. Здесь дело не в малодушии, а этот акт самоубийства был актом, направленным к тому, чтобы скрыть от партии правду, не дать возможности эту правду рассказать и тем самым не помочь партии».

Далее запротоколированные реплики: «Давайте исходить из того, что Погребинский — сволочь, что Погребинский — враг, что Погребинский — мерзавец», «А мы же знаем, что Погребинский был «царь» воров, и всех урков, и всякой такой братвы из лагерей, которых он перевоспитывал, передывал...»

«Эта братва, которая его поддерживала — воры, бандиты, «урки» — распустили слух, что Погребинского хоронят без музыки. У нас не было уверенности, что не соберутся тысячи людей и не будет скандала, эксцессов и безобразий. Больше того, до нас дошли слухи, что эти урки хотели вырыть тело из земли. Мы должны были даже пост поставить...»

Удивителен для этого страшного времени был поступок Алексея Погодина — ученика М.С. Погребинского, управляющего Нижегородской коммуной. Он приехал в Горький и организовал похороны М.С. Погребинского. Погодина немедленно арестовали. Не дожидаясь расстрела, Алексей Николаевич нашел способ покончить с собой в тюрьме. Начались массовые аресты в трудкоммунах. Повезло Ф.Г. Мелихову — он не был репрессирован только потому, что «успел» умереть в марте 1934 года. С.П. Богословский и Б.Л. Северов были арестованы в 1937 г. и тут же расстреляны.

С 1 января 1939 г. Болшевская, Люберецкая и Харьковская трудкоммуны НКВД как производственно-воспитательные базы для правонарушителей были ликвидированы, перепрофилированы, переименованы.

Владимир Митюшкин

Из публикации в газете «Угрешские вести»

ЕФИМ ПАВЛОВИЧ СМЕЛЯНСКИЙ

«Умело готовить каждого человека к новой жизни» — таково название одной из последних статей управляющего коммуной Е. Смелянского. Это большая статья, в которой были изложены задачи, поставленные перед коммуной новым руководством НКВД. Выдержанная в духе требуемой самокритики, статья отмечала главную задачу перестройки всей системы и всех звеньев работы коммуны в направлении непрерывного, систематического, а не парадного выпуска членов коммуны, причем не ради выпуска, а ради трудоустройства жизни каждого члена коммуны. Особой критике управляющей коммуной подверг быт коммунаров: они живут ни о чем не думая, знают, что карточка, выданная для прохода в столовую, дает коммунару право при любых условиях — работал он сегодня хорошо или плохо, или вовсе не работал — пойти и получить обед, ужин, билет в кино, в театр, ботинки, брюки, пальто. Хочет он или не хочет, полагается ему или не полагается, а на постели своей он обнаружит чистую простыню, чистое белье, в бане ему будут приготовлены кусок мыла, мочалка». Все это так, но эти особые условия жизни коммунарам были пре-

Е.П. Смелянский

доставлены с самого начала функционирования коммун. И, как помним, их беспризорники встретили «в штыки», устроившись спать не на чистых кроватях, а под ними на полу. Комфортные условия для детей-беспризорников стали возможными благодаря гуманной идее Ф. Дзержинского. Уже само слово «коммуна» имело притягательную силу, и мы это видели на примерах нашей и других коммун.

Изменился сам характер беспризорника конца 30-х годов по сравнению с 20-ми. В большинстве случаев эти беспризорники имели родителей. Да и были они сообразительнее. Зная, что на карточках для получения обедов отрывались только талончики на второе блюдо, они заимствовали карточки у друзей и съедали по два первых, как говорится, «в ус не дуя», и были сыты. А если к этому прибавить бесплатное кормление приезжавших на игры спортсменов и гостей, то неудивительно, что фабрика-кухня имела «хронические» недостатки денег, даже после закрытия коммуны. А ведь за это и за все огромное хозяйство коммуны нес ответственность прежде всего управляющий.

Ефим Смелянский приехал из Кривого Рога в Москву, когда ему было 18 лет. Сначала он поступил в медицинский институт, а затем перешел в педагогический на педологический факультет. В 1924 году был призван в армию и служил в 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии, расквартированной в Брянске. Во время спортивных соревнований на брянском стадионе ему приглянулась симпатичная семнадцатилетняя спортсменка. Ее звали Шура, она завоевала два призовых места и, самое главное, сердце неизвестного ей доселе кавалериста, от имени которого маленькая девочка передала ей цветы и коробку конфет. И этот миг стал своеобразным знаменем для будущей Николо-Угрешской коммуны. Два человека, влюбленные в спорт, будут всегда вместе на всех спортивных соревнованиях коммуны, не пропустят ни одного футбольного матча коммунарского «Динамо» с известными московскими командами.

А пока влюбленные с первого взгляда берут приступом кабинет ЗАГСа, но бесполезно, нужно подождать годок, пока невеста подрастет. Пока подрастала Шура, Ефим Павлович уже заведовал детской колонией МОНО, поблизости от станции Сходня. Туда и прибыла через год Шура, а точнее «тетя» Шура, как ее называли колонисты. Вскоре Ефиму Павловичу поручили организовать еще одну колонию в семи километрах от станции Подсолнечная. В 1928 году в апреле Смелянского вызвали в ОГПУ и предложили работу воспитателя в Болшевской трудкоммуне. По сравнению с работой в колониях по Октябрьской железной дороге, в Болшеве многое было иначе. Самое главное, «воспитанники» были гораздо старше, некоторые с бородами и с приличным стажем пребывания в пенитенциарных заведениях. Как тут было не растеряться на первых порах. Но ничего, опыт — дело наживное, и он, по-видимому, был удачным, так как через полгода Ефима Павловича направили в Томск для организации новой коммуны, а Шура выехала в Брянск к родителям. Через четыре месяца чета Смелянских и их первенец Юра предстали с докладом в Москве перед Ягодой и Погребинским. Последние остались весьма довольными докладом Ефима Павловича.

Весною 1930 года Е. Смелянский получает новое назначение — заместитель управляющего трудкоммуной № 2 по воспитательной части. Можно предположить, что такое назначение не было случайным и связано оно было, скорее всего, с произошедшим пожаром в Преображенском соборе, после которого Федор Григорьевич Мелихов и Алексей Червенцов были отстранены от работы. Повышенная ответственность на новой работе для Смелянского подчеркивалась переводом его из кандидатов в члены партии.

Таким образом, к моменту приезда Смелянских в угрешскую коммуну они уже имели опыт воспитательной работы как с детьми–подростками, так и с более взрослыми воспитанниками. Работа с последними имела исключительно важную роль. Коммуна постоянно поддерживала связь с лагерями и тюрьмами, и Смелянскому с активистами приходилось ежегодно ездить туда и отбирать для перевоспитания как случайно попавших, так и хорошо зарекомендовавших себя в труде и дисциплинированных.

Приехавшим в нашу коммуну Смелянским, предоставили жилье в гостинице «Лондон». С появлением фибролитовых домов они переехали в один из них. После начавшегося голода, охватившего ряд областей, в коммуну стали поступать как дети, так и отдельные вольнонаемные. В трудном положении оказались и родители Смелянского, и он помог им приехать вместе с младшим братом Мишей. Помог он и родным Александры Демьяновны (Шуры) — ее брату Коле и Демьяну Александровичу, устроившемуся на работу в Подмосковье.

Период работы Е. Смелянского с управляющим коммуной П. Перепелкиным был одним из наиболее плодотворных. Невиданными темпами возводились заводы и фабрики, набирало темпы и жилищное строительство. Огульно ошельмованный фибролитовый завод, за который «перепало» Ефиму Павловичу в 1937 году, был поистине «вырученцем» и предвестником нового строительного материала — древесно–стружечных плит, получивших широкое распространение в наше время. А на каком высоком уровне находились тогда физкультура и спорт, культура и театр! Прогрессировало и образование, несмотря на постоянный дефицит помещений. Да разве можно все перечислить! Сотрудничество Перепелкина и Смелянского продолжалось до 1937 года. В один из летних месяцев 1935 года их вызвали в Москву за новыми назначениями. Павел Степанович стал начальником Управления всех трудовых коммун НКВД, а Ефим Павлович — управляющим вместо Перепелкина. Нелегко было расставаться Павлу Степановичу с коммуной и ее питомцами, с архиерейским домом, где он жил, и особенно с архиерейским садом, которым еще совсем недавно любовался митрополит Макарий, любивший потчевать монастырскую братию первыми яблоками. Павел Степанович особенно любил этот сад в период цветения и приглашал из изостудии коммунарских художников на этюды. Полюбили этот сад и Смелянские, перебравшиеся после отъезда Перепелкина в архиерейскую резиденцию. Этот уникальнейший памятник сохранялся вплоть до выселения последней семьи, проживавшей в нем. А потом последовала реставрация, если это можно так назвать. Был затоплен подвальный этаж, где находилась духовая печь, подававшая прежде теплый воздух во все комнаты дома. Чудом сохранились лишь тосканские деревянные колонны, они очутились в соседних

*Перепелкин и Архипцев на строительстве фибролитовых домов
Третий человек неизвестен. 1930 г.*

деревнях лишь потому, что не были гнилыми и были распилены на дрова... Случившийся впоследствии пожар уничтожил самое ценное — интарсии (вид инкрустации на деревянных предметах), украшавшие потолки и стены дома.

Ефиму Павловичу очень хотелось, чтобы Коля, брат Александры Демьяновны, закончил школу и поступил учиться в художественное училище. В коммуне он посещал изостудию до 1941 года. С началом войны был призван в армию и погиб под Москвой. Нужно сказать, что все уголки поселка коммуны были живописными с художественной точки зрения и были особым объектом внимания художников.

При знакомстве с событиями беспокойного 1937 года в глаза бросаются два противоречивых факта: с одной стороны, намечается закрытие коммуны и происходит выдача паспортов выпускникам; с другой стороны, в коммуну прибывают из детских домов, трудовых колоний и т.д. подростки, которых распределяли по школам ФЗУ, открывающимся наспех при заводах и фабриках коммуны. 450 подростков с грамотностью в объеме 4-х классов надо было научить за год работать по какой-либо специальности, дать производственную квалификацию и одновременно продолжать общеобразовательное обучение. Естественно, это были необычные дети, что можно видеть по одной из заметок в газете: «Около 6 месяцев прошло с тех пор, как организована школа ФЗУ при музыкальной фабрике. 125 бывших детей улицы перековываются трудом...» Получается, одни коммунары, перековавшиеся

ранее, в том числе участвовавшие, например, в спектакле «Перековка», говорили: «До свидания», — другие, вновь прибывавшие, говорили: «Здравствуй, коммуна!» То есть с преобразованием коммуны в промкомбинат многие функции трудкоммуны сохранялись вплоть до начала войны. Только этим можно объяснить наличие у поступающих в школу ФЗО специальной повестки. Даже в самом начале 50-х годов уже в поселке в ремесленное училище № 55 прибывали дети из детских домов, в том числе со станции Сходня, где начинал работать в 1924 году Ефим Павлович. Они продолжали получать все то, что получали в коммуне: чистую постель, еду, обувь и т.д., учились профессии и в школе, только это уже не критиковалось, хотя беспризорничество и безнадзорность продолжали существовать.

Владимир Митюшкин
«Угрешские вести». 16 августа 2001 г.

СМЕЛЯНСКИЕ

Ефим Павлович Смелянский «был человек строгий и добрый, замкнуто-хмурый и необычайно веселый, добросердечный и чуткий, а самое главное — дисциплинированный и исполнительный. Обладая этими и целым рядом других положительных качеств, он прибыл в нашу коммуну довольно опытным воспитателем. Как никто иной он обладал феноменальной способностью разбираться в людях, что помогало ему в работе, особенно в подборе кадров для перевоспитания в коммуне. Даже те, кто прибывал в коммуны заранее заготовленными предписаниями, не избегали встречи с ним, а иногда серьезного разговора, если будущий воспитанник был слишком заносчив и не в меру крут.

Он был непревзойденным оратором, и его выступления часто прерывались и заканчивались продолжительными аплодисментами.

Каждое воскресенье граждане свободной Николо-Угрешской республики заполняли до отказа просторный зал и балкон клуба. Те, кому не хватало свободных мест, собирались в общежитиях или в парке у репродукторов, по которым шла трансляция из клуба. Ефим Павлович подводил итоги прошедшей недели, отмечал отличившихся, а в завершение на сцену вызывались нарушители распорядка и провинившиеся. Эта часть собрания вызывала особый интерес. Смелянский, заранее осведомленный о нарушениях и проделках коммунара, нередко импровизировал, вставляя, когда наступала пауза, остроумные реплики, сопровождаемые дружным хохотом в зале. Смеялись все, смеялась и аплодировала от души его жена Александра Демьяновна, сидевшая среди ребят в зале. Всех поражал его необычайный артистизм. Его жесты, его «многоликая» мимика пронимали всех: нарушители сгорали от стыда, а сидящие в зале хватались за животы от хохота. Мне не пришлось видеть Смелянского. Я в 1937-м только родился, но четко представляю этого необычайного педагога-воспитателя по его последователям — выпускникам коммуны, например по руководи-

телю Красноармейского ансамбля песни и пляски Александру Дмитриевичу Тихомирову.

Не одно лето подряд ансамбль удостоивался чести выступать перед отдыхающими в санатории «Бочаров ручей» в Сочи и ряде других кавказских и крымских здравниц. Смелянский лично собирал ребят в дорогу, напутствуя их добрым словом. Не обходилось и без казусов. Приезжал иной с гастролей с девушкой и отправлялся «за благословением» к Смелянскому. И он, понимая, что незатейливый жених вскружил ей голову, тактично предлагал повременить с таким шагом, честно рассказывая девушке о своем подопечном, каков тот на самом деле. Этим вопросом также занималась специальная комиссия из ребят и дать разрешение на брак, не зная всех пороков и добродетелей невесты, они не могли.

К юбилейному году в Николо-Угрешской коммуне готовилось много подарков, и самым главным из них был ввод в действие музыкальной фабрики. Выпуск музыкальных инструментов в следующем, 1938, году должен был увеличиться в два раза. По этому случаю коммунарский поэт Алексей Чекмазов написал большое стихотворение, в котором восторженно описал светлые просторные цеха с пылесосами и лифтами. В юбилейный год радостные события перемешивались с беспокойно-гнетущими моментами репрессивного времени. Об арестах родителей дети узнавали в школе, одноклассники с сочувствием относились к своим товарищам, у которых случилось такое горе.

Несмотря на сложный период и огульное охаивание прежней системы воспитания, коммуна жила по-прежнему полнокровной, интересной жизнью. Коммунары с большим успехом выступали с концертами и спектаклями, художественными выставками не только у себя, но и в Люберцах, и в Москве. На кургане в Петровском, у Кривого озера, по выходным стали проходить массовые гулянья, а от москворецкого причала отправлялись в круизы по живописным местам Подмосковья теплоходы. На самой же Москве-реке проходили интересные, захватывающие дух международные соревнования скутеров, а также коммунарских пловцов. Те же, кто оставался в коммуне, слушали в парке выступление оркестра народных инструментов под руководством В.М. Сеницына. Его сменял сводный оркестр Болшевской и нашей коммун, и на танцплощадке кружились пары. А ближе к вечеру на стадионе «Динамо» тысячи болельщиков наблюдали захватывающий поединок московского и нашего «Динамо». Сколько было радости, когда наш Капелькин забил гол в ворота москвичей! Оживление царило и в средней школе, разместившейся в центральной части нового дома: там начались испытательные и выпускные экзамены. Радовались и выпускники различных курсов.

После ареста Г. Ягоды в 1937 г. угроза нависла и над руководителями коммун, в том числе Болшевской и Николо-Угрешской. Вслед за арестом Глебова управляющий Е. Смелянский был вызван в горком партии, где за «потерю большевистской бдительности» у него отобрали партбилет, а 9 декабря он был арестован. Последний раз о нем говорили 28 сентября на партсобрании коммуны.

Наталья Дегтева

ЗА НЕГО ПОРУЧИЛИСЬ КОММУНАРЫ

П.С. Перепелкин. 1929 г.

Павел Степанович Перепелкин — управляющий коммуну № 2 ОГПУ им. Дзержинского при первых, романтических, чекистах. С фотографии смотрит очень красивый человек со светлым, добрым взглядом. Черты лица настолько правильны и породисты, что поневоле возникает вопрос: а не из дворян ли он? Но нет, не из дворян, он потомственный крестьянин Пензенской губернии. Вот такой человек после Гражданской войны, участником которой был сам, вступил в 1924 году в ряды ВКП(б) и свято верил до конца своей жизни в ее идеалы.

В 1929 году Павел Степанович Перепелкин был направлен ОГПУ в коммуну № 2 им. Дзержинского. Коммунары и приезжающие сюда на работу люди разных специальностей остро нуждались в жилье, и Перепелкину было поручено создать фибролитовый завод и организовать строительство домов из этого материала. С этой проблемой к 1934 году Павел Степанович успешно справился и получил грамоту от коллегии ОГПУ и нагрудный знак № 1314 «За ударную работу по монтажу и пуску фибролитового завода Т/К нр.2».

В коммуну Павел Степанович приехал с женой и двумя дочками — Раей и Машей. Жила семья в Архиерейском доме, там же был рабочий кабинет Перепелкина. На территории коммуны (Николо-Угрешского монастыря) были: начальная и средняя (шестилетка) школы, кроме того школа рабочей молодежи и втуз, куда приезжали работать квалифицированные преподаватели из Москвы.

Дочки Перепелкина пошли учиться в школу вместе с коммунарами. Как вспоминает младшая дочь Павла Степановича Раиса Павловна, она никогда и нигде впоследствии не видела столь деликатных отношений учителей и воспитателей с учениками. Маленькая Рая с сестрой, которая была постарше, даже не представляли себе, что сидят в одном классе с бывшими беспризорниками, карманниками и т.д. «Ребята как ребята. Хорошие были ребята, надежные друзья».

Коммунары на самом деле были надежными друзьями. Они не забывали добра. Однажды в 1935 году в Москву приехал Ромен Роллан с женой. По-

Грамота П.С. Перепелкину от коллегии ОГПУ. 1934 г.

мимо достопримечательностей столицы, они с интересом посмотрели фильм Николая Экка «Путевка в жизнь» и очень захотели увидеть коммунаров.

Было решено дать совместный концерт самодеятельности Болшевской и Угрешской коммун в Горках на даче у Алексея Максимовича Горького. Ролланов сопровождали видные чины ОГПУ, воспитатели обеих коммун, в числе которых был и Павел Степанович Перепелкин. Жена Роллана — молодая, очень красивая женщина — прекрасно владела русским языком. Время шло в непринужденной беседе. Гости восторгались трудовыми, культурными и спортивными достижениями воспитанников.

Супругой Ромена Роллана была с 1934 года поэтесса Мария Павловна (Майя) Кювиле, в первом браке Кудашева (1895–1985).

П.С. Перепелкин с семьей. 1939 г.

Ромен Роллан и Мария Кудашева

В какой-то момент, как рассказывает Раиса Павловна Перепелкина, супруга Романа Роллана обнаружила, что замечательное жемчужное кольцо с ее шеи исчезло. В рядах воспитателей коммуны началась тихая паника; как им казалось, «запахло международным скандалом». Воспитатели по глазам и поведению ребят видели, кто это сделал. Возникла этакая пауза, как в «Ревизоре». Первым опомнился Павел Степанович Перепелкин. Он спросил мадам Роллан, крепкая ли была застежка на колье? Мадам засмутилась и сказала, что, наверное, не очень прочная. В это время Перепелкин делал «страшные глаза» двум воспитанникам нашей коммуны, а гостям предложил вернуться к тем местам, где они уже были. Через некоторое время, к всеобщей радости, кольцо нашлось возле цветочных клумб. Визит успешно продолжился.

Когда коммунары и воспитатели вернулись в родную Дзержинку, начался суд. Виновных собирались исключить из коммуны и отправить в колонию общего режима, откуда они некогда и прибыли. Мальчишки плакали: «Бес попутал! Не исключайте из коммуны. Искупим свою вину!» И тогда Павел Степанович Перепелкин взял их на поруки. Больше таких ЧП в коммуне не случалось.

Павел Степанович часто брал своих подопечных в Москву, показывал город, а ночевать оставлял в своей московской квартире. В 1933 году эту квартиру обокрали. Жена Перепелкина постоянно его упрекала, была уверена, что это сделали, как она говорила, «твои бандиты». То же самое она говорила и следовательно, но Павел Степанович поклялся партийным билетом, что это сделали не его ребята. Прошло некоторое время и оперативники нашли шайку «домушников», сдававших в скупку вещи из ограбленной

квартиры. Большая часть вещей вернулась в дом, а Павел Степанович оказался прав. Квартиру коммунары ограбить не могли.

В 1937 году, когда над руководителями коммуны сгустились тучи, когда уже были арестованы Глебов и Смелянские, Павла Степановича Перепелкина исключили из партии. В это же время был арестован и расстрелян его старший брат Степан Степанович. Брат к коммуне отношения не имел, работал в Управлении шоссейных дорог. Он был обвинен в шпионаже и приговорен «тройкой» к высшей мере наказания. Арестованы были жена Степана Степановича Перепелкина и его малолетний сын Евгений. С такими обвинениями ближайшей родне исключенному из партии Павлу Степановичу рассчитывать на снисхождение не приходилось. Положение казалось безвыходным. Надо сказать, что П.С. Перепелкин никогда ни на кого не жаловался и никогда ни у кого ничего не просил. Когда к нему приходили воспитанники с жалобами и обидами, он им говорил: «Запомни! Никогда не жалуйся и не проси. Жизнь со временем сама все расставит по местам». И все-таки Павел Степанович много раз спасал своих воспитанников. А тут пришла пора коммунарам спасать своего управляющего.

Сначала в московской квартире Перепелкина, где он ждал ареста, раздался телефонный звонок. Звонил его бывший воспитанник Коля (фамилию Раиса Павловна, к сожалению, не помнит), учившийся в школе НКВД и работавший тогда в Бутырской тюрьме: «Павел Степанович, приезжайте завтра в такое-то время к такому-то подъезду в Бутырской тюрьме», — и повесил трубку. Перепелкин поехал к тюрьме. Как только он подошел к подъезду, дверь открылась и ему в руки буквально упал племянник. Мальчик еще по документам не был оформлен, и Коля ради любимого воспитателя пошел на служебное преступление, решил отдать мальчика Перепелкину. Счастье, что чекисты его не хватились.

Павел Степанович продолжал ждать «черного воронка», и он наконец приехал, но повез опального управляющего, что удивительно, не на Лубянку, а в хорошо знакомый ему поселок им. Дзержинского. Там комиссия, состоящая из бывших сослуживцев, зачитала Перепелкину приговор: исключение из рядов ВКП(б) сроком на один год; лишение всех должностных чинов; ссылка вместе с семьей в деревню Ольгино рядом с пос. Железнодорожный; работать ему надлежало дворником на новых уборочных машинах. Здесь же Павел Степанович узнал, что такой мягкий (по тем временам) приговор он получил потому, что коммунары «били во все колокола» и в коммуне, и на Лубянке и, по сути дела, взяли своего воспитателя на поруки. Коммунары были настолько настойчивы и убедительны, что отказать им не могли.

Павел Степанович Перепелкин стал уборщиком сначала улиц в Железнодорожном, а потом и в других городах Подмосковья. Энергия и организаторский талант этого человека были настолько велики, а характер, воспитанный партией, настолько силен, что он, как когда-то учил коммунаров, не жалуясь, не обижаясь и ничего для себя не прося, создал Управление по уборочной технике, затем стал заместителем управляющего коммунального хозяйства Раменского р-на Московской области, а в годы войны — зам. управляющего строительного треста № 12 в г. Молотове (ныне г. Пермь), а затем

(уже восстановленный в ВКП(б)) стал начальником политотдела МТС одного из районов Молотовской области.

После войны Перепелкин вернулся в пос. Железнодорожный к своим изначальным обязанностям в Управлении по уборочной технике.

В 1941 году московская квартира семьи Перепелкиных попала под бомбовый удар, а в Железнодорожном Павел Степанович еще до этих событий сумел построить деревянный домик, который стоит и по сию пору.

Дочери выросли, закончили институты, стали работать в Москве. В 70-е годы появилась возможность купить в столице кооперативную квартиру. Можно было вернуться в Москву, поскольку старший брат был реабилитирован посмертно, его семья тоже. Павел Степанович, будучи заслуженным членом Коммунистической партии, получал очень небольшую пенсию. Он просто о ней не хлопотал. «Папа! Ну ты же имеешь право и на большую пенсию и на получение квартиры, вместо той, что погибла под бомбами. Почему ты не напишешь заявление? Почему ты не попросишь вернуть то, что предназначено тебе и твоей семье?» — не раз говорили ему дочери. Ответ был всегда один и тот же: «Я не для того в 1924 году вступал в партию, чтобы у нее что-то просить. Не обижайтесь, дочки, не могу. А вы, если можете, купите сами квартиру». Так и произошло.

И в 60-е, и в 70-е годы Павел Степанович писал письма с просьбой показать ему приговор НКВД 1937 года. В 70-е он получил ответ, что все документы по судебным процессам трудкоммуны № 2 им. Дзержинского уничтожены. Очевидно поэтому мы до сих пор не можем проследить судьбы многих воспитателей и коммунаров в годы репрессий и после.

В 1980 году Павла Степановича Перепелкина не стало. Его похоронили на Донском кладбище в Москве. Дети и бывшие сослуживцы поставили ветерану партии и коммуны памятник. Можно верить в судьбу или не верить, но факт говорит сам за себя. Неподалеку от могилы Павла Степановича Перепелкина есть большое братское захоронение, на табличках написаны имена Ягоды, Блюхера, Тухачевского и других, расстрелянных в годы репрессий. Есть здесь и табличка с именем Степана Степановича Перепелкина. Жизнь все расставила на свои места. Даже после смерти братья оказались вместе.

Большую родню братьев Перепелкиных разбросало по городам и весям. Только младшая дочь Павла Степановича Раиса Павловна по-прежнему живет в городе Железнодорожном, на 6-й улице Ольгина, в родительском доме.

ИНТЕРНАТСКАЯ «МАМА»

Шел 1937 год — радостный для Угрешской коммуны год 10-летнего юбилея. С апреля «Коммунар» — газета 1-й и 2-й коммун — разделилась, и в каждой коммуне стала выходить своя газета. «Свет солнечный и лунный, яркие звезды» вспыхнули тогда над угрешской коммуной. Их «зажег» в своем стихотворении «Майский вечер» поэт Ярослав Смеляков, начавший работать в редакции «Дзержинца».

Большинство коммунарских предприятий перевыполняло производственные планы. Одними из первых шли рабочие-щитовики завода «Спартак», работавшие над важным заказом для канала Москва-Волга. Задача была не из легких, в течение года нужно было выполнить заказ. Не покладая рук трудились мастера своего дела, которых по праву называли художниками-творцами. Их задачей было изготовление сложнейших приборов — безотказных в работе и в то же время красивых и изящных.

В сжатые сроки должны были сделать свою работу конструкторы, находившиеся в подчинении у заведующего отделом Цитрина: Новопокровский, Фурманов, Щелканцев. Не все рабочие-мастера приняли жесткие условия. Отдельные ударились в панику и поспешили жаловаться в партком. Другие, не теряя времени, трудились по-стахановски, это инструктор-высоковольтник Богданов, мастер-монтажник коммунар Волков, инструктор коммунар Киселев, ошиновщик коммунар Луговой, выполнявший нормы на 250%, и десятки других рабочих. Несмотря на нехватку людей, материалов, инструментов, они на ходу исправляли ошибки в схемах и чертежах. Без перерывов днем и ночью работали Бологов, Петров, Половинкин, Чубалдейкин, а Дмитриев однажды лишь через три дня вышел из цеха, сильно обросший бородой. Ударный труд завершился успехом, и последний щит с оценкой «отлично» поступил на склад готовой продукции. Это был замечательный подарок и для коммунаров, и для строителей канала.

«Дзержинец» делился со своих страниц не только трудовыми успехами, но и опытом перевоспитания малолетних и даже со стажем преступников. Последнее было необычным и редким явлением в практике, но на такие эксперименты шли руководители трудкоммун, и прежде всего, М. Погребинский. Время показало, что подобные люди не только исправлялись, но и становились воспитателями, и такие примеры были.

В первоммайском номере «Дзержинца» с приветом к коммунарам-выпускникам и рассказом о своем прошлом и настоящем обратился коммунар в весьма почтенном возрасте: «Меня зовут Петром Никитичем Козловым только два с половиной года, а 66 лет меня звали Петькой-Козлом. Два с половиной года назад вместе с полным именем, отчеством и фамилией я обрел новую, радостную и счастливую жизнь. У меня за плечами 50 лет воровского стажа... Десятки лет сидения по тюрьмам и лагерям, годы пьяной, разгульной жизни у меня за плечами. Полвека я не думал и не мог думать о том, что когда-нибудь буду честным тружеником и полезным человеком общества.

Два с половиной года назад я пришел в коммуны, не веря в то, что меня могут взять. Меня приняли, за меня поручились знавшие меня в течение многих лет коммунары...

Привычки, влавшие мной в течение многих десятков лет, еще крепко держали меня в своей власти, и сбросить этот тяжелый груз, накопленный в течение полувека, оказалось не так-то легко.

Уже в первые месяцы своего пребывания в коммуне я совершил правонарушение. Никогда в моей жизни я не переживал таких угрызений совести, никогда не испытывал такого стыда и раскаяния.

До сих пор я не могу забыть совершенного мной проступка, несмотря на то что я пролил много горьких слез и много пережил. Но я надеюсь, что этот урок был уроком для меня на всю мою жизнь...»

Этот пример, а также рассказ поэта Леонида Мариани (см. «УВ» № 34 за 1998 г.) со всей очевидностью показывают, как внимательно относились воспитатели к судьбе оступившихся коммунаров. Пришедший в коммуны по записке М. Погребинского, Мариани через некоторое время ушел из нее и попал в Соловецкие лагеря. Прошло шесть лет, и коммуна снова берет его на перевоспитание, и он вплоть до закрытия коммуны был активным борцом «за жизнь, за молодость, за песню». Безусловно, был прощен и Петр Никитич. Но надолго ли...

Внешне коммуна, казалось бы, была спокойной. Но в сердцах многих коммунаров затаилась тревога о завтрашнем дне, об их судьбе. Причинами тому были не только прошедшие с начала года судебные процессы над троцкистскими центром и блоком, но, самое главное, начавшая набирать обороты кампания так называемой критики и самокритики. Она была подобна средневековой чуме, косившей всех без разбора. В один миг критикуемый мог быть объявлен врагом народа и репрессирован. Прежнее руководство коммунами было объявлено преступным, а их система перевоспитания бывших правонарушителей — порочной. Многие тогда из бывшего руководства коммунами были арестованы. Трагически погиб в своем кабинете в Горьком бывший тогда начальником Краевого управления НКВД по Горьковскому краю Матвей Самойлович Погребинский.

И в Болшевской, и в Николо-Угрешской трудкоммунах одними из первых были ликвидированы активы как организации. Один из сторонников ликвидации активов, Фиолетов, в своей статье в болшевской газете указал на главные причины такого шага: «Вопросы подбора кадров, выдвижения, всякие нововведения и изменения в коммуне обсуждались и утверждались на бюро актива без учета мнений профсоюза и партийной организации. Такое положение создавало у работников актива пренебрежительное отношение к этим организациям, которое культивировалось и поддерживалось тем, что, мол, у нас в коммуне условия специфические и что поэтому актив выше всего. Подобная практика была на руку заклеянным позором врагам народа, вредителям — Ягоде, Погребинскому, Островскому и другим, которые в своей работе по «руководству» воспитанием членов коммуны делали все, чтобы изолировать от вопросов воспитания партийную и профсоюзную организации...»

Как видим, он и ему подобные критики, «окрыленные» февральскими решениями Пленума ЦК ВКП (б), действительно не понимая специфики

воспитательных процессов в коммуне, беспощадно поносили все святое, что по крупницам собиралось первыми энтузиастами, вызванными с горячих фронтов Гражданской войны для борьбы с беспризорностью.

Решения февральского Пленума обязывали парторганизацию коммуны «вглядеться в себя» и увидеть недостатки. Ответственные за выпуск стенгазет получили задание дать в коммунарских газетах материалы, отражавшие критику и самокритику. Газета сотрудников управления коммуны, видимо рассчитанная на продолжительный период, так и стала называться — «За самокритику». 10 апреля в «Дзержинце» была напечатана статья «Под знаком развернутой самокритики». В ней получил «взбучку» партком, не сумевший сплотить коммунистов для отпора зажимщикам критики и самокритики. Прошедшие отчетно-перевыборное собрание и совещание партийно-хозяйственного актива дали много пищи для обнажения недостатков в работе коммуны.

Длившееся четыре дня совещание осудило вредительскую деятельность врагов народа — троцкистов, нанесших ущерб и коммуне. За нерентабельность, а главное, за невыполнение основной задачи — воспитания людей — досталось фибролитовому заводу. «Следы» вредительства были усмотрены в возведенных слишком низкими корпусами радио- и электроремонтного заводов. Подверглись также суровой критике: неглубокий фундамент детских яслей, электрооборудование фабрики-кухни, котельная и паровоз — одним словом, все то, что могли найти в неудовлетворительном состоянии получившие задание выступить с критикой и самокритикой на совещании. Дебатировались и вопросы о воспитании, главным девизом которого было «Работай и не воруй». Досталось и коммунарской «специфике», благодаря которой коммунары жили по несколько иным правилам, чем другие граждане страны. И вот теперь, на десятом году функционирования коммуны, оказалось, что коммунары-выпускники не могут жить самостоятельно вне коммуны. Не обошли стороной и темные дела коммунаров. Тревожный трепет прошелся по залу, когда докладчик сообщил, что в минувшем, 1936, году было 476 пьянок (т.е. 1–2 пьянки в день). Конечно, по нынешним меркам это «норма» для одного дня одного из кварталов города, а тогда это было ЧП для 10-тысячного поселка.

Наиболее острым стал вопрос об интернатской «маме». Так коммунары называли интернатские карточки. По коммуне упорно поползли слухи, что с «мамой» скоро придется расстаться, и это очень тревожило многих ребят, ведь придется самому обо всем «пещись». Как жить? Этот вопрос вставал перед многими. Один из коммунаров рассказывал, что, зарабатывая 400–500 рублей, он 7–8 дней до получки ходит без копейки. После получки он покупает дорогие папиросы и что-нибудь из «сластей». В выходные выезжает в Москву, где оседает 30–40 рублей... Через некоторое время у него нет денег даже на завтрак. Но, парадокс, он продолжает свой рассказ: «Мои товарищи по комнате часто возвращаются из Москвы на другой день после получки без копейки денег, и очень редко это угнетает их, так как у них есть интернатские карточки, питанием они обеспечены, ну а насчет папирос, так у нас в ходу пословица: «Сперва курим «Дели», а потом стреляем две недели...» Мне кажется, что в первую очередь наших коммунаров надо учить не только работе, а тому, как жить вне коммуны».

Об отмене карточек и других перестроечных новшеств рассказал в своем фельетоне «Сплетня» Николай Аристархов. Это мероприятие нового руководства застало многих врасплох. Коммуна становилась своеобразным ульем. У кого были деньги, те запасались картофельной мукой. У Лены Бутиной не было денег, и она срочно стала писать заявление Смелянскому о полагающихся ей деньгах. Гриша Петухов тоже был взволнован. Его семью — жену, которая ждет ребенка, и несовершеннолетнего ребенка — выселяют из комнаты вместе с другими выпускниками. «На днях собрание должно быть, — говорит он. — Уже справки на 750 человек заготовили... Смелянский два чемодана паспортов привез, их прямо на собрании и давать будут».

Автор фельетона не поверил Грише, считая, что только дураки так делают и это, безусловно, сплетня, и посоветовал на нее плюнуть. Но вот подошел Петр Никитич, поздоровался. «Я, — говорит, — тебя весь день ищу. Меня за обходным листком послали. Исключили меня из коммуны. Не обратили внимания на мой преклонный возраст. А у меня ни отца, ни матери — круглый сирота, одним словом...» Автор стал стыдить Петра Никитича за веру во всякие слухи. Но тот, стараясь сохранить спокойствие, продолжал: «Какие слухи? Не меня одного, а семьдесят пять человек исключили. Об этом вся коммуна знает. Уже приказ отпечатан. И тебя в том числе тоже...»

Елена Егорова

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ НА УТРЕШСКОЙ ЗЕМЛЕ

Детство и юность

Судьба Ярослава Смелякова не проста и во многом трагична.

*Я родился в уездном городке
и до сих пор с любовью вспоминаю
убогий домик, выстроенный с краю
проулка, выходившего к реке.*

*Мне голос детства памятен и слышен.
Хранятся смутно в памяти моей
гуденье липы и цветенье вишен,
торговцев крик и ржанье лошадей.*

Ярослав был еще маленьким ребенком, когда к Луцку приблизился русско-немецкий фронт. Семья Смеляковых уехала в деревню под Воронеж, на родину матери. Здесь мальчик пошел в начальную школу. Знакомство с шедеврами русской поэзии, особенно с поэмами Лермонтова «Мцыри» и «Песня о купце Калашникове», потрясло воображение Ярослава. Лет с десяти он начал писать стихи.

Семья Смеляковых жила, как и все, бедно. Особенно трудно стало после смерти отца в начале 1920-х годов. К тому времени старшие брат с сестрой

обосновались в Москве, где учились в университете. Одиннадцатилетнего Ярослава мать послала к ним для продолжения учебы в семилетней школе, а вскоре и сама, к радости сына, переехала в Москву. В 1930 году после окончания семилетки на бирже труда подросток Смеляков получил направление в полиграфическую фабрично-заводскую школу имени Ильича. «В стенах этой школы, помещавшейся в Сокольниках, все мы с упоением дышали комсомольской атмосферой начала пятилеток», — писал поэт в автобиографии. Он помещал свои стихи в стенгазетах, участвовал в выступлениях агитбригады, посещал занятия литературного кружка при газете «Комсомольская правда», поэтические вечера в Доме печати и Доме ученых. Значительное влияние на его раннее творчество оказали стихи Владимира Маяковского, на выступлениях которого он несколько раз бывал.

*Ярослав Смеляков
Середина 1930-х гг.*

Другим его кумиром был поэт Михаил Светлов, с которым его свел случай. Ярослав принес свое стихотворение «Баллада о числах» в молодежный журнал «Рост», но случайно перепутал дверь и оказался прямо в кабинете главного редактора журнала «Октябрь» Светлова. Он неожиданно для начинающего поэта принял стихотворение в печать. Спустя некоторое время Смелякова, закончившего ускоренный курс машинных наборщиков, направили в 14-ю типографию Полиграфиздата. Буквально на третий день работы к нему в набор случайно попали страницы «Октября» с его стихотворением.

Ярослав все больше и серьезнее занимается поэтическим творчеством, посещает занятия литературного объединения при журнале «Огонек», проходившие раз в 10 дней под руководством писателя Ефима Зозули и главного редактора журнала Михаила Кольцова. Лучшие произведения молодых авторов, в том числе Смелякова, широко печатались на страницах «Огонька», а в 1932 году в библиотечке журнала вышла первая маленькая книжечка его стихов.

Вместе с ним литобъединение посещали тогда начинающие, а впоследствии именитые поэты Сергей Михалков, Лев Ошанин, Маргарита Алигер. С Маргаритой в начале 1930-х годов Ярослава связывали нежные чувства. Молодые люди были влюблены, встречались, гуляли по Москве, читали друг другу стихи. Однако идиллия оказалась недолгой, они стали все чаще ссориться и вскоре расстались, сохранив дружеские отношения. Во время одного из последних свиданий Ярослав подарил Маргарите массивное серебряное кольцо с масонской символикой: черепом и двумя скрещенными костями. При этом он полусерьезно сказал: «Пока будешь носить кольцо, у меня все будет хорошо».

Сначала у Ярослава действительно все складывалось замечательно. Он знакомится с известным поэтом Эдуардом Багрицким, который печатает его стихи в журнале «Новый мир», где ведет отдел поэзии. В 1932 году в Госиздате художественной литературы у Смелякова выходит первая значительная книга «Работа и любовь», которую он сам набирал в типографии. Назва-

ние книги довольно точно отражает содержание его творчества того периода. Хотя он немало писал о классово-борьбе, увлекаясь ее патетикой, лейт-мотивом его произведений можно считать четверостишие из стихотворения «Любовь»:

*Я набираю и слышу
в качанье истертых станков,
как с каждой минутой ближе
твоя и моя любовь.*

Несмотря на то что в годы его юности к слову «романтизм» относились несколько презрительно, Ярослав и его друзья по перу сами были романтиками, не сознавая этого.

В 1932–1934 годах Смеляков печатается в центральных газетах и журналах, поэтических сборниках. На общем фоне его стихи выделяются особым лиризмом, искренностью и мастерством. В 1934 году его принимают в Союз писателей. Поэт увлечен пафосом социалистического строительства, а советские идеалы стали его мировоззрением, своего рода религией, заменив «неграмотный страх», как назвал он веру в Бога в раннем стихотворении «Трус». Однако Смеляков никогда не был воинствующим атеистом и в угоду властям в стихах Бога не поносил.

Первый арест

Ярослав дружил с двумя талантливыми молодыми поэтами Павлом Васильевым и Борисом Корниловым. Позднее в стихотворении «Три витязя», в советское время не опубликованном, Смеляков писал:

*Мы вместе жили, словно бы артельно,
но вроде бы, пожалуй что, не так —
стихи писали раз но и отдельно,
а гонорар несли в один кабак.*

Все три поэта хоть и были «вполне советскими», но вождям заказных славословий не сочиняли. В их творчестве ощущалась внутренняя свобода, присущая настоящим поэтам. Неудивительно, что вскоре их начали травить в газетах, причиной чего лишь формально была борьба с богемным образом жизни за «чистоту нравов» и трезвость. Смеляков предвидел это:

*Я был тогда сутулым и угрюмым,
хоть мне в игре пока еще везло,
уже тогда предчувствия и думы
избороздили юное чело.*

14 июня 1934 года сразу в четырех авторитетных газетах — «Правде», «Известиях», «Литературной газете» и «Литературном Ленинграде» — вышла первая часть обширной статьи М. Горького «Литературные забавы», в которой приводится письмо некоего «партийца», а фактически доносчика: «Несомненно чуждые влияния на самую талантливую часть молодежи. Конкретно: на характеристике молодого поэта Яр. Смелякова все более и более отражаются личные качества по-

Анна Николаевна
Илюнина
1934 г.

эта Павла Васильева. Нет ничего грязнее этого осколка буржуазно-литературной богемы. Политически (это не ново знающим творчество Павла Васильева) это враг. Но известно, что со Смеляковым, Долматовским и некоторыми другими молодыми поэтами Васильев дружен, и мне понятно, почему от Смелякова редко не пахнет водкой, и в тоне Смелякова начинают доминировать нотки анархо-индивидуалистической самовлюбленности, и поведение Смелякова все менее и менее становится комсомольским. Прочтите новую книгу Смелякова. Это скажет вам больше (не забывайте, что я формулирую сейчас не только узнанное, но и почувствованное)». Здесь доносчик имеет в виду брошюру политической лирики «Счастье», которая вышла у Смелякова в 1934 году.

Слова о беспробудном пьянстве Ярослава и, главное, «почувствованном» клеветником якобы «анархо-богемском духе» его творчества стали причиной ареста поэта в декабре 1934 года. Следователь сказал ему на допросе: «Что же, ты надеялся, мы оставим тебя на свободе? Позабудем, какие слова о тебе и твоём друге Павле Васильеве сказаны в статье Горького? Не выйдет!»

Когда Маргарита Алигер узнала о том, что Смеляков в тюрьме, она стала лихорадочно искать подаренное им кольцо, которое сняла с пальца и куда-то убрала, когда вышла замуж за композитора Константина Макарова. Однако поиски были тщетны. Спустя два года она случайно обнаружила кольцо в ящике письменного стола среди бумаг и тут же его надела. В пожилом возрасте она рассказывала знакомым загадочную историю с этим масонским кольцом, которое пропадало, когда Ярослав был в беде, и неожиданно находилось, когда дела его шли в гору. Перед последним арестом Смелякова в 1951 году кольцо надломилось и потом 20 лет пролежало непочиненным в столе среди бумаг, но в день похорон поэта Маргарита нашла его целым, хотя сама в ремонт не сдавала... Трудно судить, все ли в ее мистическом повествовании соответствует действительности.

Первая «отсидка» Смелякова действительно оказалась не очень долгой. Он ударно работал в тюрьме, был бригадиром, его выпустили досрочно в начале 1937 года и перевели на правах воспитанника в трудовую коммуны № 2 НКВД, располагавшуюся на территории подмосковного Николо-Угрешского монастыря, основанного в 1380 году Дмитрием Донским в честь победы над Мамаем и закрытого властями в 1925 году.

Судьба его друзей сложилась гораздо более трагично: и Павел Васильев, и Борис Корнилов были расстреляны в 1938 году. Из «трех витязей русского стиха» уцелел только Смеляков.

В трудовой коммуне

В начале 1937 года Ярослав приехал на Угрешу и поселился в общежитии коммунаров. Трудкоммуна, существовавшая к тому времени уже девять лет и только что получившая имя Ф.Э. Дзержинского, далеко шагнула за обширную территорию древнего монастыря и фактически превратилась в рабочий поселок с населением около 12 тысяч человек, пятью заводами и фабриками, относительно развитой для того времени инфраструктурой, учебными заведениями, клубом и стадионом. В 1928 году, когда коммуны

*Сквер перед Николо-Угрешским монастырем
В центре бюст Ф.Э. Дзержинского. 1930-е гг.*

посетили М. Горький и М. Кольцов, среди ее воспитанников преобладали несудимые подростки–беспризорники. В 1937 году несудимых среди коммунаров было человек 30, а большинство составляли переведенные из мест заключения молодые люди, близкие по возрасту Смелякову. Три четверти работающих на предприятиях были вольнонаемными работниками.

Совместно с Болшевской трудовой коммуной № 1 здесь с 1934 года издавалась газета «Коммунар», но вскоре после приезда Смелякова начала дважды в неделю тиражом 1500–2000 экземпляров выходить вместо прежней газета «Дзержинец», ответственным секретарем которой и стал опальный поэт. Помимо него в редакции работали две Анны: квалифицированная машинистка Анна Ивановна Морозова и экспедитор Анна Николаевна Илюнина, которая собирала заметки и статьи рабочих корреспондентов — рабкоров, приносила их в редакцию, а также дважды в неделю доставляла подготовленные к публикации материалы в московскую типографию на редакционной «эмке». Коллектив рабкоров был подобран Ярославом по поручению управляющего коммуной. Вначале поэт пытался организовать литературный кружок, но из-за перегруженности работой это дело заглохло после трех–четырёх занятий. С коммунарами–стихотворцами поэт работал как редактор, помещал их лучшие произведения на «Литературной странице» газеты.

Главным редактором «Дзержинца» был помощник директора по воспитательной работе Михаил Петрович Щербаков, несколько позднее избранный секретарем партийной организации. Сильно занятый своей основной деятельностью, он, по сути, осуществлял лишь идейное руководство газетой, а основная работа по подготовке номеров и организации коллектива рабкоров легла на плечи Смелякова, да еще он курировал выпуск стенгазет. Ярослав с задачей справился. Днем его часто видели в цехах заводов и фабрик, он разговаривал с людьми, присматривался к ним, набрасывал заметки. Спустя

много лет, вспоминая свою работу в трудкоммуне, Смеляков писал в стихотворении «Машенька»:

*А я в те дни, не требуя поправки,
вертась, как черт, с блокнотом и пером,
работал в заводской многотиражке
ответственным ее секретарем.*

По вечерам Ярослав подолгу засиживался в комнате № 12 на втором этаже просторного клуба, построенного в начале 1930-х годов в стиле конструктивизма. Каждый номер газеты он делал от начала до конца и, кроме того, свои стихи и фельетоны печатал на машинке и иногда помещал в газете. Он очень уставал и частенько оставался ночевать в соседней комнате на диване главного редактора с его разрешения.

Клуб был идеальным местом расположения редакции. Здесь кипела культурная жизнь, работали разнообразные кружки, студии, располагалась библиотека, фондами которой пользовался Смеляков. Шестнадцатилетнюю сестру Анны Илюниной Таню Волкову, которая работала младшим библиотекарем и выдавала ему книги, он прозвал Вишней, то ли за румяный цвет лица, то ли оттого что видел ее в каком-то драмкружковском скетче в роли Вишни. Татьяна Николаевна, в замужестве Рудко, рассказывала, что Смеляков запомнился ей художавым молодым человеком со светлыми волосами, бровями и ресницами, глазами цвета «выгоревших на солнце цветков цикория». Лицо у него было бледное, щеки чуть впалые. Говорил он приятным, «бархатным» баритоном, носил коверкотовый костюм бежевого оттенка и кирпичного цвета галстук. На первый взгляд Ярослав казался компанейским парнем, но при более тесном общении в нем чувствовалась какая-то отстраненность от окружающих, погруженность в свои мысли и проблемы. Он был замкнутым, упрямым, не поддающимся чужому влиянию, но Анне Николаевне Илюниной доверял, иногда откровенничал с нею, зная, что она никому ничего не расскажет.

На внешнем облике молодого Смелякова сказались пережитые им испытания. Но мрачным меланхоликом он не стал, постоянно находясь в гуще культурных событий. Из творческих коллективов клуба Ярослав предпочитал народный театр, главным режиссером которого был Николай Николаевич Виноградов, актер Первого московского передвижного рабочего театра, впоследствии театра им. Н. Баумана. Драматические кружки трудкоммуны были слиты в театр-студию в 1935 году, но в начале 1937 года после призыва в армию состав студийцев обновился. На сцене дебютировала юная талантливая Мария Мамонова. Несколько лет до этого она занималась в кружках фортепиано, хореографии, театрального искусства. Ее актерское мастерство быстро росло под руководством Н.Н. Виноградова. Девушка была хороша собой, необыкновенно пластична и грациозна, ее мимика и движения рук были очень выразительны, она

*Татьяна Николаевна
Волкова,
в замужестве Рудко.
1938 г.*

Мария Мамонова в роли летчицы
Лены Медведевой. 1937 г.

вкладывала в игру душу. Все это предопределило необычайную популярность Марии у зрителей, которые ей дружно рукоплескали, скандировали: «Мамонова! Мамонова!» Одной из первых ее ролей была летчица Лена Медведева в пьесе Виктора Гусева «Слава». Большим успехом стала роль крепостной актрисы Лизы Огоньковой в пьесе Юрия Беляева «Псиша», поставленной в 1938 году.

Смеляков всерьез увлекся очаровательной Машенькой, посещал все спектакли с ее участием, помещал отзывы о них в «Дзержинце». Как рассказывала сама Мария Тимофеевна спустя много лет, Ярослав имел на нее виды, но она ему не отвечала, потому что любила другого. Может быть, именно к Марии Мамоновой обращены строки из стихотворения «Майский вечер», напечатанного в газете «Дзержинец» 11 июня 1937 года:

*Чего ж, сероглазая, ты смеешься?
Неужто опять над любовью моей?
То глянешь украдкой. То отвернешься.
То щуришься из-под широких бровей.*

О переживаниях поэта свидетельствует четверостишие, не включенное в окончательную редакцию:

*И я, как дурак, в середине мая
в жаре и цветах, в предвечернем дыму
вдруг хохочу или вдруг вздыхаю,
согласно желанию твоему.*

Было исключено, вероятно по цензурным соображениям, также самое первое четверостишие, где говорится о коммуне:

*Светом солнечным, светом лунным,
майскими звездами освещена
не только Люберецкая коммуна —
вся наша Родина, вся страна.*

По окончании сезона 1938 года Мария Мамонова ушла в декретный отпуск, родила сына Рому. В связи с преобразованием коммуны в производственный комбинат НКВД театр был передан в ведение месткома профсоюза Электростанции, средств на спектакли не имевшего. Постановки практически были прекращены и возобновились лишь осенью 1939 года. Мария Ма-

монова перед войной вернулась на сцену, участвовала также в танцевальном коллективе, проходила прослушивание на авторитетной комиссии, приехавшей в клуб из Москвы. Кто знает, как сложилась бы судьба талантливой самодеятельной актрисы, если бы не война. Брат ее Петр Мамонов поступил в театральный институт, но в силу трудных жизненных обстоятельств не закончил его.

Память о чувстве к Марии Мамоновой осталась у Смелякова на всю жизнь. В 1966 году он сочинил стихотворение «Машенька» по мотивам пережитых им событий 1937–1938 годов. Прототип легко узнаваем в главной героине, описанной с необычайной теплотой. Ситуация в стихотворении предельно заострена и содержит художественный вымысел, касающийся сорванного актрисой спектакля из-за запрета родственников даже близко подходить к сцене и объяснения с нею автора на ее рабочем месте. Изменено и имя режиссера: Николай Николаевич Виноградов выведен под именем Ва-

*После спектакля с участием Марии Мамоновой (в центре)
1938 г.*

силь Васильича, может быть, в память об известном поэте Василии Васильевиче Казине, редактировавшем первые сборники Смелякова. Мария Тимофеевна стала Марией Николаевной, да и вряд ли поэт спустя годы помнил ее отчество. Однако сам поселок, атмосфера творческого коллектива, впечатления от игры Марии Мамоновой, весь ее образ описаны очень живо и достоверно. О своих чувствах убежденный сединами поэт писал:

*Я Машеньку и ныне вспоминаю,
на склоне лет, в другом краю страны.
Любил ли я ее? Теперь не знаю —
мы были все в ту пору влюблены.*

Мария Мамонова не единственное сердечное увлечение Смелякова в коммуне. В 1939 году в «Молодой гвардии» было опубликовано его стихотворение «Лирическое отступление», посвященное Валентине Аркадьевне Макаровой, урожденной Климович. По словам старожилов, происходила она из семьи донских казаков и внешностью напоминала знаменитую актрису Тамару Макарову. Валентина предпочитала одеваться в синий английский костюм, белую блузку со складочками, носила туфли-лодочки. Несмотря на строгую элегантность одежды, она была необыкновенно женственна и обаятельна: блестящие черные волосы, брови вразлет, большие серые глаза с густыми длинными ресницами, ослепительная белозубая улыбка...

В 1932 году 24-летняя Валентина устроилась работать секретарем управления коммуной. Замуж она вышла за юриста С. Макарова, приехавшего из Москвы для консультирования руководства. По воспоминаниям знавших его, это был очень умный и интересный человек. Жили молодые в просторной комнате бывшей монастырской гостиницы «Париж». Счастье их было недолгим: в начале 1937 года Валентина овдовела, ей пришлось оставить работу секретаря, переселиться в небольшую комнатку в фибролитовом доме по Клубному переулку (впоследствии ул. Бондарева). Работала она в бухгалтерии и для восполнения пробелов в знаниях по математике занималась с Илюниной, сотрудницей Смелякова. Анна Николаевна и познакомилась Валентину с Ярославом по его же просьбе. Обращенное к этой женщине «Лирическое отступление» отличается особой нежностью и глубиной чувства, бережным отношением к возлюбленной, несмотря на то что она не отвечает с той же силой. По словам Т.Н. Рудко, отношения между Ярославом и Валентиной были очень нежными, почти супружескими. Скорее всего, к ней же относится стихотворение «Давным-давно», опубликованное в 1940 году в «Молодой гвардии», но написанное двумя годами ранее. Работая в газете коммуны, Смеляков поддерживал связь со своими московскими друзьями, часто перезванивался с поэтом Евгением Долматовским, встречался с братьями по перу во время отлучек в Москву на выходные, когда с разрешения начальства ездил навещать престарелую мать Ольгу Васильевну. В 1938 году он посвятил ей стихотворение «Мама», в котором удивительно точно передано близкое каждому человеку чувство любви к матери:

*... так, как у сердца меня носила,
в сердце своем я тебя ношу.*

«Примечательно его молодое мастерство», — писал М. Луконин о творчестве Смелякова того периода. В его стихах — впечатления от встреч с друзьями, от посещения Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, от свечения светлячков в кустах у Москвы-реки... Но, к сожалению, не только это. Репрессивная политика властей создавала тяжелую атмосферу подозрительности, которую Ярослав в полной мере испытал на себе. Обстановка тогда была такая, что даже на Всесоюзной Пушкинской выставке, куда Смеляков возил рабкоров, особое внимание посетителей обращалось на представленные в экспозиции доносы на великого поэта и анонимные письма.

В «Дзержинце» по указанию сверху помещались статьи о громких процессах того времени. В 20-м номере за 1937 год опубликовали материал «Приговор народа» о том, как на собрании коммуны был поддержан приговор о расстреле высших военачальников М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира и еще шестерых «контрразведчиков германо-японского фашизма». В следующем номере появилось стихотворение Смелякова «Воля народа», заканчивающееся словами:

*Будь же проклята ложь тухачевских, якиров,
Восьмерых уничтоженных нами имен.*

Стихи были написаны явно «по наводке» главного редактора, да и знать истинного положения дел Смеляков тогда не мог. Не стоит строго судить его за эти строки, ведь он, как всякий воспитанник коммуны, должен был подчиняться указаниям начальства. Его обязывали помещать в газете анонимно написанные партийными функционерами материалы. Так, в 31-м номере за 1937 год напечатана статья «Вооружимся бдительностью», направленная против якобы действовавших «врагов народа», которых недвусмысленно предлагалось «вытащить на солнышко» для «выкорчевывания охвостьев фашистского подполья не только в районе, но и в коммуне», где «не особенно любят даже общие разговоры о бдительности к врагу».

Волна сталинских репрессий прокатилась по Угрешской земле в 1937–1938 годах. Пострадали многие коммунары и вольнонаемные работники, прежде всего, руководители высшего и среднего звена. Особенно много людей арестовали на фибролитовом заводе, где работал инженером «враг народа» Глебов — приемный сын репрессированного политического деятеля Л.Б. Каменева. Поводом для арестов могла послужить любая производственная неурядица, объявленная «вредительской»: поломка станков, очереди на автобус, якобы недостаточная рентабельность фибролита...

В конце 1937 года арестовали директора фибролитового завода Н.Е. Малахова, заведующего отделом М.И. Сафронова, механика А.Н. Разумова-Сергеева, помощника директора завода «Спартак» Я.Я. Маслова, калькуляторщика А.В. Емельянова, руководителя группы снабжения П.П. Эгле, заведующего сбытом трудкоммуны И.И. Бурцева и многих других. Им предъявили абсурдные обвинения в принадлежности к террористическим контрреволюционным организациям. Все они были расстреляны в январе 1938 года по приговорам пресловутых «троек» НКВД. Добрались и до Ефима Павловича Смелянского — управляющего коммуной.

Посёлок Трудовой коммуны № 2. 1930-е гг.

Его арестовали в декабре 1937 года и расстреляли на полигоне Бутово в феврале 1938 года.

В этой тяжелой обстановке приходилось работать Смелякову: собирать рабкоровские совещания, обрабатывать представленные материалы, составлять редакционные планы, самому писать серьезные и интересные деловые заметки и статьи, которые отличались краткостью и конкретностью. Собственные материалы в газете Смеляков подписывал своей фамилией и порицал некоторых рабкоров, ставивших только инициалы или скрывавшихся под псевдонимами типа «Зоркий глаз».

Смеляков помещал в «Дзержинце» и свои литературные произведения, содержащие художественный вымысел. Так, написанный с мягким юмором рассказ «Поражение мастера» основан на реальном событии в коммуне — сеансе одновременной игры в шахматы, в котором гроссмейстер И. Мазель выиграл 19 партий из 20 и свел вничью лишь одну — с работником совхоза Каменевым, однофамильцем репрессированного государственного деятеля. В рассказе Смелякова, опубликованном в газете от 2 июня 1937 года, мастер проиграл партию, пораженный красотой своей неопытной соперницы. Рассказ заканчивается весьма поэтично: «И они прошли мимо нас вдвоем — мастер и женщина — в майскую ночь вдвоем, под звезды. И, перемежая улыбки и вздохи с гамбитами и дебютами, мастер подпрыгивал, как мальчик, и сиял».

В 1938 году поселок трудовой коммуны стал самостоятельной административной единицей и получил имя Ф.Э. Дзержинского. В поселковой газете «Дзержинец» Ярослав Смеляков работал до ноября 1939 года, когда был призван в действующую армию Ухтомским райвоенкоматом. Тяжелую финскую войну Смеляков отвоевал рядовым солдатом, благополучно вернулся в Москву весной 1940 года и был принят на работу в аппарат Союза писателей. Дела у Ярослава пошли в гору. Жил он у матери на Большой Молчановке,

летний отпуск провел в Крыму. Бывал он и в поселке имени Дзержинского: вероятно, приезжал к Валентине Аркадьевне Макаровой. Кроме того, необходимо было решить вопрос с изменением местной прописки на московскую.

В самом конце сентября 1940 года Анна Николаевна Илюнина встретила Ярослава Васильевича на берегу пруда по дороге к гаражу, куда он шел с вещмешком за плечами: видимо, вопрос о прописке был к тому дню уже окончательно решен. На руках молодая женщина держала полугодовалого малыша Кирюшу, не дававшего покоя матери ни днем ни ночью. Смеляков не видел свою бывшую сотрудницу около года и очень обрадовался неожиданной встрече, но было видно, что он жалеет измотанную, сильно похудевшую Анну. Говорили они недолго, но очень душевно. «Ну прощай, увидимся ли еще?» — были его последние слова.

Перед войной молодой поэт плодотворно работает. Он пишет цикл «Крымские стихи», его произведения выходят в свет в «Молодой гвардии», «Литературной газете», «Красной нови», журнале «30 дней». Из его лучших произведений 1940–1941 годов наиболее известны «Если я заболею, к врачам обращаться не стану» и «Хорошая девочка Лида». В августе 1940 года под редакцией В.В. Казина подготовлена к публикации новая книга стихов Смелякова, куда он включил и лучшие произведения, написанные на Угреше. К сожалению, брошюру так и не выпустили.

В фашистском плену, советском лагере и ссылке

В мае 1941 года Смелякова призвали в армию из резерва, зачислили рядовым во Вторую легкострелковую бригаду и направили в Карелию. Осенью 1941 года во время тяжелых боев на подступах к Ленинграду он вместе со своей частью попал в окружение и в плен к финнам, воевавшим на стороне фашистов. В лагере он пробыл три года, испытал все тяготы подневольного труда на финской ферме, куда пленных препровождали конвоиры с овчарками. Обращались фашисты с узниками жестоко. Не один раз пришлось Смелякову выносить сильные удары по лицу прикладом просто за пристальный взгляд на конвоира. Друзьям о нем не было ничего известно, ходили слухи о его гибели. Евгений Долматовский даже написал трагическое стихотворение, посвященное его памяти. Лишь Маргарита Алигер полагала, что Ярослав жив: вернувшись из эвакуации зимой 1942 года, она неожиданно нашла дома кольцо, подаренное Смеляковым, которое снова куда-то девалось в ее квартире перед отъездом в октябре 1941 года.

Осенью 1944 года между финской и советской сторонами был произведен обмен военнопленными. Из фашистского лагеря вместе с товарищами по несчастью Смеляков попал в наш проверочный лагерь. В 1946 году его освободили

Ярослав Смеляков. 1947 г.

из заключения, но в Москву вернуться не разрешили. Не довелось ему больше бывать и в Дзержинском. Ни с Марией Мамоновой, в замужестве Проворовой, прожившей в поселке всю жизнь, ни с Валентиной Макаровой-Климович он не встретился. В начале Великой Отечественной войны Валентина Аркадьевна эвакуировалась куда-то в Сибирь, где, видимо, осталась на постоянное жительство.

Смеякова направили в Сталиногорск (ныне Новомосковск) Тульской области. Ярослав работал на шахте в пос. Донском, потом был помощником заведующего банно-прачечным комбинатом, сотрудничал в газетах «Сталиногорская правда» и «Московская кочегарка», где выходили его заметки и стихи. В штат «Сталиногорской правды» Смеякова приняли при содействии главного редактора Константина Ивановича Разина.

Поэт Степан Поздняков приютил его в своей комнате в Сталиногорске. Жили в тесноте да не в обиде: койку Ярослава отделял от хозяев большой самодельный шифоньер. По ночам Ярослав часто сочинял стихи и утром читал их Позднякову. Изредка и неохотно, по настойчивым просьбам друга, Смеяков рассказывал о своей жизни в немецких и советских лагерях, признавался, что его очень беспокоила разлука с матерью, ее страдания и лишения. «А что до меня самого, то это все ерунда, были бы чернила да то, что этими чернилами можно писать, ведь моим истинным увлечением всегда были и будут одни стихи. И хорошее стихотворение делает меня счастливым вопреки всему остальному», — говорил он. По счастью, возможность записывать стихи в лагерях у Смеякова была. Несмотря на тяжелые обстоятельства, он сочиняет светлые стихи о матери, полные патриотизма строки о Родине, о воевавших солдатах, о прекрасных русских женщинах. Из этих стихотворений особенно известны «Вот опять ты мне вспомнилась, мама», «Земля», «Кремлевские ели», «Милые красавицы России», «Манон Леско».

Смеяков приходит на спектакли городского народного театра, пишет о них в местной газете. Он руководит литобъединением, участвует в вечерах поэзии, организуемых Поздняковым во Дворце культуры. Стихи Смеякова начинают печатать толстые московские журналы «Знамя», «Новый мир». Московские друзья хлопочут за него, в 1947 году ему разрешают вернуться в Москву.

Заключение в Инте

Ярослав Васильевич снова восстановлен в Союзе писателей, в 1948 году выходит в свет его книга «Кремлевские ели», куда включены стихи, написанные до и после войны. К тому времени он был уже два года женат и жил с супругой Евдокией Васильевной и ее дочкой Леночкой в однокомнатной квартире по Спасопесковскому переулку.

Однако благополучный период длится только три года. В «Литературной газете» появляется критическая статья С. Львова, где высказывается мнение, что сборник «Кремлевские ели» лишь внешне оптимистичен, а по сути стихи Смеякова «всегда о смерти». Вновь начинается травля творческой интеллигенции, которую огульно обвиняют в «космополитизме». В 1951 го-

ду на квартиру Ярослава кто-то из «друзей» приводит провокатора, который во время застольной беседы получает на поэта необходимый «компромат». Вскоре Смелякова по доносу арестовывают и осуждают по печально известной 58 статье УК на 25 лет лагерей. Его потрясенная горем 74-летняя мать Ольга Васильевна умерла в Москве в 1952 году.

Несправедливое заключение поэт отбывает в приполярной Инте, где работает на добыче доломита. Поэзия снова помогла ему выстоять. Он не перестал верить в советскую власть, в ее прогрессивность. Он считал, что ее позорили люди, которые предавали, сажали, истязали его самого и его друзей. Глубинных причин происходящего он понять не мог. В 1952 году в лагере в стихотворении «Мы не рабы» Смеляков писал:

*Как же случилось, что я, запеваля-поэт,
стал — погляди на меня — бессловесным рабом?
Не в чужеземном пределе, а в отчем краю,
не на плантациях дальних, а в нашей стране,
в грязной одежде раба на разводе стою,
номер раба у меня на согбенной спине.*

По-видимому, до конца жизни Смеляков так и не нашел полностью удовлетворяющего его ответа на этот вопрос, что было одной из причин внутреннего трагизма, заметного в его облике.

Такие стихи не могли быть, конечно, опубликованы в советское время, в отличие от других, более светлых и не затрагивающих тему репрессий, написанных уже после того, как в 1954 году его освободили из лагеря. Теплые строки были посвящены бывшей жене Евдокии, с которой поэт развелся в преддверии ареста, чтобы не подвергать опасности репрессий, но сохранил добрые отношения. В ссылке Смеляков сочинил первую часть поэмы «Строгая любовь» о делах и чувствах, нежных и не очень, его ровесников, учившихся в школе имени Ильича. С высоты жизненного опыта он пишет об их наивном аскетизме, о борьбе с «мещанством» в быту, о первой любви увлеченных комсомольской работой Яшки и Лизки... До 1956 года поэт оставался в Заполярье. Спустя десятилетие он писал:

*До Двадцатого до съезда
жили мы по простоте —
безо всякого отъезда
в дальнем городе Инте.*

Годы признания и творческих споров

После XX съезда КПСС Смелякова полностью освободили. Вернувшись в Москву, на квартире первой жены Ярослав Васильевич читает друзьям по перу первую часть поэмы «Строгая любовь», и в том же 1956 году она выходит из печати отдельной книгой. К сожалению, поэма так и осталась незавершенной. Смеляков ограничился лишь набросками второй части.

После освобождения жизнь Смелякова внешне складывается вполне благополучно. Он вновь восстановлен в Союзе писателей, вместе с Михаилом Лукониным руководит отделением поэтов, ведет раздел поэзии в журнале «Дружба народов», редактирует альманах «День поэзии». Личная

жизнь тоже складывается удачно: второй брак с поэтессой и переводчицей Татьяной Валерьевной Стрешневой оказался прочным и счастливым. Смеляков помогал жене воспитывать сына от первого брака, к которому относился как к родному ребенку. Татьяна приспособилась к его трудному, ершистому характеру, прощала вредные привычки и мимолетные увлечения, умела уладить конфликты, возникавшие из-за нетактичного поведения поэта после застолий. Сближала их любовь к поэзии, к искусству, к природе, к людям, к животным. В их двухкомнатной квартире на Ломоносовском проспекте и на даче в Переделкине жили две собаки-дворняжки, да еще в последний год жизни поэт подобрал на улице беспородного щенка. Трогательные, дышащие любовью и состраданием стихи Смеляков написал о домашних любимцах и других «братьях меньших»: «Воробышек», «Ягненок», «Собака», «Собачьи морды», «Недопесок»...

Ярослав Смеляков. 1960-е гг.

Жене Татьяне поэт посвятил несколько стихотворений, самое красивое среди которых «Зимняя ночь»: о возвращении из гостей по заснеженным ночным улицам Ленинграда с любимой, которая в снежных «блестках похожа на русскую зиму-зиму». Стихотворение заканчивается словами:

*И с тебя я снимаю снежинки,
как Пушкин снимал соболей.*

Такое сравнение не случайно. Смеляков очень почитал великого русского поэта, написал о нем немало стихов, поверял свои произведения по нему, очень болезненно переживал его смерть на дуэли, по советской традиции осуждая за это царизм и вина Наталью Николаевну Пушкинину. О жене великого поэта Смеляков в 1959 году написал резкое стихотворение «Натали», представление о котором дает последнее четверостишие:

*Мы не забыли и сегодня,
что для тебя, дитя балов,
был мелкий шепот старой сводни
важнее пушкинских стихов.*

Спустя годы Смеляков понял, что был не прав, когда с таким осуждением и неуважением писал о Наталье Николаевне, и сочинил «Извинение перед Натали», прося ее позабыть прежнее стихотворение, как при жизни она смогла «забыть великого поэта — любовь и горе всей земли». Таков был характер неистового Смелякова. Он наверняка написал бы еще одно извинение, если бы узнал, что Наталья Николаевна помнила Пушкина до последних дней жизни и каждую пятницу — день недели, когда он скончался, облачалась в траур, постилась и молилась за его упокоение. Великодушный второй муж ее, П.П. Ланской, разрешал это. А вот Смеляков рассудком вряд ли смог бы понять ее молитвенный подвиг, ведь он был неверующим, а вернее — безразли-

чным к религии. Однако его поэзия иногда была красноречивее его самого. Так, в стихотворении о Красной площади (1947), где по ощущениям автора «и сейчас еще воздух насыщен электричеством ленинских слов», есть глубокое и для тех времен очень нетривиальное по внутреннему содержанию четверостишие, которое могло бы стать самостоятельным произведением:

*Над клубящейся пылью Вселенной,
над путями величья и зла,
как десницу, Василий Блаженный
тихо поднял свои купола.*

В 1950–1960-е годы Смеляков много пишет, переводит с разных языков народов СССР и социалистических стран сочинения национальных поэтов. Как отмечал писатель Н.М. Коржавин, его лучшие стихи выделяются на общем фоне зрелостью и обобщенностью чувств, чистотой и благородством тона, мужской смелостью и приглушенным трагизмом.

Одна за другой издаются и переиздаются книги Смелякова: однотомники и двухтомники избранных стихотворений (1957, 1961, 1964, 1967, 1970), «Строгая любовь» (1957, 1967), «Работа и любовь» (1960, 1963), «Разговор о главном» (1959), «Золотой запас» (1962), «Хорошая девочка Лида» (1963), «Милые красавицы России» (1966), «Роза Таджикистана» (1966), «Товарищ комсомол» (1968), «Молодые люди. Комсомольская поэма» (1968). В 1968 году Смеляков был удостоен Государственной премии СССР за книгу «День России», опубликованную в 1967 году и ставшую явлением в советской поэзии. Книга эта потом неоднократно переиздавалась. Были у Ярослава Васильевича и высокие правительственные награды — три ордена.

К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина выходит в свет книга Смелякова «Связной Ленина» (1970). Однако поэт, хотя и считал себя ярким сторонником советской власти и вполне искренне с пафосом и глубоким патриотизмом прославлял ее в стихах, особой любовью советских правителей не пользовался. Ему не прощали собственного мнения, отсутствия подобострастности к высшей номенклатуре. Когда все охаивали Сталина после разоблачения «культы личности», в 1964 году Смеляков вдруг пишет ностальгическое стихотворение о могиле поверженного вождя, несмотря на 10 лет своего узничества в ГУЛАГе. Исключение он делал лишь для В.И. Ленина, которого, как и большинство советских граждан, идеализировал.

Писал Смеляков и стихи, публиковать которые в то время было невозможно: «Три витязя» — о репрессированных друзьях-поэтах, «Жидовка» — о еврейке-революционерке, которая в 1930-е годы славилась особой жестокостью, работая в органах НКВД, а потом и сама попала в ГУЛАГ. Формальный повод говорить о его антисоветизме был. С другой стороны, именно в «советизме» обвиняли его собратья по перу, вынужденные эмигрировать за рубеж. Так, Н.М. Коржавин порицал Смелякова за интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс», в котором он критиковал за «антисоветскую» направленность произведения А.И. Солженицына о ГУЛАГе.

Характерно отношение Смелякова к прошлому своей Родины, выраженное в афористичной «Надписи на «Истории России» Соловьева» (1966):

*История не терпит суесловья,
трудна ее народная стезя.
Ее страницы, залитые кровью,
нельзя любить безумною любовью
и не любить без памяти нельзя.*

В последние 10–15 лет своей жизни Смеляков — признанный, маститый поэт, любимый читателями. Он выступает на радио, в телевизионных передачах, гораздо больше других советских литераторов ездит по стране, бывает в зарубежных командировках, встречается с молодыми поэтами России и других республик, многие из которых с благодарностью вспоминают его строгую, но всегда доброжелательную и справедливую критику. Начинающим литераторам он помогает публиковаться, отечески опекает их, никогда не унижая достоинства. Ярослава Васильевича уважают за стойкий характер, принципиальность, доброту, юмор.

Ярослав Смеляков. 1964 г.

Здоровье Смелякова, подорванное в лагерях, резко ухудшилось в конце 1960–х годов. В стихотворении «Сердце», размышляя над словами Генриха Гейне: «Если мир треснет, трещина пройдет через сердце поэта» он писал:

*Мир был разъят и обесчещен,
земля крутилась тяжело.
Ах сколько их, тех самых трещин,
по сердцу самому прошло!*

До последних дней жизни он продолжал писать хорошие стихи, встречаться с молодыми литераторами, творчество которых курировал, с друзьями. Поэт немного не дожил до своего 60–летия и скончался 27 ноября 1972 года. После смерти Смелякова вышли в свет его книги «Мое поколение» (1973), «Служба времени» (1975), собрание сочинений в трех томах (1977–1978) и другие издания. Во второй половине 1980–х годов стали печататься и его стихотворения, которые раньше не пропустила бы цензура.

Автограф Ярослава Смелякова

Ярослав Смеляков оставался верным убеждениям юности и даже в предсмертном бреду, по словам жены, «все с кем-то спорил, все советскую власть отстаивал». Он был крупным русским поэтом, но не гениальным мыслителем и провидцем. Слово подводя итог своему творчеству, незадолго до смерти он написал:

*Что делать? Я не гениален,
нет у меня избытка сил,
но все ж на главной магистрали
с понятием собственным служил.*

Критик В.В. Дементьев так оценивал творчество Смелякова: «Его лучшие строфы написаны на высокогорном уровне». «Он часть нашей жизни

и часть нас самих», — отмечал эмигрант Н.М. Коржавин. Несколько десятков стихотворений Смелякова, даже по мнению критиков его творчества, прочно вошли в сокровищницу русской поэзии. Это стихи о вечном: о состояниях человеческой души, о труде, о любви к женщине, к матери, к Родине, к животным, к природе и подвигах ради этой любви. В это избранное можно включить и несколько стихотворений, написанных Смеляковым на Угрешской земле или посвященных происходившим здесь событиям. Подборку этих стихов можно прочесть в приложении под условным названием «Угрешская тетрадь». Сам поэт такого цикла в своем творчестве не выделял, но пребывание в трудкоммуне помнил. Когда он встречался с людьми из поселка имени Дзержинского, то расспрашивал о жизни в нем. В начале 1970-х годов Смеляков собирался приехать на литературный вечер в поселковый Дворец культуры, где в конце 1930-х годов располагалась редакция многотиражки «Дзержинец». К сожалению, тяжелая смертельная болезнь помешала поэту выполнить задуманное и вечер прошел без его участия.

Александр Белов

«Люберецкая газета». 02.10.2001 г.

МАШЕНЬКА

Бесполезное дело

Зашел у меня с Саниным нелегкий спор о том, кому отдать предпочтение: писателю, говорящему о своем творческом пути, или критику, биографу. Я склонялся к мнению, что писатель более достоверен, рассказывая о себе.

— Но зато он более субъективен и эмоционален, — парировал Санин. — Критик же независим в суждениях. Критик вне критики, — каламбурил он.

— Не скажи! — одернул я его.

Молодой и неопытный, он рубил с плеча, имея об отечественных зоилах самое смутное представление, полученное со школьной скамьи. Белинский, Чернышевский, Добролюбов — вот обойма, вот его луч света.

— А ведь даже корифеи, — убеждал я, — способны наломать дров. — Писарев был чересчур жесток к Пушкину. А наши современники разве не ошибаются? Послушай, как высказывался Валентин Дементьев о Смелякове. Я достал с полки книжечку, нашел отчеркнутый абзац: «Искать открытую «дневниковость» в большинстве стихотворений Смелякова — бесполезное дело».

— Бесполезное, — спокойно подтвердил Санин.

— Да, но сам Смеляков утверждал совсем противоположное (я потянулся к другой книге, процитировал): «За каждым из моих стихотворений стоит тот или иной человек, то или иное событие, участником которого я был». Это,

Санин, не слова заносчивого мальчика, а умудренного жизнью зрелого мужа, высказанные им в автобиографических набросках «Несколько слов о себе». Кому же верить: автору или его биографу?

— А вы, Александр Алексеевич, часом не встречались когда-либо с Ярославом Смеляковым? — ни с того ни с сего, без всякой логики вдруг брякнул он.

Вечер поэзии

— Смелякова, Санин, я видел только один раз. Было это году в 57-м. К нам, студентам МГУ, в старое здание на Моховой завернула плеяда тогдашних известных литераторов: стремительно восходящий Евтушенко, уже нисходящий Долматовский, другие. Я же устремился на этот литературный диспут ради Смелякова. Меня снедала черная зависть.

— Да ну? — откликнулся мой слушатель. — Никогда бы не подумал.

— Была у меня, дорогой друг, в детстве первая любовь. Чистая, непорочная, ничем не омраченная, даже без единого поцелуя. В седьмом классе я был увлечен девочкой по имени Лида. Была она старше на год (по болезни отстала от своего класса). А не секрет, что безусая молодежь влюбляется в старших по возрасту. Дама моего сердца жила с родителями в частном доме на тихой захолустной улочке. Вечерами, как стемнеет, я подкрадывался к окнам, пытаюсь сквозь неплотно прикрытые ставни и полупрозрачные тюлевые шторы полюбоваться на свою пассию. Уходя, я обычно царапал кусочком мела на воротах или заборе «Спокойной ночи, Лида!» или что-то подобное.

Надо ли говорить, что начавшаяся Отечественная война навсегда нас развела. Но свое нерастраченное чувство я пронес через всю жизнь. Представляешь, мой юный друг, что было со мной, когда я в каком-то тощем провинциальном сборничке, не веря своим глазам, улицезрел заголовок — «Хорошая девочка Лида». Сразу же резанули память строчки:

*Вдоль маленьких домиков белых
акация душно цветет.
Хорошая девочка Лида
на улице Южной живет...*

И дальше — о мальчишке-романтике, который и «с именем этим ложится, и с именем этим встает»:

*Недаром на каменных плитах,
где милый ботинок ступал,
«Хорошая девочка Лида», —
в отчаянье он написал.*

Я чуть не заревел от досады. Ведь это моя Лида! Ведь я так хотел о ней написать! Кто подсмотрел потаенные мои мысли, заглянул в самую душу, бессовестно обокрал? Караул!.. Ах, Смеляков?.. Теперь тебе понятно, Санин, почему я очутился в старом университетском клубе на Моховой (проспект Маркса).

«Могучая кучка» поэтов стояла на сцене. Они были в нерешительности. Администрация забегалась, и представить их было некому. А нетерпеливое студенчество уже скандировало под Маяковского: «Пора начинать! Чего они

мешкают!» И тогда Смеляков, оправдывая фамилию, смело выдвинулся вперед. Был он уже несколько грузноват, подстрижен почти под ноль, костюм, возможно с чужого плеча, сидел на нем мешковато. Какая-то упрямая мужицкая сила, покоряя других, исходила от его крепкой фигуры. Без всякого уважения к коллегам, он стал дерзить: «Ну вы, здешние короли поэзии, давайте!» И не особо вежливо принялся подталкивать к микрофону Долматовского.

Надо было видеть, как перекошилось лицо уважаемого Евгения Ароновича! Он побагровел, зашипел, пытаясь устоять на месте. Выручил долговязый Евтушенко. Попросив внимания, пустился он в декламацию.

— А почему у Смелякова короткая стрижка? — опять невпопад подсунулся Санин.

— Ярослав Васильевич недавно освободился из мест не столь отдаленных, по терминологии Солженицына, из лагерей ГУЛАГа. А там привыкли стричь наголо.

— Как?! — разинул рот Санин. — Неужели и он сидел?

— О дорогой! «Кто из вас решетчатые прутья не царапал и не грыз!» — отделался я цитатой из Маяковского. — Бывал Смеляков там, бывал, и не один раз. Сначала по милости Горького. А потом пошло-поехало! В войну был у финнов в плену, оттуда — по эстафете в советские лагеря. Освободился — снова посадили. Выпустили уже в 56-м... Но я сильно отклонился...

Ярослав Васильевич выступал третьим или четвертым. Сразу же предупредил, что исполнит только новые стихи. Но по просьбе из зала (догадываешься, кто попросил?) прочитал «Хорошую девочку Лиду», написанную еще в 1940 году. А затем настала очередь «Машеньки». Как он ее читал, эту чудесную лирическую поэму-миниатюру! Должно быть, и добрые, и злые воспоминания о тревожной молодости нахлынули на него.

Волнительное имя

Само это имя — Маша, Машенька — нежное, ласкательное, очень любимое народом. «Лучшими именами считаются Иван да Марья», — отметил в своих «Этнографических сведениях по Рязанской губернии» в 1871 году священник Селезнев. А уж он-то понимал толк в христианских именах, помогая родителям выбирать имя для новорожденных.

У Некрасова есть трогательное стихотворение «Маша» («Белый день занялся над столицей...»). Популярна была перед войной сентиментальная комедия Афиногенова «Машенька». В войну вышел на экраны кинофильм «Машенька», главную роль в котором сыграла талантливая актриса Караваева. Да так сыграла, что спустя годы рецензенты ахали: «До сих пор образ Машеньки остается одним из лучших созданий нашей русской кинематографии...» Каюсь, была и у меня в жизни своя Машенька... Волнительное имя...

Кстати, прилагательное «волнительное» находилось у пуристов, ревнителей чистоты литературного языка под запретом, употребление его считалось низким стилем. Ученый Б. Тимофеев в своем популярном пособии «Правильно ли мы говорим?» сетовал: «Это новое слово очень любят упот-

реблять в своих выступлениях критики, работники театра». Но проследи, Санин, эпитет «волнительный» в «Машеньке» пришелся ко двору.

Возможно, все «машеньки», которых я перечислил и не перечислил, наложили свой отпечаток на Машеньку Смелякова. Но это не есть заимствование.

Причем тут Дания!

Но вернемся на вечер поэзии. Смеляков покорял аудиторию «Машенькой», а у меня с каждой очередной строфой зрела уверенность, что эта мини-поэма-повесть незримо связана с нашим Люберецким районом. По намекам и отдельным деталям я даже догадывался, о каком населенном пункте шло повествование. Вот тебе, приятель, сборник «День России», за который Смелякову присуждена Государственная премия СССР, открывай, читай, я буду комментировать.

Санин послушался:

*Происходило это, как ни странно,
не там, где бьет по берегу прибой,
не в Дании старинной и туманной,
а в заводском поселке под Москвой.*

— Причем тут Дания? — недоуменно воскликнул он.

— Ружье, Санин, по определению Чехова, висящее на стене в первом действии пьесы, обязано выстрелить в конце. Так и Дания свое слово еще скажет.

Чтец повторил:

*Не в Дании старинной и туманной,
а в заводском поселке под Москвой.*

— Обрати внимание, — остановил я его. — Место действия прорисовывается: ближайшее Подмосковье, не исключено, что наш район, что вплотную примыкает к столичному городу. Далее, поселок заводской, то есть промышленный. Перед войной к таким поселкам относился Дзержинский. Не взять ли это за рабочую гипотезу? Тогда, в 30-е годы, в Дзержинском, в кельях и соборах Николо-Угрешского монастыря, содержалась огромная армия бывших правонарушителей. В трудкоммуне ОГПУ № 2, чтобы направить их на путь истинный, приучить к повседневному труду, были созданы заводы: фибролитовый, лодочных моторов, электрозавод, фабрика «Спартак», музыкальная фабрика... Но читай дальше.

*Там жило, вероятно, тысяч десять,
я не считал, но полагаю так.*

Все сходится, хотя и приблизительно. Географический словарь «Все Подмосковье» сообщает, что в 1939 году в Дзержинском проживало 7700 человек... Дальше!

*Но там была на месте влажной роцци,
на нет сведенной тщанием людей,
как и в столицах, собственная площадь
и белый клуб, поставленный на ней.*

— Роццу, известную еще по летописям XVII века (через нее везли в монастырь строптивного протопопа Аввакума, чтобы заточить в глухое подзем-

лье), вырубili уже при советской власти — «свели на нет». На образовавшемся пустыре коммунары построили из белого (серого) камня клуб.

*И в этом клубе, так уж было надо —
нам отставать от жизни не с руки —
кино крутилось, делались доклады
и занимались разные кружки.*

— Ну, Санин, место действия мы вроде бы уточнили, поселок Дзержинского, трудкоммуна. Пора перейти к характеристике действующих лиц.

— Минуточку, Александр Алексеевич! А почему время действия мы привязали к предвоенному периоду?

— Но это же явствует из текста «Машеньки»! Автор скорбит о «давно ушедших днях», сожалеет, что это было «столько лет назад», признается: «Я Машеньку и ныне вспоминаю на склоне лет». Ярослав Васильевич родился в 1912 году. И если отождествить лирического героя с автором, то его молодость должна падать на тридцатые годы... Налицо и другие совпадения... Перейдем же к характеристике действующих лиц. Их всего двое.

Действующие лица

Итак, при коммунарском клубе был создан драматический кружок.

*Застенчива и хороша собою,
как стеклышко весеннее, светла,
его премьершей и его душою
у нас в то время Машенька была.
На шаткой сцене зрительного зала,
на фоне намалеванных небес она,
светясь от радости, играла
чекисток, комсомолок и принцесс.
Лукавый взгляд и зыбкая походка
и голосок, волнительный насквозь...
Мещаночка, девчонка, счетоводка —
нельзя понять, откуда что бралось.*

— Как ярко очерчен имидж Машеньки... А второе действующее лицо?.. Продолжай, Санин! Он, как и мы, из журналистской братии.

*А я в те дни, не ведая поблажки,
вертясь, как черт, с блокнотом и пером,
работал в заводской многотиражке
ответственным ее секретарем.*

— Ну и как ответсекретарь относился к общему божеству?

*Я Машеньку и ныне вспоминаю,
на склоне лет, в другом краю страны.
Любил ли я ее? Теперь не знаю.
Мы были все в ту пору влюблены.*

— Стоп, Санин! — прервал я его. — Необходимо сделать ремарку. Говоря о своих предшественниках—учителях, Смеляков назвал и Есенина.

*Над нами тень Багрицкого витала,
и шелестел Есенин за спиной.*

Есенинский «шелест» ощутим и в «Машеньке». Явная реминисценция (отзвук чужого произведения). Есенин в «Анне Снегиной» категоричен: «Мы все в эти годы любили, но значит, любили и нас». Смеляков более осторожен: «Мы были все в ту пору влюблены». Быть слегка влюбленным и любить — есть разница. Любила ли Машенька репортера? Навряд ли. Она предпочла ему другого.

Под шепот шекспировских старух

В жизни всегда есть место драмам. Высоким — и тогда за перо берутся классики: «отец трагедии» Эсхил, Софокл, несравненный Шекспир. Или драмы обычные, житейские, заурядные, о которых обыватели посудачат, поохают и забудут до очередной кухонной размолвки. Да может быть, пару стихотворных строк тиснет о том язвительный поэт Смеляков. Такая заурядная участь была уготована и Машеньке. Она кумир, чаровница, ее лелеют, обожают, дарят цветы и аплодисменты. Но в один прекрасный день все рушится. Примадонна не приходит в клуб. Спектакль сорван. Что случилось, Санин?

*Дают звонки. Уже четвертый сдуру.
Партер гудит. Погашен в зале свет.
Оркестрик наш закончил увертюру.
Пора! Пора! А Машеньки все нет...
А к вечеру, рожденный в смраде где-то
из шепота шекспировских старух
(вот она, Дания! Вот Гамлет и Офелия!
Ружье выстрелило),
нам принесли в редакцию газеты
немыслимый, но достоверный слух.
И услышала заводская пресса,
упрятав в ящик срочные дела,
что наша поселковая принцесса,
как говорят на кухнях, понесла.*

Идеальное, чистое, целомудренное разбилось о бытовой примитив. Ореол божественности померк, рассеялся. Какая там принцесса! Кокетка, дама полусвета. Драмкружковцы возмущены, идеалы их поруганы. Журналист, ранее писавший восторженные рецензии о постановках, рассерженно идет выяснять отношения с блудницей...

Но дверь ее не открывалась мне.

Виновица подвергнута остракизму. Дорога на подмостки навсегда для нее закрыта.

По страницам многотиражки

У меня была уверенность, что Машенька списана с натуры. Горькая доля бедной девушки волновала. Томило желание узнать о дальнейшем ее жизненном пути.

Нередко посещая библиотеку им. Ленина, где хранятся все печатные издания, выходящие в нашей стране, и помня о «репортере» из «Машеньки», который сотрудничал в многотиражке, по моей версии, поселка Дзержинского, я задался мыслью найти эту газету. Особого труда мне это не составило. Я обратился к каталогам и через полтора часа уже держал подшивку в руках. Газета называлась «Коммунар», но с 10 апреля 1937 года изменила свое название на «Дзержинец». Ее ответственным редактором была А.А. Медова. Тут же объяснялось, почему состоялось переименование: «За два с половиной года своего существования газета «Коммунар» воспитала кадры постоянных рабкоров и штатных работников...

«Коммунар», выходя один раз в шестидневку и часто запаздывая, многие вопросы освещала после того, когда они уже были всем известны... Кроме того, объединение в одной газете двух больших коммун (Болшевской и Люберецкой) лишало возможности каждую коммуну использовать весь материал, поступающий в редакцию. По этой причине, главным образом, и решено было в каждой коммуне иметь свой печатный орган».

Внимательно листал я страницы, надеясь натолкнуться на искомую фамилию. Где там! В том страшном своими репрессиями году авторы заметок спасались за частоколом псевдонимов. В ходу были самые неожиданные: «Рыбий глаз», «Зоркий», «Прохожий». Особенно донимал меня какой-то «Старик», появлявшийся почти в каждом номере. Грешным делом, я подумал, не Смеляков ли это? Молодости свойственно рядиться во взрослые одежды. Да я и сейчас не уверен, что это не Смеляков. В таком случае 80-тысячный «Словарь псевдонимов» Масанова может пополниться еще одним.

Вскоре мне пофартило. Под одним из скромных отчетов с собрания депутатов Кишкинского сельсовета мой глаз уловил не менее скромную подпись: Смеляков. Это был номер от 26 мая 1937 года. 28 мая — снова он. Сомнения отпали, поставлены все точки над «i»: Смеляков, как и его мифический двойник, репортер из «Машеньки», действительно работал в «Дзержинце». Возможно, он был принят в штат при разделении многотиражки «Коммунар» на две газеты по числу трудовых коммун, из которых одна, болшевская, носила имя Ягоды, а вторая, Люберецкая, — Дзержинского. Просто появилась в редакции вакантная должность. 2 июня в газете новинка — «Литературная страница», а в ней — рассказ «Поражение мастера». Изящная читабельная миниатюра. А я и слыхом не слыхивал, чтобы поэт увлекался прозой.

11 июня снова подарок — стихотворение «Майский вечер»:

*Светом солнечным, светом лунным,
майскими звездами освещена
не только Люберецкая коммуна,
вся наша родина, вся страна.*

Это стихотворение позднее Смеляков неоднократно включал в свои сборники, только отбросил первую процитированную мной строфу, указывающую на трудкоммуны.

— Пожертвовать таким четверостишием! — возмутился Санин. — С какой целью?

В комнате звучало радио, передавали стихи Некрасова. Мужской голос произнес:

— Вырастешь, Саша, узнаешь...

Я ухватился за Некрасова:

— Вырастешь, Санин, узнаешь...

Тщетные поиски

С особым упорством я искал в многотиражке упоминаний о Машеньке. Я искренне верил, что Смеляков рисовал ее с натуры. Не писать о ней было нельзя. Она была актрисой, и прехорошенькой. И я принялся за театральные рецензии, которые с такой охотой преподносил читателям «Дзержинца» неведомый Старик.

Постепенно мне открылась вся история художественной самодеятельности трудкоммуны. С 1933 по 1935 год было три самостоятельных коллектива: ТЮЗ, ТРАМ и Центральный драматический кружок.

— ТЮЗ — это театр юного зрителя? — то ли спрашивая, то ли утверждая, промолвил Санин.

— А ТРАМ — театр рабочей молодежи... Такие вот аббревиатуры... В 1935 году все коллективы объединились в один Самодеятельный Театр коммуны. Профессионализм был высок. Ставились сложные спектакли: классические — «Слуга двух господ», современные, в духе соцреализма — «Гибель эскадры», «Интервенция». Коммунары выступали в районе и в Подмосковье.

Иногда мне казалось, что я близок к победе и что прототип Машеньки найден. Так было при прочтении огромной рецензии Старика на постановку пьесы Гусева «Слава» в номере от 27 июля 1937 года. Он курил фимиам исполнителям: «П. Мысин (Мотыльков), Букреев (Маяк), Мартынов (Медведев), Мамонова (Елена), Устинова (Наташа), Кариф и Жуков (пионеры) играли хорошо, уверенно, правдоподобно...» И тут же с газетной полосы смотрело милостивое личико Мамоновой. Она (такова роль) в военной гимнастерке, которая подчеркивает стройность ее фигурки, на светлые кудряшки озорно надвинута пилотка со звездочкой... Может быть, это и есть таинственная Машенька? Но давал знать о себе и голос противоречия. А вдруг Машенька — Устинова?

Листаю дальше. Отзыв о пьесе «Павел Греков». Интригующие строчки: «Роль Маши с успехом играет Валентина Жарская». И фото: мягкая круглая мордашка, очень привлекательная. Впрочем, ночью все кошки серы... Виноват, я хотел сказать, в ранней молодости все девушки симпатичные, это потом, после десятка лет совместной жизни с нами, они метаформируются в зануд и выжиг. Не женись, Санин!.. Да, я о чем?.. Не Валентину ли Жарскую воспел под именем Машеньки наш любимец муз? Теряюсь в догадках. Зашел в тупик.

— Вы меня познакомите с ней? — загорелся я.

— Только заочно, — улыбнулась хозяйка. — В Отечественную войну Анна Андреевна вместе с заводом эвакуировалась в Новосибирск, да так и застряла там. Но мы переписываемся. Я дам адрес.

Я сразу же написал в далекий сибирский город. Ответ меня сильно расстроил. Анна Андреевна сухо сообщала, что при ней никакой Смеляков в редакции не работал, это сплошная путаница, а ответственным секретарем газеты он был в Сталиногорске, туда и следует обращаться, примите мои наилучшие пожелания и так далее.

В Сталиногорск, ныне Новомосковск, я обращаться не стал, ибо знал, что Смеляков туда был послан после освобождения из плена, а мне нужны были совсем иные годы. Но так как в том городе тоже были крупные заводы и комбинаты, могла быть и влажная роща, сведенная на нет, а то и клуб, и драмкружок, и даже своя Машенька, то настроение мое ухудшилось. Все мои построения рушились, как карточный домик. Но все-таки я не впал в панику, а быстренько поехал снова в библиотеку им. Ленина, в зал периодики, и заказал еще раз многотиражку «Дзержинец». Мне помнилось, что в одном из номеров фамилии Медовой и Смелякова соседствовали.

Так и есть! Номер от 2 июня 1937 года, где помещен рассказ Смелякова «Поражение мастера», подписан не кем-нибудь, а главным редактором А.А. Медовой! Вот тебе и на! Но я на Анну Андреевну не обижаюсь. Она работала с молодым сотрудником всего ничего, считанные недели. Уже 11 июня того же года газету подписал новый редактор, Медову отозвали на партийную работу. По прошествии многих лет, военных переживаний, лишений, переездов она кое-что могла подзабыть. Как это называется — провал в памяти? По-научному амнезия? Во втором письме к ней я был сама лояльность и предупредительность. Я никогда не позволял себе амикошонствовать (фамильярничать) ни с одним редактором. Но вторичного ответа от Медовой я не был удостоен.

Помимо «Дзержинца», я параллельно просматривал и районную газету, тогда называвшуюся «Ухтомским рабочим». Она тоже писала о Смелякове. Но как? 23 июня 1937 года о нем был помещен резкий выпад: «Газета «Дзержинец» сделала попытку дать «Литературную страницу»... Но по-видимому, редакция не сумела привлечь к газете читателей и ограничилась написанием (!) «рассказа» сотрудника редакции Я. Смелякова. Причем рассказ явно неудачен и по форме и, тем более, по содержанию».

Отзыв меня сильно позабавил. Но он лишнее свидетельство, что Ярослав Васильевич действительно работал в «Дзержинце», причем около двух лет, в 1937–1939 годах.

Поэт Ярослав Смеляков. 1934 г.

Еду в Дзержинку

Письмо Медовой меня не расхолодило, а, наоборот, позвало к активным действиям. Летним днем 1974 года я приехал в Дзержинку. Еще из разгово-

ра с Саленко я знал, что машинисткой в редакции газеты работала Анна Ивановна Морозова. Отыскал я ее не дома, а на дежурстве в больнице.

— Ярослав Васильевич? Помню, как же! Мы его Ярочкой звали, таким он был молодым... Он еще потом теплые душевные стихи написал о Марусе...

— О какой Марусе?!

— Она в бухгалтерии работала («счетоводка»! — пронеслось у меня в уме), в театре выступала... Мамонова ее фамилия была, теперь у нее другая, по мужу, никак не вспомню, да и уехала она отсюда. А дочка ее у нас в поселке.

— Адрес не подскажете?

— Встречаю ее только на улице...

В многотысячном микрорайоне отыскать человека по единственному признаку — девичьей фамилии матери — трудно. Я обратился за помощью к начальнику Дзержинского отделения внутренних дел М.К. Орлову, которого знал давно.

— Бывали задачки и посложнее, — усмехнулся Михаил Константинович и, оставив меня одного в кабинете, вышел.

— Бери карандаш, корреспондент, записывай, — обрадовал он меня, войдя через несколько минут. — Дочка Мамоновой с мужем и ребенком прописана (он назвал улицу, дом, квартиру). А мать переехала в Люберцы. Что, тоже нужен адрес?

— Спасибо, Михаил Константинович. О матери я спрошу у дочери...

— Вы к Вере? — открыл двери молодой человек.

— Нет, к ее маме.

— К Марии Тимофеевне? Вам повезло, сегодня она у нас.

Я огляделся. Сейчас, вот сейчас выйдет Машенька...

— Мария Тимофеевна ушла за внуком в детсад, — показал он в окно.

— Видите на той стороне улицы, чуть наискосок, здание! Там, в небольшом детсадовском дворике, и состоялось долгожданное знакомство. Внук, одеваемый бабушкой, все торопил ее, дергал, мешая нам разговаривать.

— Да пойдете же в дом, — пригласила собеседница. Мой кумир среднего роста, чуть полнеющая в талии. Светло-зеленые глаза не утратили своей свежести, но тайная усталость прослеживается в них. В линиях подбородка затаилась горьковатая жесткость. Видно, не легкой прогулкой по летнему лугу была ее жизнь.

Проходя коридорчиком, Мамонова успела бросить мимолетный взгляд в настенное зеркало, неуловимым движением руки поправила прядь волос. Сколько раз делала она так перед выходом на сцену?

— Недавно была на Новодевичьем кладбище, на его могилке, — тихо рассказывает Мария Тимофеевна. — Положила цветы. А вчера слушала по телевидению его стихи. Какие трогательные! Никто из нас не предполагал, что он будет так проникновенно писать... Он был обычным.

Последняя роль

Я осторожно перебираю страницы семейного альбома. На фото — молодая Мамонова, самодельная актриса. Вот она в роли Елены из пьесы Гусева, ре-

цензию на которую настрочил Старик. Она в той же армейской гимнастерке и пилотке со звездочкой, что и на снимке в газете. — А это я играла Лизу Огонькову, — голос ее загрузил. — Моя последняя роль... Затем Вера родилась...

Я взглянул. На обороте фотографии дата: 1938 год. Нет, не это было вашей последней ролью, дорогая Мария Тимофеевна, — хотелось воскликнуть мне. — Заключительный акт, если верить поэту, разыгрался уже после вашего ухода из драмкружка.

Напомню строчки из «Машеньки»:

*Совет семьи ей даровал прощенье,
но запретил (чтоб все быстрее забыть)
не то чтоб там опять играть на сцене,
а даже близко к клубу подходить.
Я вскорости пришел к ней на работу,
мне нужен был жестокий разговор...
Она прилежно щелкала на счетах
В халатике, скрывающем позор.
Не удалось мне грозное начало.
Ты ожидал смиренности — изволь!
Она меня ничуть не замечала —
последняя разыгранная роль.*

Убежден, что «жестокий разговор» не придуман, не такой человек Смеляков. Подтверждение этому — в газете «Дзержинец», 27 февраля 1939 года Смеляков, не прибегая к псевдонимам, а открыто, словно кому-то бросаая вызов, печатает под своей фамилией злую заметку «О бухгалтерии жилищного отдела». Это явно был камень в огород строптивой «счетоводки». Корреспондент беспредельно возмущен постоянной путаницей, царящей в документации, отрешенной невнимательностью юных счетоводок к клиентам: «...Работники этой бухгалтерии, ведущие расчеты квартирной платы, люди, кстати сказать, молодые, за короткое время стали заправскими чинушами. Они разучились по-человечески разговаривать с многочисленными посетителями. Вместо того чтобы разобраться в сущности жалобы, работники бухгалтерий считают быстрым и удобным отвечать посетителям грубо, резко, категорично и неправильно».

Реплика эта, написанная в сердцах, кажется, и есть следствие того «жестокоского разговора», когда весь

*Мария Мамонова
в роли Лизы Огоньковой. 1938 г.*

пыл обиженного репортера разбился о наружное, показное, спокойствие «мещаночки, девчонки, счетоводки».

*Передо мной спокойно, достославно,
внушительно сидела вдалеке
Не Машенька, а Марья Николаевна
с конторским карандашиком руке.*

(Правильного отчества Машеньки поэт мог и не знать.)

Вся эта история с несправедливым гонением на Машеньку, вероятно, долго тяготила Смелякова, пока не вылилась в маленькую восхитительную поэму.

Машенькины обиды

Чаем меня Мария Тимофеевна не угостила. И вообще меня не покидало чувство, что к журналистам она относится с опаской. Возможно, не зажили давние раны, неосмотрительно нанесенные Смеляковым. Но, как я уловил из ее сбивчивого рассказа, были и более поздние. Самолюбие ее было сильно уязвлено помещенной в «Люберецкой правде» в 1968 году (она хранит этот скандальный номер) большой статьи, где она фигурирует как «воспитанница трудкоммуны», «коммунарка». Ошибку допустил корреспондент, не будучи его называть, он и сейчас выступает на газетных полосах и по местному радио. Машенька, очень расстроенная, прибежала с газетой в редакцию, требовала опровержения: в трудкоммуне ОГПУ им. Дзержинского содержались бывшие бандиты, головорезы, мошенники, она же работала вольнонаемной, приехав в поселок вместе с дядей в раннем возрасте, чистая и непорочная, как стеклышко. Редактор, к счастью, сумел ее отговорить, резонно заметив, что упоминание о ней в большой статье прошло почти никем не замеченным, а после опровержения интерес к ее личности возрастет и шума будет много. К чему ей такая слава?

Обиделась Марья Тимофеевна и на то, что писала она (да и не только она) письмо Ярочке в Переделкино, но, странно, ответил не он, а Татьяна Валерьевна Смелякова–Стрешнева, скупое и холодно: дескать, он никогда в трудкоммуне не был. Просила меня достать, если можно, сборничек поэта со стихотворением «Машенька». Я обещал, но обещания не сдержал, и не по своей вине: обегав книжные магазины столицы, включая и букинистические, я не заметил на прилавках произведений Смелякова. С оттенком тайной гордости упомянула бывшая актриса (ну как не упомянуть!) о том, что в расцвете своей сценической деятельности ездила в составе театральной труппы на дачу Горького, где гостил тогда и Ромен Роллан. Оба знаменитых по-отечески благосклонно отнеслись к ней... Когда вернулся из странствий по Сибири мой Санин, я с удовольствием похвалился своими розысками. Мой друг был доволен, даже похлопал ладошкой о ладошку. А потом вдруг, совершенно не к месту, спросил: «Почему Ярослав Васильевич в своей автобиографии ничего не говорит о трудкоммуне? Ведь провел он в ней около двух лет. Изрядный отрезок времени. Гагарин, к примеру, два года жил и учился в Люберцах, так все-таки свету о том поведал».

Следствие начинает Санин

— Как уразуметь, что Смеляков ловко уходит от объяснений? — продолжал Санин. — Как понять, что его биографы, родственники и знакомые молчат о трудкоммуне, словно воды в рот набрали? — горячился он. Видимо, ему не терпелось начать расследование в духе Агаты Кристи, томики которой постоянно лежали у него на столе, а самому выступить в роли частного сыщика Пуаро.

Принимая правила игры в детектив, я уселся поудобнее и приготовился слушать.

— Итак, Анна Андреевна Медова, редактировавшая газету «Дзержинец» в 1937 году, показала, что Смелякова там не было и в помине. Что заставило ее идти против истины? — размышлял вслух новоиспеченный Пуаро.

Партийный работник — что с нее взять? Закостенела на своей идеологии. Короче, она или впала в старческую забывчивость, или побоялась быть замешанной в давней истории. Кто знает, до чего мог бы докопаться корреспондент. Лучше отшить его сразу.

— Так, а Смелякова–Стрешнева?

Санин почесал затылок, нерешительно предположил:

— Ревность?

— Ну какая тут ревность: столько воды утекло! К тому же, как рассказывала машинистка редакции Морозова, Ярочка более благоволил не к Машеньке, а к секретарше директора Валентине Аркадьевне Макаровой... Думаю, что Стрешнева просто «не в курсе» довоенной жизни супруга.

— А сам поэт? — настаивал Санин. — Почему ни словом не обмолвился о трудкоммуне? Многие, освободясь из ГУЛАГа, оставили рассказы, мемуары: Варлам Шаламов, Лев Разгон, Дмитрий Панин...

— Смеляков не любил вспоминать мрачные годы. Не отличался злопамятностью. В стихотворении «Воробышек» он с какой-то напускной беспечностью высказал свою программу жизни:

*Позабылось скоро горе,
я его не берегу,
а сижу на Черном море,
на апрельском берегу.*

Хотя такое всепрощение только поза. На душе-то, всего вероятнее, кошки скребли... Что касается конкретно трудкоммуны, у него были еще более веские основания похоронить о ней всяческие воспоминания... Санин не дал мне договорить. У него опять возник неожиданный перескок мысли:

— Как он попал в трудкоммуну?

— В результате первой отсидки.

— А когда была первая отсидка?

— Вскоре после выхода знаменитой горьковской статьи «Литературные забавы»?

— Что же это за статья?

Литературные забавы Горького

— Статья эта, Санин, хотя и называется «Литературные забавы», но можно рассматривать ее и без кавычек — великий пролетарский писатель прямо-таки забавляется над младшими своими собратями по перу. Не спорю, возможно, он поступал по долгу совести, по убеждению, только не рассчитал силу воздействия своего непрекаемого авторитета. Ну да жертвам от этого не легче.

«Литературные забавы» были опубликованы в один и тот же день, 14 июня 1934 года, одновременно в нескольких изданиях, такое им придавалось идеологическое значение: в «Правде», «Известиях», «Литературной газете», «Литературном Лениграде». В дальнейшем этот прием успешно освоила вся сталинско-хрущевско-брежневская элита: выступления высших чиновников тиражировались мгновенно всеми печатными органами, союзными, республиканскими, областными и даже районными. Давно ли это было — откроешь газету и читать нечего: на всех страницах речь генсека...

Горький с какой-то сатанинской силой навалился на талантливую поэтическую смену, избрав мишенью не творчество, а поведение в быту, обвинив в пьянстве, чванстве, хулиганстве. Он писал: «Жалуются, что поэт Васильев хулиганит хуже, чем хулиганил Сергей Есенин». И делал ужасающий вывод: «от хулиганства до фашизма расстояние «короче воробьиного носа». Ты понимаешь, Санин, что значило в ту пору обвинить в фашизме?

Сначала писатель-классик поругивал их от своего имени. А затем поступил совсем скверно, коварно, ушел в сторонку, спрятался за спины анонимов: «Недавно один из литераторов передал мне письмо к нему партийца». Не говорится, какой литератор, умалчивается, что за партиец. Сплошные недомолвки. Это же ни дать ни взять анонимка! Но послушаем, о чем бьет в колокола безымянный «партиец»: «...на характеристике молодого поэта Ярослава Смелякова все более и более отражаются личные качества поэта Павла Васильева. Нет ничего грязнее этого осколка буржуазно-литературной богемы. Политически (это не ново знающим творчество Павла Васильева) это «враг».

Что тут сказать? Современники Горького хорошо знали его знаменитую формулу: «Если враг не сдается, его уничтожают»... Но продолжим цитату: «Известно, что со Смеляковым, Долматовским и некоторыми другими молодыми поэтами Васильев дружен, и мне понятно, почему от Смелякова редко не пахнет водкой, и в тоне Смелякова начинают доминировать нотки анархо-индивидуалистической самовлюбленности, и поведение Смелякова все менее и менее становится комсомольским». Резонанс статьи был страшный. Арестован и погиб в застенках Павел Васильев, хотя Горький малость напутал: сказанное больше относилось к другому поэту Васильеву, автору веселых лирических песен. Но что ему, Горькому! Приклеил ярлык хулигана и почти фашиста... А Павел Васильев был поэт милостью божьей, лишь немного переживший лермонтовский возраст, закадычный кореш Смелякова. Расстрелян Борис Корнилов, тоже ближайший смеляковский друг, написавший песню к кинофильму «Встречный», ставшую народной: «Вставай, не спи, кудрявая». Позднее Ярослав Васильевич посвятил погибшим стих-эпитафию:

*Мы шли втроем с рогатиной на слово
и вместе слезли с тройки удалой,
три мальчика,
три козыря бубновых,
три витязя бильярда и пивной.*

Но были, как не быть! Умные, догадливые и смелые люди, которые мгновенно раскусили всю прелесть «Литературных забав» Горького. Мартемьян Никитович Рютин, один из первых бросивший вызов диктату Сталина и заточенный им в изолятор на десять лет, писал своему сыну, что Горький «обрушился с прокурорской критикой на молодых поэтов — Я. Смелякова, П. Васильева и других, объявляя их «чуждыми типами», утверждая, что «от хулиганства до фашизма расстояние «короче воробьиного носа», предполагая возможность «изолировать» молодых поэтов, не понимая, что этот призыв стоит им, как это случилось, свободы и даже жизни». В 1937 году Рютин был расстрелян.

Напомним штрихи из ранней биографии Смелякова. Окончив школу ФЗО, он работал наборщиком в типографии, кропал помаленьку вирши, и, по счастливой случайности, довелось ему самому набирать свое стихотворение для печати. Первые же публикации принесли ему успех. В 1932 году увидели свет его два сборника, потом еще. Но в 1934 году его арестовали. Не помогло даже заступничество редактора «Огонька» М. Кольцова, литератора Е. Зозули, секретаря ЦК ВЛКСМ А. Косарева.

Неверный звук

В жизни каждого из нас случались неприятные моменты, о которых позднее мучительно стыдно было вспоминать. Приходилось, например, идти на сделку с совестью. Помните, Пушкин оправдывался перед друзьями:

*Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю.*

Но друзья не очень-то верили получившему монаршее благословение бывшему опальному поэту. Их недоверие угнетало Александра Сергеевича. Некрасов тоже бичевал себя:

*Не торговал я лирой, но бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука...*

Такой неверный звук перечеркнул творческую биографию молодого Смелякова. Я умолчал, Санин, что, просматривая газету «Дзержинец», в номере от 18 июня 1937 года к ужасу своему обнаружил постыднейшие строчки: Ярочка злорадствует, осуждая «врагов народа», посылая им самые отвратительные проклятия:

*И дрожат, понимая бесславный конец,
и трепещут мерзавцы, бледнеют убийцы,
принимая в расплату тяжелый свинец.
И во веки веков, до скончания мира,
не померкнет сияние наших знамен.*

*Будь же проклята ложь тухачевских, якиров,
восьмерых уничтоженных нами имен.*

Кто еще был в числе восьми? Смертной казни были подвергнуты также А.И. Корк, И.П. Уборевич, В.К. Путна, Р.П. Эйдеман, В.М. Примаков и Б.М. Фельдман. Как выяснилось, все они погибли невиновными.

Теперь понимаешь, Санин, почему Смеляков не откликнулся на призыв посетить трудкоммуну? Черная тень этих строчек шла за ним по пятам всю жизнь.

Эпилог

Осталось досказать немного. Во-первых, Санин, я тебя, не обижайся, чуть-чуть подурчил. Я никак не мог слушать «Машеньку» в исполнении Смелякова в 1957 году, поскольку написана она, согласно проставленной под стихотворением дате, только в 1966-м. Научный термин такому смещению событий по шкале времени — анахронизм. Поступил же я так для удобства повествования. Журналист, как и писатель, волен заниматься мистификацией (в разумных пределах).

Второе — к вопросу о суеверии. Редакция газеты «Дзержинец» занимала в заводском клубе две комнаты под номерами 12 и 13. Полагаю, что Смеляков работал и даже оставался на ночь именно в тринадцатой. Злосчастное число это преследовало не только его.

*Сотрудницы финансового отдела управления
капитального строительства НИХТИ
Слева направо: А.С. Осипова, М.Т. Мамонова (Проворова),
И.Д. Эсипова, Т.А. Плотникова. 1973 г.*

Третье. Работники нашего завода еще тогда, в начале творческой биографии Смелякова, внимательно за ним следили. Иначе чем объяснить появление в «Заводской правде» 22 июля 1939 года заметки, совсем вроде бы не относящейся к заводским делам: «По ходатайству секции поэзии президиум Союза писателей рассматривал вопрос о восстановлении в Союзе писателей поэта Ярослава Смелякова. Как сообщил на заседании президиума тов. Фадеев, поэт Смеляков полностью восстановлен в гражданских правах, работает в настоящее время литературным редактором в Люберцах (газета «Дзержинец» комбината), написал две повести в стихах, много отдельных стихотворений... Президиум восстановил Я. Смелякова в Союзе писателей». В том же 1939 году Смеляков покинул трудкоммуну.

Иногда меня мучают сомнения, правильно ли я поступаю, открывая истинное имя Машеньки? Не ополчатся ли на меня оставшиеся в живых родственники моих персонажей: Машеньки, Горького, Смелякова? Не переступаю ли я порог дозволенного? Многие в таких щекотливых ситуациях несколько видоизменяют фамилию героя. Так Дмитрий Еремин в романе «Перед прыжком» — о поездке рабочих Люберецкого завода им. Ухтомского в Сибирь на уборку урожая — выводит видного большевика, члена партии с 1903 года Ивана Николаевича Миритеева под фамилией Веритеев. Что стоило бы и мне заменить одну-две буквы? Не Мамонова, а Парамонова. И овцы были бы целы, и волки сыты... Но надо же в конце концов говорить истину в глаза, какой бы горьковатой она ни была. Почему мы всего боимся?

*Александр Сахнов
Из рукописи «Коммуна». 2002 г.*

ВИКТОР СЕМЕНОВИЧ СОРОКИН

Виктора Семеновича можно считать нашим земляком. Родился он в Москве 25 декабря 1912 года. В 5 лет остался круглым сиротой. Тогда Виктора и двух его братьев взяла к себе на воспитание бабушка, жившая в деревне Шестово, расположенной у реки Пахры.

Детство было длинное и памятное, интересное, хотя и трудное. Деревня в те годы голодала, и это, по-видимому, стало причиной того, что Виктор был отдан в детский дом «Суханово», открытый в одноименной усадьбе князей Волконских. Для десятилетнего мальчика начался новый этап детства, полный таинственности и

Виктор Семенович Сорокин

фантазий, элегического созерцания и самосовершенствования. В то время редкостный ансамбль усадьбы еще не был изуродован перестройками, и мальчику посчастливилось увидеть его во всей красе.

По вечерам ребята садились полукругом возле камина, где потрескивали горячие дрова. Яркие языки пламени освещали китайский зал и фигуру читающей книгу воспитательницы. Тени таинственно двигались по позолоченным рисункам черных обоев. Ребята «взлетали» в своих мечтах к звездам или представляли себя в сказочном царстве Снежной королевы.

Шли годы. Виктор все пристальней всматривался в красоту подмосковной усадьбы. Особенно она завораживала его зимой. Он вдруг начинал не только видеть, но как бы и слышать природу, даже когда в парке стояла мертвая тишина. Эти впечатления детства сохранились у Виктора Семеновича навсегда.

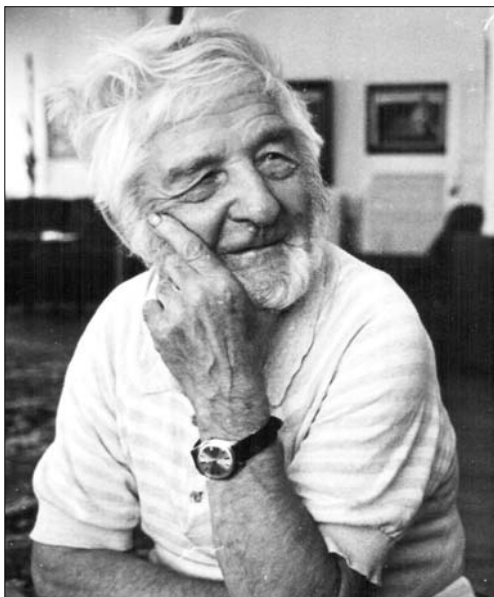
В семнадцать лет Виктор Сорокин попал в Угрешскую коммуны. Работа с прибывающими в трудкоммуну колонистами была поставлена так, что они сразу находили себе дело по душе. Вряд ли Сорокину пришлось долго искать контакта со студией А.П. Хотулева. Он быстро влился в коллектив единомышленников, с которыми вскоре посетил храм русского искусства — Третьяковскую галерею. Как замороженный он стоял перед «Боярыней Морозовой» В.И. Сурикова. Полотна других художников, в особенности И.И. Левитана «Над вечным покоем», буквально ошеломили его. Впоследствии он вспоминал: «С чувством какого-то необыкновенного трепета перед гениальностью художников я думал тогда: неужели это создано руками человека? Но чувство восторга постепенно сменялось желанием познать, как это все сделано».

*Из материалов
Детской художественной школы № 1
и.м. В.С. Сорокина. г. Липецк. 2010 г.*

В 1936 году в гости в коммуны приехал известный живописец Борис Иогансон, внимание которого привлекли пейзажи и натюрморты Сорокина. Он-то и порекомендовал Виктору поступать в Московский институт изобразительных искусств, где в те годы преподавал сам.

Учась в институте, Виктор Семенович отдавал предпочтение занятиям по живописи у С.В. Герасимова и Б.В. Иогансона, принадлежащих к воспитанникам московской художественной школы, — их учителем был замечательный русский художник К.А. Коровин. Именно поэтому Сорокин является носителем традиций московской художественной школы.

После института Сорокин некоторое время жил в Москве. Но живописцу была ближе и родней природа средней полосы России. Он выбрал небольшой городок Орловской области — Елец. Здесь он женился на елецкой кружевнице Полине Ореховой и преподавал в Елецком художественном училище. В 1956 г. училище вдруг закрыли, и годом позже вместе с семьей Сорокин переехал в Липецк с твердым намерением остаться здесь на всю жизнь.

В.С. Сорокин в Детской художественной школе г. Липецк

Произведения живописца никого не оставляют безучастным и, потому что писал их человек с горячим и трепетным сердцем. В них переданы глубокие человеческие чувства. На протяжении творческой жизни Виктор Семенович участвовал в огромном количестве региональных, республиканских, всесоюзных, зарубежных выставок (в Германии, Южной Кореи, Франции, Австрии). За его плечами более 10 персональных выставок в Ельце, Липецке, Москве, Петербурге, Париже (Galerie les Oreades).

Народный художник России Виктор Семенович Сорокин, имя которого присвоено школе в 1993 году, любил выезжать на пленэр именно в Елец.

Невысокий, худощавый, молодцеватый, с белоснежной шевелюрой

и бородой, с лукавинкой в глазах, он, несмотря на свои солидные годы, любил приходить в школу, смотреть работы детей, обсуждать с преподавателями профессиональные проблемы, наконец, просто общаться. И были счастливы ребята тем, что, проучившись 4 года в школе, носящей имя В.С. Сорокина, получали свидетельство об ее окончании из рук самого Мастера...

Он работал очень много. Это удивительно, но чем старше становился художник, тем увереннее и энергичнее кисть касалась холста, тем богаче становилась его палитра.

В 1993 году в Липецке был учрежден Музей-мастерская народного художника России В.С. Сорокина — Дом Мастера (ул. Ленина).

Наталья Дегтева

ИВАН ФИЛИППОВИЧ ТОКАРЕНКО

По воспоминаниям коммунара

Родился я в 1922 году в Белгородской области на хуторе Осадчий. Область богатая, черноземная. Отец рано умер. Осталась мама с четырьмя детьми. Вскоре началась коллективизация. Весь хутор обобрали, и наступил голод. Мать бросила дом, бросила все, что нажили, и поехали мы на Кубань. Приехали в станицу (не помню, как называется) неподалеку от Краснодара, мать устроилась работать в колхоз, а здоровье у нее было плохое, и работать там она не смогла. Опять голодали или побирались у родственников.

Голод — страшная вещь! Взрослеешь быстро. Стали советоваться со старшим братом. Ему — то всего 12 лет было, а мне — 9. Решили уезжать оттуда, а мать и младших оставить у родственников. Я побаивался, а брат Василий уехал в Краснодар. Через много лет я узнал, что он почти сразу попал в коммуну.

Мне очень хотелось попасть в детский дом, и я все-таки решился ехать в Новороссийск. Говорили, что там в детском доме кормят хорошо, но детского дома я там не нашел. Ночевал в подвалах или прямо на улице. Побирался. Когда подавали, когда нет. Там таких, как я, было много, и за место надо было драться или платить старшим ребятам. Потом надоело в синяках ходить, стал с другими ребятами воровать. На рынках воровать легче, убежать можно. Не бросит же продавец свой товар, а бросит — так совсем без всего останется. Иногда приходилось отвлекать торговца. Отвлечешь его, а другие ребята, как саранча, накинутся, кто в рубашку, кто в портки еду натолкают и — деру. Кошельки или, скажем, часы воровать трудно — это целая наука. Попадешься, даже милиционера звать не будут. Тогда не смотрели, что маленький, били почем зря. За месяц не отлежишься.

И.Ф. Токаренко
16 лет

Вот как-то после такого случая решил поехать в Анапу, а там все рынки поделены между босяками. Вернулся в Новороссийск, а оттуда на крышах поездов приехал в Ростов. Там меня поймали и отправили в детдом. Но детдом был плохой: одежды нет, спать негде, в миске вода и капустный лист плавают. Убежал и поехал на пароходе по Кубань-реке в Краснодар. Три месяца гулял по Краснодару. Ел все подряд: и что на рынке удавалось стащить, и в колхозных садах украсть, и на полях... Морковки надергаешь, о штаны немного землю оботрешь — вот и ужин. Желудок только не всегда выдерживал. Лучше всего было забраться в чей-нибудь сад, влезть на крышу дома, а на крыше ветки, усеянные жердельками, лежат. Вот их наешься и уснешь. Крыша за день нагревается и всю ночь до утра теплая. Только потом опять животом маешься. Один раз даже температура была высокая — как дополз до пристани, не помню. Там меня забрали и определили в детский дом.

Открываю глаза и не пойму, где нахожусь: комната белая, сам лежу на кровати на чистом белье, одет во все чистое, даже ногти подстрижены. Пробыл я в этом детском доме четыре месяца до нового 1935 года. А тут стали в Краснодарском крае делать набор в трудкоммуну № 2 им. Дзержинского. Отбирали ребят, которым было не меньше 14 лет. Я себе год прибавил, сказал, что с 21-го.

Собрали нас и погрузили в поезд, а состав был полон ребят: кого в Ростове поймали, кого в Новороссийске, много было из тюрем. Повезли нас в Москву. В вагонах говорили: не хотите в коммуну — так на любой остановке бегите. Я не хотел бежать, уже набегался. По дороге к нам подсаживали ребят. На Казанском вокзале к нам посадили парня лет восемнадцати. Звали его

Коля. Он был веселый и умел рисовать. Сначала ходил к кочегарам угольки брал, а потом наши сопровождающие где-то нашли ему огрызки карандашей. Все к нему приходили, и он очень быстро с натуры или по фотографии рисовал портреты. Ему «платили гонорары»: хлеб, яйца, вареную картошку, иногда колбасу, и он не жадничал. Делился с нами.

Привезли нас в Люберцы, высадили, и мы отправились пешком до станции Панки. Посадили всех в электричку и привезли прямо к бане. Там нас мыли, стригли, выдавали одежду. Там же были воспитатели — взрослые коммунары. Они разводили нас по баракам на Стройгородке. В каждом бараке по обеим сторонам комнаты стояли кровати с чистым бельем и теплыми одеялами. Еще были две печки. В комнате нас было 40 человек и 2 воспитателя. Пожили мы неделю, подкормились, а потом нас стали распределять по заводам. Меня определили на музыкальную фабрику, в здание, где раньше конюшня была. Сейчас

это место называется площадь Святителя Николая. Директором был Чекмазов. Мы делали баяны, домры, гитары. Я успевал делать себе инструменты и учился на них играть. А новая фабрика уже строилась (теперь это здание НИХТИ). Мы перешли работать туда и работали до 1938 года. Потом фабрику закрыли и в этом здании сделали военный завод. Нас, ребят, перевели на завод «Спартак» в цех № 7 и шесть месяцев обучали на токарей.

Моим лучшим другом был Федя Ступников. Один раз в выходной день мы гуляли по территории коммуны и зашли в художественную студию. Там работали коммунары, ими руководили преподаватели. И вдруг я увидел Колю, своего знакомого по поезду. Мы с Федей сразу же записались в студию. Рисование у меня как-то не пошло, а у Феде хорошо получалось. Зато Коля, его фамилия была Горлов, нарисовал карандашом мой портрет. Очень похоже получилось. Разве мог я себе представить, что через 75 лет я буду приходить на выставки народного художника СССР Николая Николаевича Горлова?

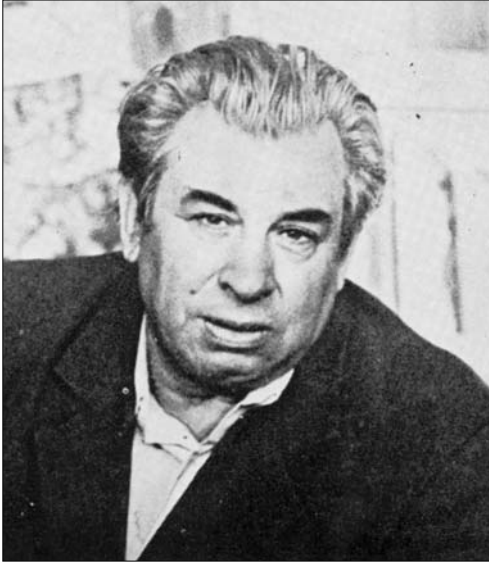
Мой друг Федя Ступников тоже стал художником, а я в изостудию ходить не стал, мне больше нравилось петь в хоре у замечательного музыканта и педагога Александра Тихомирова.

Однажды мы выступали на радио, нам дали в награду талончики на 5 рублей и мы могли на эти талончики купить себе в Москве, что хотели.

Но скоро чудесные годы, проведенные в трудкоммуне № 2 ОГПУ им. Дзержинского, закончились. Началась война, которая разбросала нас по разным фронтам. Завод Р-4, где я работал, поставили на бронь и отправили на Дальний Восток. Я, конечно, рвался на фронт и вскоре попал в Монголию на Халхин-Гол.

Александр Сахнов
Из рукописи «Коммуна». 2002 г.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ГОРЛОВ

Народный художник СССР
Н.Н. Горлов

Среди художников-коммунаров, оставивших заметный след в нашем изобразительном искусстве, можно назвать и Николая Николаевича Горлова.

Он родился в 1917 году в Омске. После трагедии, происшедшей в семье, Николай Горлов стал сиротой и был определен в Омскую колонию. Семейная драма подействовала гнетуще на психику мальчика, и он в 1932 году вместе с приятелем «удрал из Сибири».

Летом они приехали на Казанский вокзал. К ребятам подошли сотрудники по борьбе с детской преступностью и сказали: «Здравствуйте, мы вас ждем». Их отвели в специальный вагон, накормили и затем отправили в бывшее имение купца Е. Скальского в Наташино.

Несколько самых больших дач в 1920-х годах было отдано в этом поселке для размещения детского дома, а впоследствии и для колонии МОНО, где поселили более взрослых беспризорников.

Несмотря на голодные годы, Наташино жило дачной жизнью. Там была действующая деревянная церковь и театр, где устраивались танцевальные вечера в сопровождении духового оркестра. С момента возникновения детских учреждений в Наташино, театр, видимо как и дом Скальского, был передан воспитанникам трудкоммун.

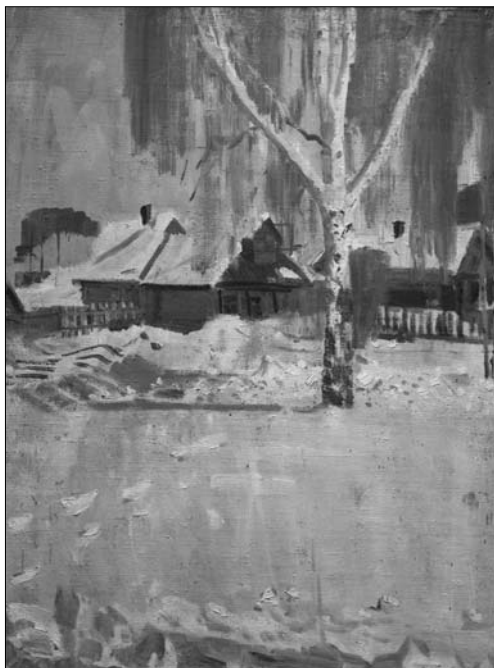
Николай Горлов был принят в духовой оркестр и стал учиться играть на барабанах. «А оттуда я попал в коммуны, — рассказывал он позднее. — Произошло это в 1934–35 году. После того как дачный дом Скальского сгорел, а его воспитанники были переведены в Угрешу».

По прибытии в Люберецкую трудкоммуну Николай Горлов сразу же был зачислен в оркестр и тогда же стал заниматься в изостудии А.П. Хотулева.

Чтобы привлечь преподавателей в студию, на «отчаянное дело» летом 1936 года решились трое: Виктор Сорокин, Николай Горлов и Илья Политов. В один из воскресных дней, за неделю до визита Иогансона в угрешскую студию, ребята приехали к нему на Масловку (одна из улиц Москвы, где находились дома художников и скульпторов и их мастерские). Один из ребят, Политов, нажал кнопку звонка. Иогансон подошел к окну и воскликнул:

«Что это за люди? Не идут по дорожке, а через забор!» Так коммунары появились у Бориса Владимировича. Они сказали, что их рекомендовал Северденко (художник, вел студию вместе с А.П. Хотулевым в 1935–36 гг.). Переговоры были недолгими, но успешными. Ребята попросили художника взять шефство над студией. Согласно договоренности, ему предоставлялись машина, оклад и паек. В следующее воскресенье в коммуну приехали Иогансон и Григорий Михайлович Щегаль.

В 1937 году директор Художественного института И.Э. Грабарь посетил художественную школу Люберецкой коммуны и зачислил студентами коммунаров Н. Горлова и В. Сорокина. Был принят и еще один студиец — Илья Кузьмич Политов, погибший в Великую Отечественную войну. Причем все трое, учитывая их высокий уровень подготовки, были зачислены без экзаменов сразу на второй курс.

Горлов Н.Н. Февраль

Занимаясь в институте, Н.Н. Горлов не расставался со студией трудкоммуны, куда навещался в воскресные дни и в каникулы. Молодой художник пишет на своей второй родине ряд любимых его сердцу пейзажей и среди них «Нижний парк трудкоммуны им. Дзержинского».

Уже в этой работе художник выступает как зрелый мастер, изображая одно из красивейших мест монастыря.

Успехи Николая Горлова не остались незамеченными, и он вместе «со сверкающе одаренным» студентом Евгением Диффинэ попал в 1939 году на страницы журнала «Искусство».

С началом Великой Отечественной войны Художественный институт был эвакуирован в Самарканд. Вместе с вузом отбыли и коммунары Горлов и Сорокин. В течение 1942 года Горлов работал над дипломной картиной «Штурм Зимнего дворца». Его руководителем был И.Э. Грабарь.

Спустя много лет на групповой выставке в 1976 году на Кузнецком мосту экспонировались картины Н.Н. Горлова, представившего более двух десятков своих произведений.

Большим событием в его жизни стала его персональная выставка на Тверской в 1979 году. Зрители отмечали, что его полотна можно бесконечно «читать». В одном из отзывов было вполне справедливо сказано, что его картины являются «жемчужиной русского искусства».

Евсей Рудинский
Из воспоминаний
«Трудкоммуна № 2 ОГПУ им. Дзержинского»

Коля Горлов все время ходил в коричневом лыжном костюме. И летом, и зимой. Однажды его пригласил к себе в гости Иогансон, и его дочка принесла Коле еду на подносе. Коля застеснялся своего коричневого лыжного костюма, может быть, первый раз в жизни. А тут у нас в клубе решили обновить к какому-то празднику двойной портрет Ленина и Сталина. Обратились к Коле Горлову. Горлов согласился, но попросил, чтобы освободили ему сцену и стерли меловую разметку. Никому этого делать не хотелось, но Коля заявил: «Боря (Иогансон) сказал. Халтурить нельзя». Тогда его требования выполнили. Горлов за 2 дня написал портреты, а денег брать не захотел. Тогда все вспомнили про костюм. А незадолго до этого руководитель струнного оркестра Лавицкий купил себе костюм. Костюм у Лавицкого выкупили и отдали его Коле. Вот костюм он взял.

Борис Ширяев

АЛЕКСЕЙ ЧЕКМАЗОВ

Отрывки из романа
«Неугасимая лампада»
«Наш современник». 1991. № 4

В одной из первых партий 1923 года на Соловки прибыл провинциальный актер Сергей Арманов. Кремль того времени по своему внешнему виду был далек от того кипящего своей особой, каторжной, жизнью муравейника, в который он превратился в 1925 году. В центре его мрачно чернели обгорелые купола громады Преображенского собора, двory были завалены мусором и обломками... Сорванные двери, разбитые окна... Пожарище... Первый революционный захватчик мощного, богатого и образцово благоустроенного монастыря — Кемский земельный отдел Архангельского совдепа — прежде всего занялся грабежом богатств, накопленных трудолюбивыми монахами за 400 лет, но не успел вывезти и половины, как пришел приказ Москвы передать острова ГПУ.

Новый хозяин шутить не любил и упускать свое «наследство» тоже не собирался. Грабители прибегли к старому испытанному способу — подожгли монастырь, чтобы замести след. Сильно пострадал замечательный пятиярусный иконостас работы суздальских мастеров XVII века, погибла в огне большая часть архива с грамотами московских царей и новгородских посадников, многие ценности ризницы, но толстые, навек сложенные стены жилых корпусов устояли. Они спасли от огня и палаты архимандрита, его малую домовую церковь и сводчатую, темную трапезную братии. В эту трапезную и попали прибывшие. Если бы сценический талант Сергея Арманова был равен хотя бы половине его великой, пламенной любви к театру, то он, Арманов, несомненно, превзошел бы в славе своей и Тальма, и Гаррика, и

Мочалова... Вся вселенная представлялась ему лишь огромной сценой, на которой Великий Режиссер разыгрывает нескончаемую трагедию. Даже сидя под следствием в Бутырках, он ухитрился и там, в набитой до отказа общей камере, составить нечто вроде труппы — варьете с танцорами, певцами, декламаторами и китайским фокусником.

Новоприбывшие наскоро сбивали нары из обгорелых досок, а в воображении актера Арманова уже горели огни рампы в глубине трапезной, где еще стоял крепко въевшийся за двести лет в стены запах неизменной монастырской ухи из трески.

Наутро, когда дежурный конвоец заорал во все горло: «На поверку становись! Живо!» — перед ним вынырнула из темноты тощая длинная фигура.

— К врачу, что ли? Потом заявишь! Становись!

— К начальнику лагеря.

— А ты кто будешь растакой-сякой?

— Известный артист Арманов! — прозвучал гордый ответ.

— Знаем... Здесь все артисты... Становись?

— Театр устрою!

Это было сказано так уверенно и внушительно, что произвело впечатление. В полдень Арманов уже излагал свой план начальнику отделения Бариннову, а вечером шнырял по темным коридорам, спотыкался о валявшиеся там бревна и доски, падал, чертыхался, наступал на чьи-то руки и ноги, но неумоимо, упорно искал желавших играть на сцене без освобождения от работы, после 10–12 часов тяжелого труда на морозе. И нашел.

Репетировали, вернувшись с работ и наскоро похлебав баланды из голов соленой трески. Собирались на репетиции туго, порою с руганью, но, начав повторять за суфлером, режиссером и главным актером Армановым слова роли, просыпались, оживали; распрямлялись спины, загорались глаза. Электростанция еще ремонтировалась, света не было. В келье горел единственный, добытый тем же Армановым огарок. Культурно-просветительная часть административного аппарата тоже не была еще организована. Она создавалась позже, после первого спектакля, как надстройка над уже начатой «снизу» культурной работой.

Часть актеров выбыла после первых же репетиций: одни сами бросили, другие оказались никуда не годными. Арманов нашел им замену, и через две недели на замшелой кремлевской стене, около главных ворот, красовалась первая на Соловках, тщательно, с соблюдением всех тонкостей театральных традиций, выписанная разведенным химическим карандашом афиша:

СОЛОВЕЦКИЙ ТЕАТР ДРАМЫ И КОМЕДИИ

1. МЕДВЕДЬ. Миниатюра А. П. Чехова. Участвуют: Арманов, Овчинников, Рахман.

2. СТАКАН НЕФТИ. Злободневный политический гротеск Н. Б. Участвуют: Арманов, Климов, Красавцев, Чекмазов.

3. Грандиозный разнообразный дивертисмент. Кавказские танцы. Хор сибирских бродяг. Цыганские романсы. Куплетист Иван Панин в своем репертуаре. Соло на балалайке — виртуоз Лепеша. Участвует вся труппа.

Вход по билетам.

Худ. рук. С. Арманов. Режиссер С. Арманов.

Дирекция С. Арманов.

Начало в 7 часов вечера.

Единственный раз в жизни Сергея Арманова осуществилась его заветная мечта: его фамилия красовалась на афише, написанная крупнейшими буквами. Потом лагерное начальство запретило выделять кого-либо из артистов.

Но в тот знаменательный день Арманов, несомненно, заслуживал лаврового венка. Им было сделано все: сцена из опрокинутых шкафов, в которых хранилась прежде посуда трапезной, декорации из побеленных известкой мешков, из них же занавес, грим из клюквы и сажки, пудра из отсеянной муки... Даже текст «Медведя», который он записал по памяти, с некоторыми, правда, дополнениями... но, думается, простит их ему никого не осудивший при жизни автор! Вторая пьеса была взята из случайно нашедшегося у кого-то номера журнала «Синяя блуза». Героем его был «фашист» Детердинг.

Нужна ли была эта афиша в концлагере, где каждый случайно пущенный слух разносится мгновенно по арестантской «радио-параше»? Нужна. Перед ней беспрерывно толпились, читали, перечитывали, уходили и снова к ней возвращались, находя в ее чтении какое-то непонятное наслаждение. Нигде так не любят, не ценят своего театра, как на каторге. Нигде так не гордятся им и актеры, и зрители. Это видел еще Достоевский на представлениях «Кедрилы-обжоры». Видел и понял. Но не сказал, почему. Театр на каторге — экзамен на право считать себя человеком. Восстановление в этом отнятом праве. Афиша — диплом на это звание и для актера, и для зрителей. Вот почему перед нею толпились. — И мы — люди. Все-таки, как-никак, а — люди. Несмотря ни на что — люди!

Репертуар строился на наиболее ходких пьесах предреволюционной русской драматургии. Шли «Дети Ванюшина», «На дне», из иностранных — «Потоп», «Коварство и любовь», «Сверчок на печи»... Очень жидкую «революционную» часть репертуара составляли «Поджигатели» Луначарского, «Рабочая слободка» Е. Карпова, шумевший тогда в театре Мейерхольда «Мандат». О грубой агитке, заполнявшей уже сцену РСФСР, на Соловках не было и помина.

Там был также создан сценический коллектив «Свои». Термин «свой» на блатном жаргоне определяет принадлежность к уголовному миру в отличие от «фраера» — добропорядочного гражданина, объекта «эксплоатации». В сознании уголовников он сливается с ощущением кастовой гордости. Эта психологическая черта русской шпаны очень недалеко от корпорантского мировоззрения «славного старого Гейдельберга». Ведь и там, за дубовыми столами трехсотлетних пивных, мир делился на «добрых бошей» и «филистеров». Традиции рождаются в «верхах» и просачиваются в «низы» медленно, но верно. В них они продолжают жить, хотя и в гротескной, уродливой форме. Поблекший в «верхах» образ Чайльд Гарольда встает в ином наряде под заунывный мотив «классической» песни беспризорников «Позабыт, позаброшен...», а слова песни:

Отцовский дом покинул я,
Травой зарастет...
Собачка верная моя
Завоет у ворот, —

почти точно повторяют стихи Байрона.

Организаторами «Своих» были бандит **Алексей Чекмазов**, взломщик Володи Бедрут и ширмач–карманник Иван Панин. Каждый из них был ярок, самобытен и колоритен.

Алексей Михайлович Чекмазов в 1924 году добровольно поехал в трудкоммуну № 1 ОГПУ, где проявлял себя как личность артистическая, литературно одаренная, но до конца не развившаяся. В 1928 году его перевели в нашу трудкоммуну № 2, где он был председателем бюро актива. Благодаря своим организационным способностям Чекмазов стал директором музыкальной фабрики. После упразднения коммуны остался жить в поселке Дзержинском, женился на коммунарке Анне Ивановне Макаровой. От этого брака родились две дочери, ныне живущие в Красково. Умер Алексей Михайлович в начале 50-х годов от полученного еще на Соловках туберкулеза. Им написано много стихов и две поэмы — «Соловки» и «Последнее письмо». В это же время на Соловках отбывал срок известный правозащитник, филолог, этнограф, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, который интересовался тюремным творчеством и тюремным фольклором. — Н.Д.

Наталья Дегтева

ИВАН ГЕОРГИЕВИЧ ЕРАСТОВ

*По воспоминаниям
Геннадия и Галины Ерастовых*

В трудкоммуну попадали самые разные люди. Стало привычным говорить о том, что коммунары — бывшие босяки, бездомные голодранцы и даже бандиты, но это совсем не так. Не все были «отловлены» сотрудниками НКВД на улицах, рынках и вокзалах городов и препровождены в коммуны, порой силой, порой уговорами, порой авторитетом. Многие, и мы об этом уже знаем, приходили в трудкоммуну по своей воле или по совету друзей, знакомых. Приходили, чтобы получить образование и профессию, чтобы стать равными со всеми, а значит, попросту социализироваться в новой стране. Не будем забывать, что люди, начавшие свой коммунарский путь в 20–30-е годы, были воспитаны хоть и в разных сословиях, но в традиционных для царской России патриархальных семьях, где вера в Бога, посещение церкви, чтение молитв были нормой. Многим пришлось либо под нажимом, либо по собственной воле, либо в силу иных обстоятельств отречься от старых принципов и норм. Яркий пример такого «приспособления» к коммунарско-

му обществу, а потом абсолютного приятия его принципов — коммунары Иван Георгиевич Ерастов, довольно редкая фамилия которого говорит о многом.

В церковном словаре «Ераст — апостол от семидесяти, ученик апостола Павла». О нем апостол упоминает в «Послании к Римлянам»: «Приветствует вас Ераст, городской казначей и брат Кварт». (Рим. 16. 23.) Апостол Ераст был сначала диаконом и казначеем Иерусалимской Церкви, а потом епископом в Панаэде.

Предки Ивана Георгиевича были очень тесно связаны с церковью, в роду были даже монахи и священники. Существует мнение, что имя и фамилия влияют на судьбу человека, об этом невольно вспоминаешь, когда касаешься семьи Ерастовых.

Отец Ивана Георгиевича — унтер-офицер царской армии — погиб в первую мировую войну. Семья переехала из Москвы в Аннино Серебряно-Прудского района Тульской губернии (ныне Московской области), родное село матери, где были тишина, покой, много родных и знакомых, прекрасная природа и храм. Идиллия длилась недолго. В революцию умерла мать. Осталось трое детей: Макар и Николай с 1902 и с 1906 г. и совсем маленький Ваня с 1912 г. Все перебрались в Москву. Старшие братья нашли себе работу и жилье в общежитиях предприятий, а младшего Ваню взяли к себе богатые московские тетки (надо сказать, что семья Ерастовых никогда не бедствовала).

Тетки взялись за воспитание и обучение Ивана Георгиевича и преуспели в этом, да и мальчик был на редкость способным: интересовался различными

механизмами, особенно часовыми, все умел делать своими руками: и чинить любые часы, и плотничать, и научился играть на скрипке и фортепиано, знал иностранные языки. Все бы хорошо, но воспитание Ивана Георгиевича было домашним, а время требовало официального, государственного образования.

Когда Ване исполнилось 16 лет, старшие братья, постоянно принимавшие участие, в том числе и материальное, в жизни брата, настойчиво посоветовали теткам отпустить из дома Ваню и отвезти его в трудкоммуну № 2 ОГПУ, чтобы он там сумел получить государственное образование и обучиться требующемуся новой власти ремеслу.

Так Иван Георгиевич Ерастов оказался в нашей коммуне в 1928 году, т.е. именно в том году, когда коммуну посещал М. Горький. Он приехал в коммуну прекрасно одетым (красивая, элегантная одежда вообще была слабостью Ивана Георгиевича), с деньгами. У него даже было довольно большое количество

Иван Георгиевич Ерастов. 1936 г.

вом золотых монет, которые дали ему на всякий случай братья. И — вот они духовные принципы коммунаров, которые знали о деньгах и о золоте, — Ване не пришлось свой капитал прятать или зарывать в землю, никто не соблазнился его богатством. Для них честь и коммунарские заповеди, очень схожие с 10 заповедями Моисея, были важнее всего. Правда, фамилию Ерастов Иван Георгиевич в коммуне сменил на фамилию мамы — Нестеров. Тогда люди знали церковную историю гораздо лучше нас, и явно церковное звучание фамилии могло привлечь к себе внимание. Воспитатели, хорошо это понимая, попросту прятали молодых людей не рабоче-крестьянского происхождения под другими фамилиями от возможных неприятностей.

В коммуне Иван Георгиевич получил образование, работал и на заводе «Спартак», где были рады его способностям обращаться со сложными механизмами, и на музыкальной фабрике, где собственными руками собрал для себя изумительный баян, на котором играл в музыкальных ансамблях коммуны, но больше всего любил петь соло, аккомпанируя сам себе на баяне или на фортепиано. Он очень любил русские романсы.

Однажды в Угреше случилась беда. Весной 1933 года был очень сильный разлив Москвы реки. Река вышла из берегов, заливая пойменные луга, подбираясь к монастырю. Паводком прорвало Бесединскую плотину, вода угрожала всем строениям. На ликвидацию аварии направили коммунаров. Они носили мешки с песком и засыпали брешь в плотине. Иван Георгиевич Ерастов был в числе спасателей. И в это время произошла трагедия, изменившая топонимику Москвы-реки. Один из коммунаров-спасателей по фамилии Фатов не устоял на ногах под весом огромного мешка и упал в ледяную воду, его накрыл мешок с песком. Нашли его только через три месяца под Петровским.

Коммунар Фатов был первым похоронен на кладбище, известном нашему городу как «старое». На его могиле стоит памятник, принесенный из Николо-Угрешского монастыря, на котором высечены имя и фамилия, даты и что он был членом трудкоммуны № 2 ОГПУ им. Дзержинского. Так коммунару пришлось открыть траурный счет на старом кладбище. А плотина вскоре, когда был построен шлюз, была переименована в шлюз им. Трудкоммуны.

Женился Иван Георгиевич довольно рано, в 1936 году, на Татьяне Антипычевой, родившейся в деревне Кишкино, что в двух километрах от Николо-Угрешского монастыря. Дедушка Татьяны удостоился чести быть похороненным на братском кладбище обители, а дядя — архимандрит Филофей (Антипычев) — подвизался в монастыре с 1885 года вплоть до 1925 года, когда была ликвидирована монашеская трудовая артель. Татьяна работала в столовой коммуны подавальщи-

Татьяна Ерастова. 1937 г.

цей (в коммуне слово «официантка» считалось буржуазным). Расписалась молодая пара в Кишкинском сельсовете.

Иван Георгиевич совершенно искренне пропитался коммунистическим духом своих воспитателей в трудкоммуне и не расставался со своими убеждениями всю жизнь. Братья Ивана Георгиевича погибли молодыми: старший — Николай был убит во время Великой Отечественной войны, а средний — Макар — незадолго до войны поехал на стройку Комсомольска-на-Амуре и пропал без вести.

У Ивана Георгиевича родилось четверо детей. Он им много рассказывал о коммуне, особенно дети любили его рассказ о приезде в трудкоммуну писателя Алексея Максимовича Горького. Как говорил Иван Георгиевич, Горький был очень близок своей судьбой молодым коммунарам, потому что рано «хлебнул горя» и расстался с семьей. «Горький долго ждал, пока смолкнут овации ребят, а потом начал говорить и после нескольких фраз расплакался от избытка эмоций».

К тому времени как появились в семье Ивана Георгиевича дети, он работал на заводе № 1 (ранее «Спартак») где попал в снабженческую структуру и стал ее начальником. Когда началась война, завод был эвакуирован под Новосибирск. Но наращивал (благодаря А.С. Бакаеву и Б.П. Жукову) свой научный потенциал 512-й завод, который производил баллистические пороха. Иван Георгиевич Ерастов постоянно ездил в Москву и по всему Подмосковью за сырьем для завода, возил готовые снаряды на фронт...

Кончилась война, и он продолжил свою работу на заводе № 1, с которым не расставался до конца своей трудовой деятельности.

А еще всему поселку Ерастов ремонтировал часы, даже такие, которые, казалось, починить нельзя. Его очень уважал Борис Петрович Жуков, которому Иван Георгиевич однажды разобрал по винтикам и вновь собрал давно не работавшие швейцарские часы, за починку которых никто не брался ни в нашей стране, ни за границей. Борис Петрович очень хотел сделать Ерастова руководителем отдела точной механики на заводе, но как-то не сложилось.

В 50-е годы Иван Георгиевич с семьей решили перебраться жить в Москву. Он купил клочок земли напротив Сретенского монастыря и своими руками построил из бревен дом-красавец. К сожалению, в этом доме не пришлось пожить: деревянные дома в Москве начали ломать, попал под слом и новый дом Ивана Георгиевича.

Так Иван Георгиевич всю жизнь прожил в Дзержинке. Жители города его очень уважали за золотые руки, за интеллигентность. Жизнь его удалась: вырастил детей, построил дом и, наверное, посадил немало деревьев.

ЕВСЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ РУДИНСКИЙ

По воспоминаниям воспитанника трудкоммуны

Я до 10 лет жил в Крыму. Сначала в Кикинеизе. Мама была больна туберкулезом, и нам посоветовали жить в Крыму. К сожалению, не помог крымский воздух маме. Она рано умерла. Я тогда совсем был маленький. Отец вскоре женился на мамином враче Шполянской. Она работала в санатории для больных этой страшной болезнью, с которой редко тогда справлялись. У мачехи была дочка. Так мы вчетвером и жили. Потом мачеха пошла на повышение и мы переехали в Форос, жили при крупном санатории. Крым для меня был прекрасной сказкой. Наверное, хорошо, что там прошло мое детство — там я научился понимать красоту. Одно было плохо: в Форосе не бы-

ло школы и мне с мачехиной дочкой приходилось ходить учиться за 4 километра.

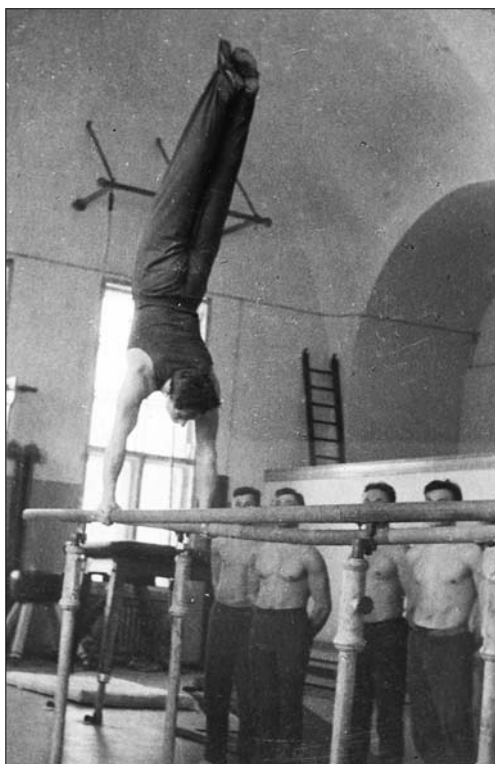
Мачеха ездила на курсы повышения квалификации в Подмосковье — в Кратово. Ее брат был чекистом и другом Павла Степановича Перепелкина, который перевез нас всех в 1932 году в Угрешу, в комму-ну. Мачеха стала там работать врачом, отец — бухгалтером.

Коммунары были все взрослые и очень хорошие ребята. Я стал ходить в школу с детьми вольнонаемных: с Колей Родионовым, с Девяткиным по кличке Пятачок, с Петей Юдиным, который потом стал организатором многих кружков танцев и называл себя Виктором Вьюговским. Еще с нами учились Александра Макушина, Коля Горлов...

Я сразу начал заниматься гимнастикой у Дмитрия Корнильевича Осипова. Это был человек-легенда. Он закончил два института: «Чешскую Спарту» и институт физкультуры. В комму-ну его привлекли тем, что дали создать свою

*Гимнасты на верхнем пруду. 1935 г.
В центре Е. Рудинский*

В гимнастическом зале. 1935 г.

спортшколу. Уже в 1936 году заработала секция по гимнастике. Д.К. Осипов, динамовец, был главным организатором огромных спортивных колонн на Красной площади и на различных стадионах. Его помощником стал Николай Серый (это уже в «Трудовых резервах»), и они разворачивали шествия колонн 10 000 физкультурников.

Д.К. Осипов был председателем Всесоюзной коллегии судей по гимнастике. В 1957 году во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве Осипов и Серый руководили колонной профсоюзов.

Вообще, если бы не эти люди: Д.К. Осипов, Н.В. Ерарский и Б.В. Куликовский — в трудкоммуне № 2 им. Дзержинского не было бы такой потрясающей спортивной работы. Мы ведь становились чемпионами на каждой спартакиаде Московской области. Ерарский везде искал лучших тренеров для коммуны.

Мы очень были дружны со своими спортивными руководителями, ходили к ним в гости. Помню, в 1940 году 18 июня мы с ребятами были в гостях у Дмитрия Корнильевича, а 20 июня мне пришла повестка в военкомат. Военком держал перед нами речь: «Дадим стране 100 тысяч летчиков! Пишите заявления в летные училища». Я не хотел, отказывался, а военком говорит: «А помнишь, как в 37 году было? Сейчас тебя отправим куда надо...» Так я добровольно-обязательно написал заявление в Мелитопольское авиационно-штурманское училище. Через 2 дня приказано было явиться с чемоданом. Сдали экзамены, начали учиться. В 1941 году были выпускные экзамены, а потом — война. Отправили нас, 11 человек, в эскадрилью связи Архангельского военного округа. Там были летчики-полярники. Мы научились навигации, летать на Севере... Я все время писал рапорты, рвался на фронт. В 43-м попал на Курскую дугу в 128-й ордена Суворова полк. Полк знаменитый, в нем служило пятнадцать Героев Советского Союза, а командиром полка был Герой Советского Союза Иван Воронков.

В 1974 году стал работать в Совете ветеранов 16-й воздушной армии, потом в Президиуме Совета ветеранов под председательством маршала СССР Руденко.

А трудкоммуна и коммунары сформировали мой характер. Какие это были ребята! Они нас, малышей, опекали. У каждого был свой опекун-куратор. У меня был Саша Авдеев по прозвищу Огурчик. Опекуны наши были

обделены детством, поэтому хотели, чтобы мы ни в чем не нуждались. Саша давал мне свой пропуск в кино, покупал лыжные крепления... А в 1939 году его призвали в армию. Военкомат был в Люберцах, так Саша поздно вечером пришел к нам из Люберец пешком, чтобы поговорить со мной, дать напутствие. Отец хотел оставить его ночевать, но он отказался, нужно было ему опять пешком в Люберцы возвращаться. Больше я его не видел. Погиб он во время войны.

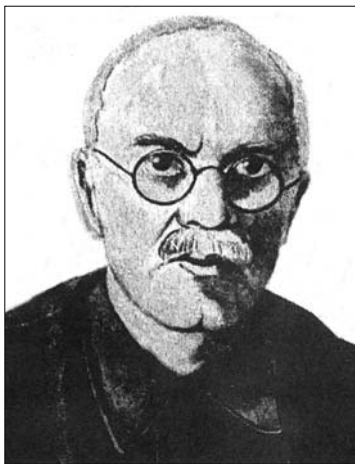
Из газеты «Дзержинец». 1938 г.

ЖИЗНЬ В ТРУДЕ

ОТ РЕДАКЦИИ. Рядом с нами живут десятки людей, ежедневно, ежедневно всей своей жизнью показывающие пример подлинно социалистического отношения к своему служебному и гражданскому долгу.

Но что мы знаем об этих людях? Ничего или почти ничего! Лучших производственников мы чаще всего знаем только по сухим показателям результатов их стахановской работы.

О лучших руководителей, лучших общественниках если и говорим, то только случайно, мимоходом.

А, между тем, эти, порой очень скромные труженики, мало говорящие, но очень много делающие, таят в себе целые сокровища опыта и знаний. Перенять хоть частичку их опыта, научиться у них хоть немного нужно и полезно каждому, кто стремится быть хорошим работником и гражданином, преданным своей родине.

Исполнилось 30 лет производственной деятельности одного из старейших работников коммуны — Федора Васильевича Устинова, работающего ныне техническим руководителем Музыкальной фабрики.

Помещая краткую биографию его жизни, в связи с его тридцатилетним трудовым юбилеем, в порядке показа лучших людей коммуны, мы думаем, что она многих научит тому, как нужно жить, трудиться и учиться.

1.

Родился Федор Васильевич в конце второй половины прошлого столетия, в те годы, когда матушка Русь представляла собой подлую смесь ярко начипленной позолоченной сытости и голодной, прикрытой рубищем нищеты.

Родной, захиревший было, древний стольный город Брянск, известный еще в летописях 1146 г., снова стал расцветать. Известный ранее широким людским массам только в связи с громкой и страшной славой дремучих лесов,

он быстро превращался в крупный промышленный центр, ведущий крупную торговлю хлебом и снабжающий лесными материалами всю Украину.

В Брянск текли капиталы купцов и фабрикантов. Сюда стелились шпалы трех железных дорог. Сюда же шли голодные мужики на заработки.

С раннего детства Федор Васильевич видел, как день и ночь, по широкой глади реки Десны шли баржи с хлебом и длинной цепочкой плыли плоты векового леса.

2.

В конце 1907 года Федор Васильевич, испытывавший опустошающую душу муштру царского военно-технического училища и унижительный в те времена труд приказчика, обязанного ухаживать за господами, впервые надел рабочую блузу и, почувствовав, что будущая жизнь определилась, с головой ушел в изучение ремесла.

Теоретическая подготовка и природная инициативность не давали погрязнуть в тине отсталого производства. Осваивая трудную термическую обработку стали, Федор Васильевич, не утерпев, предложил своему начальству проект рационализации горячей штамповки. Умный проект, дающий без особых затрат большую экономию, начальники приняли и, увидев, что у молодого человека Устинова очень хорошая голова, уже через три года назначили его мастером кузнечного цеха.

Это был успех. О большем в те времена даже мечтать было трудно.

Грохотали громы революции. Полуголодная, полураздетая выросшая сила пролетариев теснила врагов, стремившихся с помощью иностранных пушек, денег и войск задушить молодую советскую республику.

Брянский завод работал на оборону. Рабочие отдавали все свои силы на то, чтобы обеспечить успех в борьбе тех, кто отдавал свою кровь на фронтах, находящихся где-то совсем близко.

На самом ответственном и горячем, в полном смысле этого слова, участке стоял Федор Васильевич Устинов, выдвинутый коллективом рабочих и партийным руководством завода на должность заведующего кузнечным цехом.

Дня и ночи не было. Были сплошные рабочие сутки. Приходя с завода домой, садился за стол и ночами ломал голову, выдумывая все новые и новые конструкции штампов и приспособлений, стремясь сделать так, чтобы распатанное оборудование кузницы, прессующее и штампующее детали к пушкам красных войск, работало быстрее, лучше.

За одно из предложений Главвоенпром в 1921 г. премировал Федора Васильевича полугодовым окладом. Это давало радость сознания своего участия в победах вооруженного народа.

Федору Васильевичу вернувшиеся с фронта брянские рабочие поручили восстановить порядок в нормах и тарифах. Потом его руководству доверили весь технический отдел, а в 1923 г. и все производство завода.

Но кузница, оставшись без своего начальника, знавшего каждый винтик любого станка, начала приходить в упадок и, не справляясь со своими заданиями, тормозила весь завод.

Федор Васильевич сам вызвался идти из кабинета управления в цех. Снова превращая дни в сплошные рабочие сутки, работал, уже начинающий сесть, Устинов, заставляя горячие сердца завода биться ровно, быстро и напряженно...

Шли годы; набирая силы, страна готовилась к новому, невиданному в истории, творческому подъему.

3.

В 1927 году в бывлой монастырь пришла бесшабашная стая бывлых воров для того, чтобы начать жить по-новому.

Бывшие монашеские кельи и другие «уголья» превратили в мастерские. Тачали сапоги. Даже пробовали заниматься скульптурой. Выходить — выходило, но все-таки это было не то, что нужно.

Молодой коммуне нужны были кадры руководящих работников, но не просто организаторов, знающих технику и умеющих поставить производство, а способных воспитывать в работе, выскребывать из нутра людей зачерствелую, въевшуюся в сознание уличную грязь.

В качестве такого работника пришел в молодую коммуну Федор Васильевич Устинов, поступивший заведующим производственным отделом завода «Спартак».

В те годы «Спартак» был не таким, каким мы знаем его сейчас. Громкое название завода носили мастерские, расположенные в старых конюшнях.

Нужно было организовать производство брудеров — приборов для выращивания цыплят. Дело новое, никому не знакомое.. Пришлось не только учить, но, что самое главное, учиться самому. Ночами читал литературу, ездил, смотрел, выдумывал. Через год на брудерах работало 400 человек. Это было первое массовое производство в коммуне.

Потом нужно было организовать на новом заводе производство электрокар, кроватей, вентиляторов и многое новое другое. Пришлось опять учиться и осваивать.

В 1935 году Федору Васильевичу, хорошо знающему кузнечное дело, термическую обработку, механику и тому подобное, приказали взять на себя руководство неизвестным ему производством — Музыкальной фабрикой.

Снова учеба. Кропотливое и настойчивое изучение причин, заставляющих звучать балалайки, домры, гитары...

Годы, посеребренные волосы, учебе не мешали никогда.

Черные стены, узкие окна и низкие потолки бывлой монастырской гостиницы мешали производственному росту втиснутой в них фабрики. Стали строить новую, большую, просторную.

В это время росла и семья Федора Васильевича, приехавшая в коммуну вместе с ним.

Старший сын стал инженером. Гордую и самую почетную в стране профессию летчика избрал себе средний. К соколиной стае примкнул младший, сумевший совместить работу на коммунском производстве с учебой в летной школе. Работает в комсомоле старшая дочь, мечтающая о театре. Пионерский галстук носит младшая. С головой ушла в коммунские дела жена, от-

дающая общественному долгу даже то время, которое очень нужно для семейных забот.

В волнениях и радостях текли дни. Работы столько, что редкие вечера можно отдать «азартной» игре в любимые шахматы.

4.

Большая, четырехэтажная фабрика украсила коммуну. В светлых, огромных, как залы дворца, цехах новыми темпами заработали люди. Сколько радостной, новосельной суеты пережили все, любящие свое производство!

В это же время семья Устиновых переживала тяжелое горе. На боевом посту смертью героя погиб средний сын Жора, молодой, красивый...

Много новых морщин появилось на лице матери. Сумрачней и серьезней стали лица детей, даже тех, которые еще молоды и беззаботны.

Но ни на один час не ушел с фабрики Федор Васильевич Устинов. Внешне он оставался спокойным и мужественным.

Люди, вместе с ним горевавшие об этой утрате, деликатно просили его пойти домой, отдохнуть. Не шел. Дела было слишком много, а горе на работе переносить легче, чем даже в семье.

В эти дни Федор Васильевич еще больше сроднился с коллективом, а коллектив с ним.

Н. Стархов

СТАХАНОВЕЦ ЛЕОНИД ПУШКОВСКИЙ

В 1931 г. с поезда, идущего на Украину, сошел мальчишка 12 лет, начавший самостоятельную жизнь. Вагон, в котором ехали его родители, паровоз потянул дальше. В этот день Леня Пушкинский стал беспризорником.

Четыре года он скитался по городам, ночевал где попало, мерз, мучился, вел однообразную горькую жизнь заправского беспризорника.

В 1935 г. в Ростове молодого правонарушителя арестовали, отправили в детприемник, а оттуда забрали в трудкоммуну. Пушкинский стал коммунаром.

Его отправили на музыкальную фабрику подносить материал в машинный цех. Парнишка оказался любознательным и способным. Он приглядывался к работе станочников. Когда станочники уходили в курительную комнату, он по нескольку минут работал на станке. И через два месяца, в феврале 1936 года, начал работать самостоятельно, выучившись без чьей-то помощи, неожиданно для многих.

Работал и учился. Окончил семилетку и получил премию за хорошую учебу. В день 19-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции подал заявление о приеме в ряды Ленинского комсомола и вскоре получил комсомольский билет. В это время Пушкинский давал по

140–145 проц. выработки в среднем. По окончании годовой программы фабрики получил премию за высокопроизводительную качественную работу.

С начала 1937 года комсомолец Пушкинский вошел в ряды стахановцев. Стал выполнять норму на 170–180, а потом на 200–220 проц. В среднем за месяц.

Сентябрь объявили стахановским месяцем. Стахановец Пушкинский в первый день сентября сделал пять норм. В среднем за одну декаду 320%. Показатели прекрасные! Однако во второй декаде показатели снизились до 234%. В третьей декаде будет 200–220. В чем же дело? Почему производительность одного из лучших стахановцев фабрики снижается день ото дня? Виноват в этом, во-первых, Деревообделочный завод, снабжающий цех несвоевременно материалами низкого качества, и, во-вторых, отдел механика, задерживающий ремонт оборудования. По их вине стахановец Пушкинский стоял в сентябре без работы по целым суткам. Его отличные показатели (около 250% в сентябре) могли быть чуть ли не вдвое выше.

В чем же секрет работы Пушкинского? Рабочий день у него уплотнен до предела. Он не ходит курить, не занимается разговорами. Каждый день приходит на работу за 10 минут до звонка и подготавливает рабочее место. Начинает вместе со звонком. Он провел почти незаметную рационализацию, которая дает большой производственный эффект: заменил старое сверло сверлом из железа, специально наточив его. Работа пошла легче и быстрее.

Необходимо отметить еще одно достоинство Пушкинского. Он никогда не остается работать в обеденный перерыв или по окончании смены. Кончает и начинает вместе со звонком. А этого, к сожалению, нельзя сказать о многих наших стахановцах.

В дни предоктябрьского соревнования Пушкинский взял обязательство давать не менее 250% нормы ежедневно при хорошем качестве и вызвал на соревнование всех комсомольцев коммуны. Этот вызов напечатан в прошлом номере газеты. Думаем, что комитет комсомола, все комсомольцы коммуны достойно ответят на него. Думаем, что Пушкинский с товарищами значительно перевыполнят свои обязательства, если им создадут должные условия работы.

Самым любимым оправданием плохой работы большинства наших руководителей служит надоевшая затасканная песенка об отсутствии кадров. Некого, видите ли, выдвигать, не на кого положиться. Смысл этих песенок заключается в том, что руководители не знают своих рабочих. На наших заводах, в наших организациях, в наших совхозах работают тысячи прекрасных советских людей, грамотных, аккуратных, деловых, преданных до последней капли крови партии Ленина–Сталина. Учитесь видеть их.

Старик

Под псевдонимом Старик писал Ярослав Смеляков — Е.Н.Е.

Отступив от Бога, от веками создаваемых нравственных устоев, человек в своем стремлении к неограниченной свободе попал в тяжелейшее рабство, оказавшись во власти совершенно иных

идей. Собираясь строить, он разрушал, собираясь рождать новое — убивал, и вместе с ним в рабстве оказалась вселенная. Чтобы освободить мир и человечество от безбожной разрушительной власти, чтобы помочь людям осознать свое предназначение, потребовалась особая, приходящая на помощь сила.

В христианстве существует понятие «искупительная жертва», спасающая людей. Именно для осуществления этого спасения и явился в мир Иисус Христос. Через Иисуса Христа Бог примирил с Собою всю вселенную.

В фильме Николая Экка «Путевка в жизнь» хорошо просматривается этот подтекст «искупительной жертвы» во имя новых идей, пусть даже основанных на разрушении. Должен был быть в сценарии мотив примирения, иначе все вышесказанное не имело смысла и попросту не могло существовать. Таковы уж законы мира. Кровь Мустафы, пролитая пусть не за веру в Бога, а, наоборот, за новую безбожную религию, но религию созидания на руинах старых истин, примиряет и объединяет и воспитателей, и воспитанников. Только убийца остается один на один со своим преступлением. Потому что в лице Мустафы он убил не только человека, но саму идею, в которую свято верили, или пытались верить, в те времена окружающие его люди. — Н.Д.

Ника Дубровская
Источник: sensusnovos.ru

МУСТАФА ДОРОГУ СТРОИЛ...

Советский фильм «Путевка в жизнь» (режиссер Николай Экк, 1931) стал абсолютным хитом 30–х. На I Венецианском кинофестивале 1932 года постановщик «Путевки» был признан самым талантливым режиссером и получил приз Венецианского фестиваля. Картина была сразу же закуплена 26 странами. По решению ЮНЕСКО этот фильм входит в число 10–ти лучших фильмов всех времен и народов. Популярность фильма могла сравниться только с другим советским блокбастером — «Чапаевым».

Забывтый фильм

«Путевка в жизнь» рассказывает о Болшевской коммуне беспризорников имени Генриха Ягоды, организованной ОГПУ (Объединенное Главное Политическое Управление — политическая полиция). «Путевка в жизнь» — один из важнейших советских фильмов, уникальный документ эпохи — оказался надолго отодвинут в тень из соображений политической конъюнктуры: после расстрела Ягоды любое упоминание о нем находилось под запретом.

Фильм также оказал влияние на распространение коммунистических идей в Европе. Запрещенный французской цензурой, он с успехом прошел

кинопрокат в Германии. Молодые члены немецкого антифашистского отряда, распространявшие в Берлине 30-х годов листовки «Гитлер — это война», выбрали себе в качестве партийных кличек имена героев фильма — Муштафа, Колька-свисток и другие.

Между звуковым и немым кино

«Путевка в жизнь» — первый звуковой советский фильм, поворотная точка от традиций немого кино и советского киноавангарда к стилистике социалистического реализма. Впервые зрители услышали в кинозале звуки улицы: скрежет трамвая, шум московской толпы и настоящий городской романс. По воспоминаниям очевидцев, зрители хохотали и плакали на сеансах, а блатные куплеты из фильма распевала вся страна: «Нас на свете два громалы. Гоп-тири-тири-бумбия! Один — я, другой — Гаврила. Гоп-тири-тири-бумбия!» Монтаж, операторская работа и звуковой ряд фильма, отсылающий к знаменитой работе Дзиги Вертова «Человек с киноаппаратом», помещают авторов и зрителей в гущу событий, делают частью эстетического и социального эксперимента. Недаром «Путевка в жизнь» вдохновляла итальянских неореалистов.

Начинает действие Василий Качалов — один из ведущих актеров театра Константина Станиславского. Он зачитывает правительственное обращение «Все на помощь детям!», выпущенное в 1923 году:

— Откуда, кто они, скелеты в грязной рвани? Озлобленные взгляды. Одичалый вид... Сегодня беспризорник, завтра — враг труда, бандит! Что их спасет — благотворительность? Им и нам смешно все это! Мы знаем больше: человека создает среда. Путевку в жизнь им даст Республика Советов, познавшая могущество свободного, всеобщего труда!

Николай Экк. 1930 г.

Эмоциональная напыщенность поведения героев: девушки прижимают руки к сердцу, мужчины театрально хмурят брови, умирающая мать «вздывается» в балетном жесте — идет от немого кино. В «Путевке в жизнь» эта эстетика сталкивается с боевой напористостью пропагандистских слоганов советского агитпропа — «Наш паровоз вперед летит» — буквально захватывающих экран, прерывающих действие появлением огромных плакатных букв.

«Путевка в жизнь» рассказывает о коммуне для беспризорников, созданной чекистами.

Режиссер постоянно обращается прямо к зрителям. Спрашивает их мнение: «Отцы и матери, а если ва-

шего, чистенького, бить, бить головой о мостовую?» Нам прямо с экрана зачитывают постановления партии и правительства, называют даты указов, призывают нас, зрителей, к действию. Именно так обращались актеры революционного театра к зрителям. Например, в театре Всеволода Мейерхольда, где актером начинал молодой режиссер Экк, во время спектакля по пьесе Владимира Маяковского «150 000 000» со сцены зачитывались телефонограммы, получаемые с фронтов Гражданской войны.

Один из главных героев — Мустафа (Йыван Кырля).

«Путевка в жизнь» — это фильм-плакат, фильм-призыв, фильм-документ. Но это и мостик, переброшенный между двумя историческими периодами: советским киноавангардом начала века и будущим «психологически достоверным» кино и театром. Не случайно режиссер «Путевки в жизнь» — бывший актер театра Мейерхольда — использует Качалова, ведущего актера театра Станиславского, как ключевую фигуру, открывающую и завершающую действие фильма. Именно система Станиславского в течение долгих лет советской власти превратится в единственно разрешенную театральную систему. Театр Мейерхольда будет закрыт, а Всеволода Эмильевича, после продолжительных пыток, расстреляют. Но многие актеры, снявшиеся в «Путевке», станут первыми суперзвездами советского кино: Рина Зеленая, Михаил Жаров, Георгий Жженов, Николай Баталов.

Документальная основа фильма

Гражданская война, интервенция, голод выбросили на улицу миллионы детей, сделав из них беспризорников, заполонивших улицы больших городов. Хулиганство и воровство стали повседневностью. Газета «Петроградская правда» от 5 января 1922 года сообщает: «Среди населения создано представление, что после полуночи на улицу выйти нельзя — разденут... Недавно какой-то шутник расклеил объявление: «До 9 часов шуба ваша, а после — наша...» Положение было настолько катастрофическим, что проблеме беспризорности было поручено решать ВЧК. Еще в 1921 году при ВЦИКе РСФСР была создана Комиссия по улучшению жизни детей. Ее возглавил Феликс Дзержинский, имя которого вскоре стало неотделимо от эпитета «лучший друг детей». Ему, а также чекистам-педагогам и был посвящен фильм «Путевка в жизнь», созданный по заказу ОГПУ. Чекисты-педагоги начали создавать коммуны, куда собирали беспризорных. Руководителем одной из таких трудовых коммун под Харьковом стал Антон Семенович Макаренко. Так была создана коммуна в Болшево, история которой легла в основу фильма «Путевка в жизнь».

Вот что известно о Большевской коммуне:

«23 августа 1924 года появился приказ Административно-организационного Управления ОГПУ № 185 об организации Детской трудовой коммуны. Организация коммуны была поручена Матвеем Самойловичу Погребинскому. Будущие воспитанники отправились в коммуну непосредственно из Бутырской тюрьмы, вместе с Погребинским, без охраны. Им было сказано,

что дом, пища, инструмент — даются в долг. Заработают — вернут. Работают они исключительно на себя. Никогда здесь не было забора и милицейской охраны. Это был свободный выбор свободно поселившихся людей».

Шло время, и коммуна превращалась в маленькую республику, расширяясь из года в год. Сапожная фабрика (директор — старейший обувщик Российской империи Фаддей Нусбейн) вырабатывает 300 пар обуви в день. Слесарная за четыре месяца выпустила 12 000 пар коньков. Появились новый корпус со своим оборудованием, трикотажная фабричка. Завелись мотоциклы, появились велосипеды. Строят за свои деньги летний клуб, нанимаются руководители спорта. Гордо похаживают хозяева коммуны. Еще бы, теперь они не только себя оправдали, но кое-что приберегли на новое строительство и строят на четвертом году своего существования четырехэтажный кирпичный дом на 500 человек с квартирами.

Однажды территория коммуны превратилась в огромную съемочную площадку: снимали первый советский звуковой фильм «Путевка в жизнь». Фильм снимался и в коммуне им. Дзержинского в Николо-Угрешском монастыре. Фильм стал победителем I Международного кинофестиваля в Венеции. Только главные роли исполняли профессиональные актеры, а остальные — коммунары. Болшевцам и дзержинцам не стоило труда вживаться в образы героев — они играли свою прошлую и настоящую жизнь...

А.С. Макаренко. 1923 г.

Жиган (Михаил Жаров) — олицетворение старого мира

Педагогический гуманизм, проявленный чекистами и правдиво отраженный в фильме «Путевка в жизнь», основывался на трех принципах: «хоть — живи, хоть — уходи» («принцип открытых дверей»), обучение труду и ежедневная работа в мастерских (коммуна содержалась на заработанные подростками средства), «все отвечают за каждого» (принцип «круговой поруки»: за преступление одного страдают все).

Максим Горький в своем предисловии восторженно называл этот подход «безумием реалистов» — он действительно был достаточно гуманен и при этом возвращал многих беспризорников к нормальной жизни. На двух последних принципах держалась дисциплина и в трудовых коммунах, которыми заведовал с 1920 года известный педагог Антон Макаренко.

Трагический конец

Создатель «Путевки» Николай Экк на Венецианском фестивале 1932 г. признан самым талантливым режиссером. Однако судьба благосклонности к коммунарам не проявила. В 1937 году коммуна была ликвидирована, а

большинство коммунаров репрессировано: расстреляно и посажено. Коммуну превратили в трудовой комбинат. Организатор коммуны — Погребинский — покончил с собой. Вот как описывают эти события чудом выжившие участники: «Рядовых членов коммуны, у которых не был закончен срок по приговорам, сотнями еженощно на «черных воронах» вывозили в места заключения». Однажды за три дня арестовали более 400 человек. Многих — расстреляли». Не только в Болшевской коммуне, но и по всему СССР новую волну беспризорников, вызванную коллективизацией, «обслуживали» по-новому. В СССР приняли закон, согласно которому дети, начиная с 12 лет, получают за уголовные преступления взрослые наказания, включая расстрел.

Основная сюжетная линия «Путевки в жизнь» — это строительство коммунарами железной дороги — символа индустриального века и победы человека над природой. Сцены работы сняты в хрестоматийном для советского кинематографа ключе: ракурсы полуобнаженных мускулистых тел, эротика потного сильного мужского тела. В фильме почти полностью отсутствуют значимые женские образы. Это фильм — о сильных мужчинах, о мужской дружбе, о мужском предательстве.

По законам жанра... триумф молодости и технического прогресса вызывает злобу у зрелого вора Жигана — представителя старого мира. Столкновение двух героев-антагонистов — вора Жигана и перековавшегося воспитанника коммуны Мустафы — становится неизбежным. Мустафа радостно едет по новенькой железной дороге к своей мечте — настоящему паровозу. Он готовится стать первым машинистом парового двигателя и поет песню на марийском языке, первый и последний раз прозвучавшую на экранах большого кинематографа. Как только зрители приготовились рукоплескать победе молодых коммунаров — строительству железной дороги и изгнанию врагов труда — воров и бездельников, — Мустафа погибает от руки вора Жигана (Михаил Жаров). Паровоз везет в коммуну не флаги и цветы, а убранный черными лентами труп Мустафы. Финальная сцена снята с невероятным эмоциональным напором. В кадре появляется христианская символика, понятная широкой аудитории: искупительная жертва, отданная на заклатие во имя лучшего будущего. Через несколько лет после окончания съемок фильма актера Йывана Кырлю, сыгравшего Мустафу, репрессировали как марийского националиста.

«Путевка в жизнь» — первое звуковое кино в СССР. Современные зрители, которым известно не только о трагическом конце Болшевской и Николо-Угрешской коммун, но и о судьбе социалистической революции 1917 года, воспринимают фильм без наивности, свойственной ее авторам. В детстве мы распевали вот такую частушку:

*Мустафа дорогу строил,
А Жиган по ней ходил,
Мустафа по ней поехал,
А Жиган его убил.*

— Н.Д.

ЙЫВАН КЫРЛЯ

*Материал информационного ресурса НКК
«Красная Застава»*

Йыван Кырля (наст. имя и фамилия — Кирилл Иванович Иванов, 17 марта 1909 — июль 1943) — марийский советский актер и поэт, исполнитель роли Мустафы Ферта в первом звуковом советском фильме «Путевка в жизнь» (1931).

Биография

Родился в бедной крестьянской семье. Его отца, Ивана Семеновича, зверски убили кулаки за активное участие в работе комбеда, мать, Матрена Якимовна, осталась с тремя детьми. Жил в деревне, пастушил, батрачил, просил милостыню.

Окончил школу первой ступени в Марисоле, поехал в Сернур для продолжения учебы во второй ступени. Осенью 1926 года по путевке Сернурского канткомкома комсомола Марийской автономной области направлен на учебу в марийское отделение рабфака при Казанском университете.

У Йывана рано проявился интерес к поэзии, музыке, театру, кино. Почти ни один творческий студенческий вечер не обходился без его участия. Изучал творчество С. Есенина, В. Маяковского, А. Безыменского, А. Жарова, М. Светлова, читал наизусть их произведения. Преподаватели, заметив его незаурядные артистические способности, осенью 1929 года дали ему направление на актерское отделение Государственного техникума кинематографии.

В числе студентов национальных студий Йыван был приглашен для участия в массовых сценах при постановке первого звукового советского художественного фильма «Путевка в жизнь». На рабочем просмотре первого эпизода фильма молодой актер был выбран режиссером Николаем Экком на роль вожака беспризорников Мустафы по кличке Ферт. Параллельно с учебой в техникуме, Йыван около двух лет снимался в фильме. Многие произнесенные Мустафой реплики, взятые прямо из окружавшей его народной жизни, зрители растащили на поговорки: «Яблочка хотца!», «Ловкость рук и никакого мошенства»...

После окончания кинотехникума актер работал на студии «Восток-фильм», в 1934–1936 годах участвовал в съемках фильма «Наместник Будды» (режиссер Евгений Иванов-Барков), где сыграл роль ламы. Во время съемок вместе с творческим коллективом жил в Монголии. В начале 1937

Йыван Кырля. 1930–е гг.

года Кырля переехал в Йошкар–Олу и стал артистом Марийского государственного драматического театра, играл в спектаклях «Любовь Яровая», «Дубровский».

Йыван Кырля известен не только как киноактер, но и как поэт. Его стихи печатались в газете «Марий ял» («Марийская деревня»), издававшейся в Москве на рубеже 30–х годов. При жизни поэта вышли три книги (в издательстве художественной литературы в Москве, на марийском языке). В своих стихах Йыван отрицал прошлое, со всей силой утверждая новую жизнь. Хорошо знал и дружил он и с поэтом Мусой Джалилем. В январе 1937 года поэт был принят кандидатом в члены Союза писателей СССР.

Йыван Кырля принимал активное участие в общественной и литературной жизни, совершал гастрольные поездки по многим городам страны, принимал активное участие в работе Марийского представительства при ВЦИК и землячества марийских студентов Москвы.

О последних годах актера известно мало. «Были слухи, что он погиб на войне» (Михаил Жаров). Есть версия, что он был арестован 23 апреля 1937 г. на 10 лет по статье о контрреволюционной деятельности, однако композитор Сигизмунд Кац свидетельствует, что Йыван разговаривал с ним в 1941 году, будучи проездом в Москве. По официальным данным, он умер в лагере на Урале в июле 1943 года.

Биография Йывана Кырли послужила основой для фильма о жизни марийской молодежи «Песня о счастье» (режиссеры М.С. Донский и В.Г. Легошин). Первоначально фильм назывался «Тайны Кавырли» («Жизнь Кавырли»).

Именем Йывана Кырли в марте 1969 года названа улица в г. Йошкар–Оле, а столетие актера и поэта отмечено выпуском и вручением памятной медали «Йыван Кырля 1909–2009» и открытием 2 ноября 2009 года памятника на привокзальной площади. Теперь бронзовый Йыван Кырля в роли Мустафы встречает и провожает гостей марийской столицы.

Йошкар–Ола. Памятник Йывану Кырле в роли Мустафы. 2009 г.

ТАК ВОТ ОН КАКОЙ, МУСТАФА!

В 20-е годы многим казалось, что перевоспитать беспризорников невозможно. Но жизнь опрокинула эти пессимистические прогнозы. Начинать надо было с ночных облав. В одной из таких облав принимал участие и я. В морозную, метельную ночь группа комсомольцев и милиционеров решила осмотреть железнодорожный состав, стоящий на запасном пути. Вошли внутрь насквозь замороженного вагона. Темнота. Вдруг в луче фонарика, направленного мною на верхнюю полку, увидели какой-то живой комочек и злобные, раскосо поставленные мальчишеские глазенки. Мгновение — и комочек срывается с полки. В руке беспризорника мелькает нож. Я едва успеваю отклониться в сторону, и тут мне на помощь приходит милиционер. Он ловко обезоруживает парнишку и мы... знакомимся. Озлобленное существо оказалось обаятельнейшим татарчонком по имени Мустафа.

Иван Кырля в роли Мустафы

Позднее, когда началась работа над фильмом, этот мальчонка послужил прототипом главного героя фильма — главаря беспризорников Мустафы по кличке Ферт. По эскизам художника Ивана Степанова построили декорацию заброшенного подвала полуразрушенного дома. На студию приехали бывшие беспризорники. Лица ребят, накормленных, отоспавшихся, сияли от удовольствия. Ведь они будут сниматься в кино! Переодетые в грязные лохмотья, с нечесаными вихрами, они вповалку улеглись по углам подвала и сделали вид, что крепко спят. Началась съемка. Держа в руках фонарики, в подвал спускаются милиционеры. Неожиданно тишину разрывает пронзительный возглас: «Шухер! Облава!»

Вдруг в разгар съемки на моих глазах происходит нечто, нами никак не предусмотренное. Из пустой бочки, которая стояла на переднем плане, вылезает какая-то невысказанная физиономия. На голове женская кожаная изодранная шляпка. За ухом, на грязной тряпке, торчит деревянная ложка. А на лице с характерным восточным разрезом глаз — обаятельнейшая хитрая улыбка.

Работа, естественно, останавливается. Я попросил оператора снять крупным планом эту колоритную фигуру. А на следующее утро, просмотрев материалы, приходим к твердому убеждению, что вожака беспризорников Мустафу должен сыграть именно этот парень.

...Иван Кырля выступал перед объективом киноаппарата впервые. Однако жизненная правдивость созданного им образа, покоряющая искренность исполнения поставили начинающего актера в один ряд с такими известными

мастерами, как Николай Баталов (организатор трудовой коммунуны), актер Московского художественного театра, и Михаил Жаров (главарь бандитов). Своим успехом фильм во многом обязан этим замечательным актерам, которые сумели донести до зрителей благородные гуманистические идеи.

Михаил Исиметов

*Из книги «Йыван Кырля. Очерк о жизни и творчестве».
Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2003.*

Один трагический вечер перевернул всю дальнейшую судьбу актера — это произошло 18 апреля 1937 года. К поэту пришел работник городского коммунхоза Носов и рассказал, что «ходят разные слухи о том, что по каким-то доносам арестовывают писателей и ученых, предъявляя им различные обвинения». Но Кырля не воспринял эту информацию всерьез, он был уверен, что во всем разберутся и их отпустят. После этого разговора они пошли в ресторан. На стол, за которым сидели друзья, вдруг начали падать кусочки хлебных корочек. За другим столом сидели два выпивших парня и безобразничали, Кырля подошел к ним и сделал предупреждение, но оно не подействовало, и двое продолжили кидаться хлебом.

Тогда Кырля попросил буфетчика принять меры, и тот вызвал милицию. Участковый увел молодых людей, им сделали замечание. Те же, осознав свое поведение, были отпущены, после чего опять вернулись в ресторан. Позже с этими же студентами у Кырли и возникла драка, здесь и алкоголь сделал свое недоброе дело. Один из студентов назвал поэта националистом, а Кырля в ответ его — шовинистом и крикнул: «Долой великодержавный шовинизм! Да здравствует братство всех народов!» Кырлю забрали в отделение милиции.

И этот небольшой скандал на пьяную голову положил начало большой трагедии — на Кырлю донесли в отдел НКВД. В этом доносе было сказано, что «Иванов является ярим буржуазным националистом, который немедленно должен быть изолирован от общества как враг народа». И Йыван Кырля был арестован. На допросах Иванов виновным себя не признавал. Но это не имело значения.

После рассмотрения дела «тройка» Управления НКВД по Марийской АССР вынесла ему обвинительный приговор: «Обвиняется в том, что будучи членом подпольной националистической организации, вел контрреволюционную агитацию, разжигал среди марийцев чувство ненависти к русским». Кырлю приговорили к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Так талантливый актер и поэт был вычеркнут из творческой жизни.

Вскоре после вынесения обвинения он был направлен в Карелию на строительство Беломорканала. Кырля из лагеря писал не одно письмо Сталину, Калинин, Вышинскому, Берии, описывал свою ситуацию, просил исправить несправедливость. Но все было бесполезно. После начала Великой Отечественной войны заключенный был переведен на Северный Урал, где умер от истощения и каторжного труда 3 июля 1943 года.

И только в 1956 году он был реабилитирован.

ОПЯТЬ ВЕСНА

Весна пришла
Ко мне, к тебе.
Лоснится
Даль без туч.
На перекладину в избе
Сел птицей солнца луч.
Пиджак накинуть
Позабыв,
По-летнему
Одет,
На лавке
Около избы
Сижу,
Теплом согрет. ...
Для тех,
Кто в прошлые года
Так много знал
Потерь, жизнь,
Как весной
В реке вода,
Вовсю кипит теперь.
Жизнь, как река,
Что, берега
Все затопив, бурлит.
И нам не годы,
А века
Счастливые сулит.
Уютный домик
Под окном
Построил я скворцам,
И рады
Мы с тобой
Вдвоем весенним голосам.

1931

Михаил Терентьев
Из серии очерков об Угрешской трудкоммуне № 2,
опубликованных в газете «Люберецкая правда»
6 и 29 мая 1967 года

Кем они были

Алексей К. — несудимый беспризорник. Двенадцатилетнего мальчишку привлекала таинственная даль. Хотелось ему своими глазами увидеть все чудеса земли. И вот он на вокзале у поезда, отправлявшегося на юг. В ящике под вагонами совершен тысячекилометровый путь. Крикливый южный базар, первое украденное яблоко, затем буханка хлеба, ночлег с такими же «путешественниками» в мусорных ящиках. Игра в карты, курение, выпивки. В милиции Алексей завил, что у него нет ни отца, ни матери, а сестра, с которой он жил, уехала куда-то и оставила его одного.

Анна Михина в 12-летнем возрасте потеряла мать, отец женился на другой. Мачеха не признала ребенка как родную дочь. Бесхарактерный отец пошел на то, чтобы выделить дочери долю из хозяйства. Полученное «наследство» было растрачено на конфеты, и Аня оказалась на улице уже через три дня. Ей удалось поступить в няньки в селе Царицыно. В 1924 году она снова на улице. Компания карманных воришек приютила новую знакомую в одном из подвалов. И началась «легкая жизнь». В 15 лет здесь же в подвале Аня «выходит замуж» за «друга». Затем тот «засыпался» и «уехал» в Соловки. Девушке хотелось, ой как хотелось, бросить все грязное, пойти на работу, стать человеком. Но кругом безработица, на бирже в очереди стоят тысячи. Потом совершилось непоправимое. Вожак предложил взять золото и серебро в Историческом музее, лежащее на круглом столе времен Петра I. Спрятавшись в музее, глубокой ночью Анна связала все в скатерть и выбралась через черный ход на улицу. Зарыла все во дворе бывшего «друга». А на другой день — арест (выдали свои же). И на 10 лет в Соловки. Бойкот работе, ухаживания охранника, перевод в Болшевскую трудкоммуну № 1, затем в Николо-Угрешскую трудкоммуну № 2.

А. Свидерский окончил минскую классическую гимназию. Интеллигентный молодой человек, одетый в модный английский бостоновый костюм, выступал в роли представителя московского Большого театра. У него две полные билетные книжки со штампами: «Князь Игорь», «20 мая», «Начало в 8-00 вечера». Почему же заводу не купить целый спектакль, когда в фонде директора есть эти деньги? Директор пишет резолюцию о покупке. Идут веселье и нарядные работники в Большой, а их не пускают: все билеты были проданы через кассы театра. Шум, крик, скандал... А в это время Свидерский уже продает одному из киевских заводов целевой спектакль в театр оперы и балета им. Шевченко. Затем продал такой же спектакль одесситам в Одесский театр оперы и балета. И только в Минске, у себя на родине, он наконец арестован. Дали 10 лет Соловков. Свидерскому в Соловках не живется — бежит. По дороге, где-то близ Вологды, пока мужики пили чай в трактире, продал их лошадей. И снова тюрьма, откуда взят в трудкоммуну.

Сонька — дочь профессора, единственная, красивая. 18 лет. «А вот купите дамские золотые часы! Обручальное кольцо 56-й пробы! Старый портсигар из червонного золота! Мама у меня артистка, заболела. Срочно нужны деньги», — жалуется она посетителям толкучки. И берут покупатели «редкий товар». А на деле это оказываются медяшки, хотя и с «золотой пробой». Что заставило Соньку пойти по этой скользкой дорожке? Справедливости ради, надо сказать, что мать ее умерла рано, а отцу было как-то не до нее. Прежде чем уйти от отца, она продала его настоящие золотые часы. А потом — рестораны, «веселая жизнь», тюрьма, коммуна.

В судьбах трех тысяч членов трудкоммуны № 2 было много похожего и непо похожего, но все они хлебнули горюшка полной чашей.

Какими они стали

Алексей К. увлекся радиотехникой, стал уважаемым человеком в коммуне и в поселке, через три года стал инструктором по производственному обучению, членом правления клуба. В 1941 году Алексей добровольцем ушел на фронт. «Только защищая Родину с оружием в руках, я смогу отплатить хоть небольшую долю того, что она сделала для меня», — заявил он. Алексей прошел всю войну, вернулся домой с орденами и медалями.

Для **Анны Михиной** первые дни в коммуне были тяжелы. Она не хотела работать, прикидывалась больной. К ней отнеслись дружелюбно. Сначала не трогали, убирали за ней койку, называя ее «наша хворенькая». Так прошло две недели. И вот Анну словно прорвало: «Да что вы мне все — хворенькая да хворенькая?! Да я всех вас здоровее, вместе взятых!» Она схватила ведро с водой, сдвинула кровати в угол и стала мыть пол. Через месяц Анна была старостой общежития, а через год стала помощницей воспитателя. Анна работала слесарем-сборщиком на заводе, занималась в драмкружке. Она получала похвальные грамоты за отличную работу на производстве, с нее сняли судимость, она вышла замуж.

Сонька работала в бухгалтерии, а после получения паспорта поступила в театральное училище, стала актрисой.

К Свидерскому приехали из Минска жена и дочь, он зажил семейной жизнью, работал плановиком на заводе, а затем преподавал на курсах подготовки в техникум. Получил паспорт, перед войной уехал с семьей в Минск.

Бывшие члены коммуны становились директорами фабрик, заводов, начальниками цехов, плановиками... 22 человека стали артистами и художниками. В 1938 году учащиеся втуза защитили дипломы, стали конструкторами, инженерами (даже главными), Гриша Миронов ушел на работу в органы госбезопасности. С 1927 по 1937 годы только 10 человек были исключены за грубые нарушения правил коммуны, а тысячи нашли свой путь в большую и счастливую жизнь. Ни один из них не встал потом на путь преступления.

*Эскизный проект памятника коммунарам в г. Дзержинском
Центральная часть. Скульптор С.В. Манцирев. 2011 г.
В центре композиции П.С. Перепелкин, слева Е.П. Смелянский,
справа с блокнотом Я.В. Смеляков*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В конце 1930-х годов трудовые коммуны в СССР перестали существовать в своей изначальной форме, они были преобразованы в производственные предприятия и комбинаты. Считалось, что с беспризорностью и безнадзорностью в стране победившего социализма покончено, что было не совсем так. Однако идеи А.С. Макаренко не умерли, коммунарская методика (концепция коллективного творческого воспитания) получила новый импульс в теории и практике благодаря выдающемуся педагогу, доктору педагогических наук Игорю Петровичу Иванову (1923–1992). Он, его ученики и соратники, участники Коммунарского макаренковского содружества, с успехом применяли эту методику на практике в 1960-е — 1990-е годы в работе пионерских дружин, в лагере «Орленок», во Фрунзенском районе столицы и других местах.

Востребован этот метод и в наши дни. Смена общественного строя, хоть и не такая резкая, как в 1917 году, локальные войны, экономический кризис, распространение таких социальных пороков, как пьянство и наркомания, вновь стали причиной детского сиротства, беспризорности и безнадзорности. Оценки масштабов этого явления по разным источникам очень условны и сильно расходятся — от 100 тысяч до 7 миллионов человек. Верхняя цифра, конечно, является большим преувеличением. Выходит, что каждый третий ребенок из 21 миллиона детей до 19 лет ныне является беспризорным либо безнадзорным, т.е. проблема стоит еще более остро, чем в 1920-е годы, когда таковым был каждый 4–5-й ребенок. До этого, конечно, дело не дошло. Причины беспризорности ныне, в основном, другие. Не столько нищета и гибель родителей, сколько социальное сиротство при живых родителях, ведущих асоциальный образ жизни либо занятых зарабатыванием денег и не уделяющих должного внимания своим детям. Усугубляется проблема и наличием значительного количества «отказников», страдающих серьезными наследственными заболеваниями.

Более реальную оценку числа беспризорных и безнадзорных дает количество умственно полноценных детей, не посещающих школу. По данным Минобразования, таких в 2002 году насчитывалось около 368 тысяч человек. Скорее всего, эти данные неполные: наверняка есть беспризорники, никогда школу не посещавшие и нигде не «засветившиеся», да еще мигрировавшие из бывших союзных республик в более «хлебную» Россию. Трудно оценить их количество, но в целом беспризорных и безнадзорных подростков у нас, по-видимому, более полумиллиона. Если к ним прибавить воспитанников детских домов — около 800 тысяч человек, — то оценка количества детей, нуждающихся в опеке государства и общества, приблизится к полутору миллионам. Внушительная цифра — это же каждый 14–15-й ребенок! Для их воспитания и перевоспитания пригодится коммунарская методика.

Особенно важно не только обустроить, одеть, накормить этих детей и дать им образование, но и помочь им «встроиться» в современное общество. Это нелегкая задача. Судя по тем данным, которые собирают воспитатели детских до-

мов и помещают в интернете, от 10% до 35% выпускников детдомов (разные годы, разные детдома и разные выпуски) имеют серьезные проблемы в этой области: пьют, употребляют наркотики, нигде не работают, воруют и т.п.

К сожалению, в последние годы в детских домах и интернатах практика трудового воспитания все больше сужается. Дети живут там как в санаториях: административные работники, следуя циркулярам и должностным инструкциям, не всегда позволяют воспитанникам даже убирать за собой посуду со столов, не говоря уже о ее мытье и уборке помещений и территории. В результате выпускники не получают навыков самостоятельного ведения домашнего хозяйства и часто с трудом социализируются во взрослом обществе.

Тем актуальнее сегодня опыт трудкоммун и, в частности, коммуны в Николо-Угреше, где воспитанники вливались в дружный коллектив, получали необходимые знания, профессиональные навыки, вовлекались в трудовую, общественную, культурную и спортивную жизнь.

Созданная 85 лет назад и юридически просуществовавшая всего 11 лет трудовая коммуна № 2 ОГПУ-НКВД сформировала людей, живших и живущих в подмосковном поселке имени Дзержинского. Более 30 лет назад он получил статус города. Его стремительное развитие в последние десятилетия связано не только с выдающейся личностью Виктора Ивановича Доркина (1953–2006), хотя и он здесь появился не случайно. Его идеи и организаторский талант легли на благодатную почву, созданную коммунарами и их воспитателями, многие из которых влились в научно-производственное объединение «Союз» — один из флагманов современного оборонного и космического производства. Многие семьи в Дзержинском так или иначе связаны с коммуной, поэтому основа коллективного коммунарского воспитания дала возможность создать здесь уникальное городское сообщество в 1990-е годы, когда устои общества, казалось, рушились.

Мы не вправе забывать о трудкоммуне и коммунарах 1920–1930-х годов, внесших большой вклад в создание современного благоустроенного и динамично развивающегося города Дзержинского — научно-промышленного, культурного и духовного центра Подмосковья. Низкий поклон им от нас, потомков, за то, что они смогли, преодолев свое трудное и порой далеко небезгрешное прошлое, стать достойными гражданами страны, защитить ее в годы Великой Отечественной войны, восстановить после войны и помогли своим трудом стать великой державой. Светлая память тем из них, кто уже в мире ином, а ныне здравствующим — наше уважение и почет.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3

БОРЬБА С БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В СССР И КОММУНА В НИКОЛО–УГРЕШЕ

<i>А. Рожков.</i> Беспризорники	6
Из книги «Рыцарь революции. Воспоминания современников о Ф.Э. Дзержинском	20
ГУЛАГ (справка)	23
Из материалов Первой московской педагогической конференции по борьбе с беспризорностью	23
<i>М. Горький.</i> Из предисловия к книге М.С. Погребинского «Трудовая коммуна ОГПУ»	24
<i>М. Погребинский.</i> Из книги «Трудовая коммуна ОГПУ»	26
<i>М. Погребинский.</i> Из книги «Фабрика людей»	31
<i>Н. Журавлев.</i> Необычные воспитанники	40
БСЭ. Коммунарская методика	43
«Летопись Николо–Угрешского монастыря. 1905–2009» Выдержки из книги	44
<i>Е. Егорова.</i> Трудроммуна в Николо–Угрешском монастыре	53
<i>М. Терентьев.</i> Из серии очерков о трудкоммуне № 2	66
<i>Е. Рудинский.</i> Трудроммуна № 2. Из воспоминаний	71
<i>Г. Хиллиг.</i> Проблемы организационной структуры макаренковских учреждений. А.С. Макаренко и Болшевская коммуна	71
<i>Н. Родионов.</i> Трудроммуна № 2 ОГПУ им. Дзержинского	73
<i>Н. Родионов.</i> Три друга–беспризорника	74
<i>А. Сахнов.</i> Из рукописи «Коммуна»	75
<i>Н. Родионов.</i> Из воспоминаний	76
Привет выпускникам! (газета «Дзержинец»)	76
<i>Н. Аристархов.</i> «Детство такое, не как у всех...»	80
<i>Л. Гаврилова.</i> Справка о трудкоммуне № 2	81
<i>А. Тихомиров.</i> В школу ФЗУ завода «Р–4» (газета «Дзержинец»)	82
<i>П. Железнов.</i> Стихотворения	83

ТРИ КИТА КОММУНЫ: ТРУД И УЧЕБА, КУЛЬТУРА, СПОРТ

ТРУД И УЧЕБА

«Об оценке строений...» (документ из ЦГАМО)	86
<i>А. Сахнов.</i> Из рукописи «Коммуна»	88
<i>М. Кольцов.</i> В монастыре	92
<i>М.Н.</i> На «отлично» (газета «Дзержинец»)	97
<i>Качалин.</i> Итоги и перспективы завода «Спартак» (газета «Дзержинец»)	99
<i>А. Чекмазов.</i> Открытие новой фабрики (газета «Дзержинец»)	103
<i>Артамонов, Бердичевский.</i> Задачи музыкальной фабрики (газета «Дзержинец»)	103
<i>Н. Родионов.</i> Из воспоминаний	108

КУЛЬТУРА

<i>А. Сахнов.</i> Из рукописи «Коммуна»	108

<i>Л. Мариани.</i> На коммунарской сцене. 8 лет кружкам второй коммуны	108
Театры коммуны	
<i>А. Сахнов.</i> Из рукописи «Коммуна»	117
<i>Н. Дегтева.</i> Клуб в Клубном переулке	117
<i>А. Сахнов.</i> Из рукописи «Коммуна»	121
<i>А.Я. и П.М.</i> На нашей сцене (газета «Дзержинец»)	123
<i>М. Дворянкин.</i> «Павел Греков» (газета «Дзержинец»)	124
<i>В. Митюшкин.</i> Смелянские	126
<i>А. Сахнов.</i> Из рукописи «Коммуна»	128
Скульптурная студия	
<i>А. Сахнов.</i> Из рукописи «Коммуна»	131
Художественная студия	
<i>А. Сахнов.</i> Из рукописи «Коммуна»	135
<i>В. Митюшкин.</i> Коммунары–художники	140
СПОРТ	
<i>А. Сахнов.</i> Из рукописи «Коммуна»	143
<i>Е. Рудинский.</i> О спорте в 1935–1940 годах	152
<i>В. Митюшкин.</i> Путь в авиацию	157
<i>В. Митюшкин.</i> Итог эпохи великих свершений	161
<i>А. Сахнов.</i> Из рукописи «Коммуна»	164

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

<i>Р. Позамантур.</i> Матвей Самойлович Погребинский	168
<i>Г. Хиллиг.</i> Федор Григорьевич Мелихов, Сергей Петрович Богословский, Матвей Самойлович Погребинский	169
<i>В. Митюшкин.</i> Ефим Павлович Смелянский	171
<i>В. Митюшкин.</i> Из статьи «Смелянские»	175
<i>Н. Дегтева.</i> За него поручились коммунары (П.С. Перепелкин)	177
<i>В. Митюшкин.</i> Интернатская «мама»	182
<i>Е. Егорова.</i> Ярослав Смеляков на Угрешской земле	185
<i>А. Белов.</i> Машенька	202
<i>А. Сахнов.</i> Виктор Семенович Сорокин	218
Виктор Семенович Сорокин (материал ДХШ № 1 г. Липецк)	219
<i>Н. Дегтева.</i> Иван Филиппович Токаренко	220
<i>А. Сахнов.</i> Николай Николаевич Горлов	223
<i>Е. Рудинский.</i> Коля Горлов	225
<i>Б. Ширяев.</i> Алексей Чекмазов (отрывок из романа)	225
<i>Н. Дегтева.</i> Иван Георгиевич Ерастов	228
<i>Н. Дегтева.</i> Евсей Яковлевич Рудинский	231
<i>Н. Стархов.</i> Жизнь в труде (газета «Дзержинец»)	233
<i>Старик.</i> Стахановец Леонид Пушкинский (газета «Дзержинец»)	237
<i>Н. Дубровская.</i> «Мустафа дорогу строил»	239
<i>Ййван Кырля.</i> Краткая биография	244
<i>Н. Экк.</i> Так вот он какой, Мустафа!	246
<i>М. Исиметов.</i> Из книги «Ййван Кырля. Очерк о жизни и творчестве»	247
<i>Й. Кырля.</i> Опять весна	248
<i>М. Терентьев.</i> Из серии очерков о трудкоммуне № 2	249
Послесловие	252

Коммуна в Николо-Угреше

г. Дзержинский Московской области

Сборник статей, документов, воспоминаний

Ответственный редактор: *Е.Н. Егорова*

Подбор и подготовка материалов:

Н.Н. Дегтева

(с. 6–18, 20–23, 40–43, 71–83, 86–164, 166–181, 202–244, 246–248)

Е.Н. Егорова

(с. 3–5, 19, 24–39, 44–70, 83–85, 165–166, 179, 182–202, 244–246, 249–253)

Технические редакторы: *В.Н. Киселева, Т.Н. Жильцова,*

Р.В. Прядко, Е.Н. Егорова

Корректор: *О.С. Бахтиярова*

*Использованы фотографии 1930-х гг. из фондов
историко-краеведческого музея г. Дзержинского и
фотографии из семейных архивов.*

Качество фотографий соответствует оригиналам.

Сдано в набор 16.04.2011. Подписано в печать 31.09.2012.

Формат 70х100/16. Гарнитура «SchoolBook». Печ. л. 16

Тираж 1500 экз.

Дзержинское муниципальное унитарное предприятие
«Информационный центр»

140093, Московская обл., г. Дзержинский, ул. Томилинская, д. 14а.

Тел.: (495) 551–22–32, (495) 550–20–74.

Муниципальное автономное учреждение культуры

«Культурно-эстетический центр»

140090, Московская обл., г. Дзержинский, ул. Спортивная, д. 12.

Тел.: (495) 550–66–27, (495) 551–17–90.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, Московская область, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Тел.: (49638)20–685, (495)745–84–28. Факс: (49638)21–682.

<http://www.oaompk.ru>, oaompk@oaompk.ru

Заказ №

ISBN 978-5-900999-81-4

9 785900 999814

